

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
снегони́м
2•2002

2002 год объявлен ЮНЕСКО Годом Гор

-
- ЙЕТИ НА УРАЛЕ ● НАШИ В ТАЙЛАНДЕ ● КРОВЬ КИБЕРПАНКА
  - ПРАВДА О ЗВЕРСТВОВАВШЕМ ПРИКАЗЧИКЕ ● ПОЧЕМУ ГОРУ ЗОВУТ ВОЛЧИХОЙ ● ПРОГУЛКИ ВО ЧРЕВЕ ЗЕМЛИ ● НОВОСТИ ●

Решением ЮНЕСКО 2002 год объявлен «Годом Гор»

Уральские горы известны во всем мире, как граница двух частей света — Европы и Азии. У географов они не менее знамениты, чем экватор или Гринвичский меридиан.

Хотя горы невысокие, но очень протяженные — более 2000 километров. Вместе же с Мугоджарами и Новой Землей, образующими с Уральским Хребтом орографически и геологически единую систему — Уральскую горную страну — протяженность их составляет уже более 3000 километров.

В связи с прохождением Урала через разные климатические и природные зоны, ученые разделили его на пять географических районов: Южный, Средний, Северный, Приполярный и Полярный. Наиболее высокие горы находятся на Приполярном Урале: самая высокая — Народная (1895м.). Высокие горы на Южном Урале и на Северном — более 1600м.

После того, как Уральские Горы были определены в качестве границы Европы и Азии, на его водораздельной части стали устанавливать столбы «Европа-Азия». Это началось при Татищеве В.Н., который был не только выдающимся горнозаводским начальником, но и географом, и историком, сделавшим описание всего Урала «от Яика до Ледяного моря».

Освоение Уральских гор шло с древних времен. Судя по археологическим находкам человек пришел на Урал еще в эпоху палеолита — древне-каменного века. Горы, очевидно, всегда притягивали к себе человека своей необычностью, разнообразием растительного и животного мира, наличием пещер и скал, защищающих его от хищных животных. Даже в эпохи великих оледенений человек вместе с животными и растениями уходил на юг при наступлении ледников и возвращался на север при отступлении последних.

Русские давно посещали Урал, но первые официальные данные об этом появились в начале второго тысячелетия. Урал сразу стал притягивать к себе не только своими богатствами: пушным зверем и полезными ископаемыми, но и необычностью своей природы. Для человека из средней и северной Руси горы эти казались заоблачно высокими, таинственными, а длина их и до сих пор феноменальна.

Освоению новых пространств помогали связи с уже живущими здесь местными народами: ненцами, ханты, манси и другими. Ермак, открывший окно в Сибирь, шел уже проторенными путями. С вершины Уральского хребта русичи увидели Сибирь и захотели ее освоить. И стала Русь «Сибирью прирастать». И поселился на Уральском хребте Двуглавый Российский Орел, охраняя обе половины Державы.

Благодаря титаническому труду людей по освоению природных богатств, таких как соль, медная и железная руда, золото, платина, алмазы и др. Урал стал не только опорным краем, но и опорным центром Державы нашей.

Богата природа Урала, сказочно красивы и величественны его горы, великолепны стекающие с него реки и окружающие его таежные леса, поля и озера. Тысячи туристов ежегодно путешествуют по Уральским горам и рекам. С каждым годом увеличиваются возможности посещения этого сурового и прекрасного края, основой, стержнем которого являются древнейшие на земле — Уральские горы.

Евгений Савенко

В прошлом году «Уральский следопыт» начал публикацию серии заметок «Уральская горная страна». Продолжаем эти публикации.

На 1-й стр. обложки — вид с горы Народной. Фото автора.

О Человеке

Семен Исаакович Спектор

Буквально на днях произошло событие, очень серьезное и радостное для «Уральского следопыта»: Семен Исаакович Спектор дал свое согласие вступить в Наблюдательный совет журнала. Мы, сотрудники редакции, отлично понимаем, что этот факт накладывает на нас дополнительную ответственность — рядом с таким человеком просто невозможно не тянуться за ним, невозможно не оправдывать его доверия все лучшими и лучшими результатами своей работы. В Екатеринбурге, в Свердловской области и по всей России живут тысячи тех, кому помог этот замечательный врач и общественный деятель: ветераны войн, которым он вернул здоровье и продлил жизнь, благодарные родственники этих ветеранов, врачи, по праву считающие себя его учениками, масса людей, когда-либо обращавшихся за помощью к Семену Исааковичу. И, наконец, к этим людям принадлежит редакция «Уральского следопыта» и все его читатели: ведь Семен Исаакович очень много помогал и помогает нашему журналу.

Семен Исаакович — старый и добрый друг «Уральского следопыта»: в прошлом году мы с большим удовольствием подготовили и опубликовали специальный выпуск, посвященный 60-летию Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн, которым он руководит. В этот госпиталь для встреч с больными выезжали концертные бригады, организованные нашим журналом, и продолжение такого сотрудничества, несомненно, последует. А сейчас взаимоотношения нашего журнала и С. И. Спектора перешли на новый уровень.

Думаем, что не все из вас, дорогие читатели, держали в руках тот, специальный, выпуск нашего журнала. И поэтому сейчас мы кратко расскажем вам об этом добром и сильном человеке — Семене Исааковиче Спекторе.

Уже в десять лет Семен четко решил, что он будет врачом. И на всю жизнь запомнил удивительные слова, сказанные его родной тетей — сестрой матери. Она была медиком по образованию и очень четко сформулировала главный принцип: «Наша профессия не имеет мандатной комиссии, она не знает национальностей, не знает врагов и не знает друзей. Она знает одно — надо лечить больного человека».

Но поначалу судьба, вроде бы, пошла в другом направлении: после школы юный Спектор поехал в Черновцы и поступил там в индустриальный техникум.

Курс обучения по технологии силикатов — что может быть дальше от профессии врача? Но в 1956 году этот техникум был благополучно окончен, и Семен отправился на практику во Львовскую область, в город со смешным названием Городок. И там, на керамическом заводе, впервые проявились его организаторские таланты: в свои двадцать лет он стал начальником цеха всего за... 15 дней работы! Невероятная скорость служебного роста — тем более, для двадцатилетнего юноши, каким тогда был Спектор. Но этот факт — еще не все. Семен Исаакович вскоре зарекомендовал себя очень ценным специалистом, так как

поднимал на производстве отстающие цеха, один за другим.

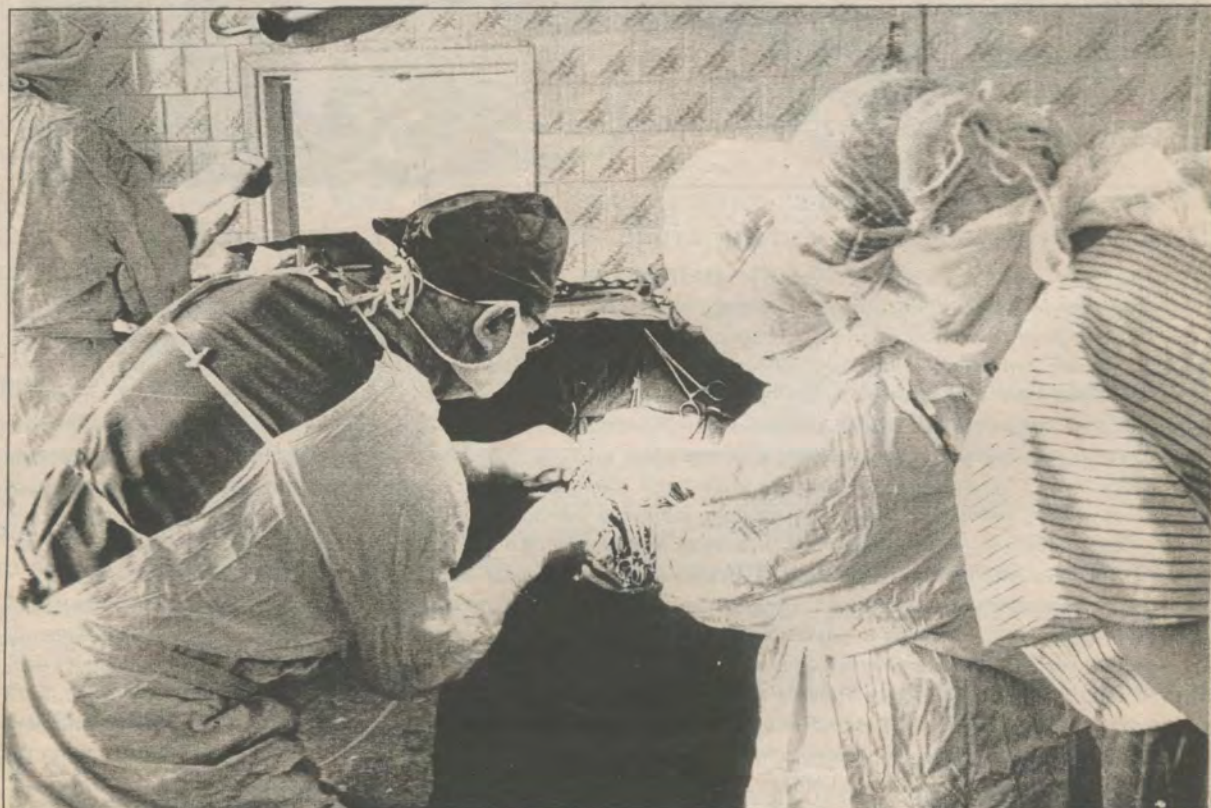
***

Но это продолжалось очень недолго. Через год, в 1957-м, Семен Спектор решает выполнить свой долг перед Родиной и призывается в ряды вооруженных сил. И вот он уже стоит на перроне той станции, к которой подходит поезд «Масийска — Львов», состоящий всего-то из 4-х вагонов. Вокруг — толпа народа, и проводники возбужденно кричат, что в поезде не хватит места на всех желающих. Им просто невдомек, что вся эта масса людей — друзья одного-единственного молодого человека, Семена Спектора. И что они здесь лишь для того, чтобы проводить его в армию.

Дальше была служба в уральский военном округе, где его определили в учебный взвод 311-го саперного батальона (г. Елань). Спектор и тут показал свои способности и свое умение работать: он дослужился до заместителя командира взвода.

***

После армии пришло время для осуществления детской мечты Семена Исааковича. Еще во время службы

С. И. Спектор оперирует

он узнал о свердловском мединституте и, демобилизовавшись, поехал в Екатеринбург (тогда еще Свердловск) — поступать на врача.

Спектор успешно сдал все экзамены в институт. И все военное отошло в прошлое — но, как выяснилось впоследствии, отошло только на время, для того, чтобы потом уже навсегда объединиться, слиться с жизнью и работой Семена Исааковича.

После окончания института Спектор был зачислен врачом-ординатором 1-ого нейрохирургического отделения госпиталя, где лечились инвалиды Великой Отечественной войны с травматологическими болезнями мозга.

И это оказалось судьбой. В этом госпитале Семен Исаакович начал с рядового врача, а в итоге стал его начальником. И не тем начальником, который просто благополучно поддерживает работу вверенного ему учреждения — а тем, который улучшает это учреждение, выводит его на совершенно новый уровень работы.

Этот этап жизни Семена Исааковича начался в мае 1973 года. Тогда, по приказу облздравотдела, Спектора назначили и.о. начальника госпиталя. Причем, как

вспоминает сам Семен Исаакович, он до сих пор так и не написал заявления на должность начальника госпиталя. Так что он сейчас шутит, что до сих пор является и.о. начальника.

И после этого в госпитале все закипело! А в 1979 году началось строительство нового госпиталя. По всей стране был объявлен трудовой субботник в пользу этой беспримерной стройки, а в Свердловской области таких субботников прошло даже несколько. И все заработанные на них деньги уходили на это строительство.

Семен Исаакович не бросал поста ведущего нейрохирурга госпиталя — вместо этого он добавил себе вторую серьезнейшую должность и стал, практически, прорабом. Всеми самыми тяжелыми, «несдвигаемыми» вопросами стройки занимался он — и в итоге успешно справлялся с ними.

Новый госпиталь начал функционировать весной 1983 года. Его первая очередь была рассчитана на 240 коечных мест. Но Семен Исаакович не останавливался на достигнутом — и продолжал строительство. Это очень тяжелое дело — строить несмотря на непрекращающийся поток проблем, дефицитов, нехваток... Но Спектор как-то изворачивался, добывал нужное. И в

Семен Исаакович Спектор и сотрудники госпиталя.

1994 году в строй вступила вторая очередь госпиталя. Теперь он вмещал 810 коек для ветеранов, и в него входили уже 26 отлично оснащенных специализированных отделений с палатами интенсивной терапии в каждом. Одновременно со всем этим был создан и научный центр.

А в 1997 году — новые преобразования: теперь в госпитале лечится уже 1200 человек. Но Семен Исаакович продолжает строить. За пределами Екатеринбурга, в г. Первоуральске, создается реабилитационная база госпиталя «Снежинка». На ней продолжают свое лечение те больные, которые уже прошли стационар.

Сейчас в госпитале лечатся не только ветераны Великой Отечественной — к ним присоединились и те, кто пострадал в битвах Афганской и Чеченской войн.

За все сделанное, за свою волю и энергию, за организацию лечения ветеранов войн Семен Исаакович Спектор был награжден международным орденом «Белый крест» и возведен в лорды. Его госпиталь известен не только на Урале, а самого Семена Исааковича за глаза называют то «лордом с Широкой речки», то «рышарем Белого Креста»...

О С. И. Спекторе говорят не только в Екатеринбурге, не только в Свердловской области, но и по России. И говорят с восхищением:

— Вот это врач! Вот это человек! Он до лечения умеет исцелить...

***

Работой Семена Исааковича заинтересовались губернатор Свердловской области Э. Э. Россель и Председатель правительства области А. П. Воробьев. Они долго, тщательно присматривались к ней. И в итоге предложили ему войти в правительство области, заняться в нем вопросами социальной политики. Спектор никогда не рвался в политику. Но на этот раз согласился — неожиданно и для сотрудников госпиталя, и для себя самого. Итог этого решения: в апреле 1997 года С. И. Спектор стал заместителем председателя правительства по социальной политике.

— Только одно условие у меня, — предупредил новый зампред своего нового начальника. — Чур, оклад у меня будет один: только за работу в правительстве. У госпиталя не возьму ни копейки.

С того времени Семен Исаа-

кович стал работать, как говорится, без сна и отдыха.

С 8 утра до 6 вечера он трудится в должности заместителя председателя правительства, а после 6 вечера и до глубокой ночи занимается проблемами своего госпиталя, своих ветеранов. Выходные дни, конечно, тоже отдаются первому, старому месту работы. После труда в областном правительстве, Спектор едет в госпиталь и ведет там прием больных. За 2000 год он принял в госпитале 5 000 посетителей. А в Белом доме — 3 500.

Семен Исаакович уже и не помнит, когда в последний раз использовал свой отпуск полностью. Все время что-то происходит, а в итоге за последние 30 лет он в отпусках практически и не бывал.

Как-то произошел такой случай.

— Все, все, дорогая, — сказал Семен Исаакович жене в начале нового отпуска, — собирайся, сегодня едем! Подойдет машина — и в Золотые пески!

Но перед намеченным отъездом прозвучал тревожный телефонный звонок: на операционном столе лежит тяжелый больной.

Погрузив чемоданы в подошедшую машину, чета Спекторов поехала в госпиталь. Семен Исаакович оперировал пациента, а жена сидела в кабинете мужа и прощалась с полученными путевками. Но им повезло: все-таки удалось успеть на самолет. А через неделю после всего случившегося Семен Исаакович уже снова был в госпитале: в ходе телефонного разговора он понял, что одному из его пациентов стало плохо. А раз так — какой отдых может быть у врача?!

***

Сегодня Семен Исаакович — и нейрохирург, и начальник, и вице-премьер областного правительства — по-прежнему получает только одну зарплату.

— Спросите у нашего премьера Алексея Петровича Воробьева, — чуть ли не шутит Спектор. — Я его самый дешевый заместитель!

В его подчинении находится Пенсионный Фонд, и он искренне старается помочь всем нуждающимся, поддержать беспризорных, несовершеннолетних, пенсионеров, обеспечить социальную защиту учителям, ветеранам. Особенно — ветеранам.

Спектор считает, что самое главное в любом человеке — быть честным перед другими. «Нужно, чтобы у большого руководителя была большая совесть», — говорит он.

С. И. Спектор

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.6
Вячеслав ЗЕЙФЕРТ «Правда о «кыштымском звере»	стр.7
Алексей КОЖЕВНИКОВ «День рождения - только раз...»	стр.11
Владимир ГОЛДИН «Антонов-«Изгнанник»	стр.12
Владимир ШИЛОВ «Загадки Орла-городка»	стр.15
Юрий ДУНАЕВ «Почему Волчиха?»	стр.20
Татьяна ДАРЕНСКАЯ «Аннушка»	стр.21
Елена ПАЛУСОВА «Записка»	стр.24
Алексей КУЗИН Стихи	стр.25
Татьяна СУВОРОВА «Мы - Добряне!»	стр.26
Петр РОДИМОВ «Заочная литературная школа»	стр.27
Алексей РЕШЕТОВ («ДОБРЯНЕ») Стихи	стр.30

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ

Продолжая долговременную экспедицию по границе, разделяющей два материка нашей планеты (старт заочного путешествия дан в августе прошлого года - см. «Уральский следопыт» № 9, 2001) мы знакомим читателя с самым северным из памятников-обелисков «Европа-Азия». Он находится на южном берегу пролива Югорский Шар, отделяющего материк от острова Вайгач (Ненецкий национальный округ). Здесь Уральский хребет «ныряет» в воды Северного Ледовитого океана, чтобы обнаружить себя в виде гряды высоких оледенелых гор на архипелаге Новая Земля.

Знак «Европа-Азия» установлен в 1973 году сотрудниками полярной станции и участниками экспедиции на катере «Замора», следовавшей от Архангельска до порта Диксон, повторяя путь поморов. Как писали сами устроители, географический знак не отличается оригинальностью. Был где-то раздобыт заржавленный якорь, к нему приварены цепь, металлическая труба и плита на ней со словами «Азия-Европа».

Екатеринбург. В Камерном театре культурная общественность чествовала лауреатов Бажовской премии 2001 года. Премия имени уральского сказителя вручалась уже в третий раз. Нынче в числе четырех ее избранников — писатель-краевед Николай Семенович Корепанов. Он удостоен премии за книгу «В раннем Екатеринбурге (1723-1781)», изданную Банком культурной информации. На основе архивных документов автор создает, пожалуй, мало кому знакомый образ горнозаводской столицы первых пятидесяти восьми лет ее бытования — от рождения до обретения статуса города. При этом книга написана добротным литературным языком, и, конечно, нуждается в добротном иллюстрированном переиздании.

Другими лауреатами Бажовской премии стали екатеринбуржец Константин Мамаев (книга «Письмо и речь»), тагильчанин Николай Семенов (книга стихов «Озимь») и оренбуржец Михаил Резинкин (поэма-сказ «Кот Баюн»).

ЮАР. Здесь археологи Крис Найт из Университета Восточного Лондона и Камилла Пауэр из Университетского колледжа Лондона нашли в пещере Вломбоса (Южная Африка) «губную помаду», датированную периодом каменного века.

Как полагают ученые, оставляющий розовый след камешек является одним из древнейших символов человеческой цивилизации. И значение этого «символа» до примитивности обыденно: его использование давало понять мужчинам каменного века, что им не «светит» никакой любви до тех пор, пока они не принесут чего-нибудь... покушать. Любопытно, что некоторые африканские племена до сих пор используют такого рода «знаки» — и с точно такими же целями.

«MIGnews»

Вячеслав ЗЕЙФЕРТ, г. Екатеринбург

Правда о «КЫШТЫМСКОМ ЗВЕРЕ»

Г. Ф. Зотов

В 1774 году владелец бывшего казенного завода граф Роман Воронцов продал Верхисетский «железозаводдействующий» завод, а также множество других своих владений, коллежскому асессору Савве Яковлеву. После смерти Саввы Верхисетский завод перешел к его сыну, Ивану, поручику Таганрогского драгунского полка. Наследник приложил максимум старания к умножению полученного богатства. Он объединил в своих руках все имеющиеся и вновь построенные заводы, рудники, прииски, земельные и лесные угодья, а также множество крепостных и приписных крестьян и мастеровых. Объединенные заводы отныне стали именоваться Верхисетским заводским округом. В поселке на площади около проходной был постро-

ен двухэтажный каменный дом заводской конторы.

Вскоре первым приказчиком был приглашен приглянувшийся хозяину знаток горнозаводского дела, исполнительный и деловой 30-летний кричный мастер Шуралинского завода крепостной человек Григорий Федотович Зотов.

Род Зотовых появился на Урале в начале XVIII века, одновременно с первыми горнозаводчиками Демидовыми. Крепостной Петр, сын Петров Зотов с тульских заводов был переведен на Невьянский Акинфием Демидовым. Вскоре он женился на «поповой дочери» из Краснопольской слободы. Его старший сын Федот бесценно, до самой кончины был управляющим Шуралинским заводом Яковлевых.

В его старообрядческой благочестивой семье воспитались и обучились грамоте и всем житейским мудростям трое сыновей. Все они стали заметными людьми горнозаводского Урала. Известно, что сын Григорий, провинциальный заводской юноша, уже обладал деловым умением и сноровкой. Он даже посещал губернскую Пермь с какими-то хозяйственными поручениями.

Старший брат Григория — Поликарп — в 1794 году был поставлен приказчиком Уткинского завода, а несколько лет спустя стал управляющим Режевского завода, второго по значению в Округе. После его смерти в 1817 году должность занял сын Тит, в будущем — известный и удачливый золотопромышленник.

Младший брат Савва вначале был расходчиком на том же Режевском заводе, а с января 1802-го заменил престарелого отца в должности приказчика на Шурале.

Свое знакомство с огромным производством Округа Григорий Зотов, по словам современников, начинал с ночного и дневного хождения по заводам и зоркого догляда за порядком. От его пронизывающего взора не ускользали ни одно рабочее место и ни один мастеровой. Замкнутый цикл произ-

водства в Округе требовал реконструкции и технического переоснащения заводов.

Особо блюлось техническое состояние головного Верхисетского завода. По предложению приказчика Зотова была усовершенствована машина, позволявшая получать двух-трехаршинные листы железа. Это уже походило на прокатный способ производства. В 1803 году в своем рапорте горный деятель, академик, главный начальник Екатеринбургского горного округа И. Герман докладывал Бергколлегии, что железо, изготовленное с помощью этой машины, «не только по величине своей есть первое и единственное, но даже по изящности, доброте, чистоте, ровности, легкости, гибкости своей превосходное в своем роде». Железо обладало изумительными свойствами. Оно не ржавело, не требовало окраски, отличалось необыкновенной долговечностью («сто лет на крыше стояло»). Признав важность изобретения, после некоторых проволочек владельца завода наградили золотой медалью с надписью: «За полезное». Разумеется, действительным создателем машины был не титулованный заводовладелец. Зотов же, видимо, был благодетельствован хозяином освобождением от крепостной зависимости.

После смерти Ивана Яковлева завод перешел в руки его сына, гвардии корнета Алексея Яковлева. За грамотность, умение и старание Григорий Зотов был назначен главным управляющим и доверенным лицом заводовладельца. Получив возможность единоличного управления всем замкнутым циклом производства, он с еще большим рвением занялся переустройством восьми вспомогательных заводов, входивших в Округ, чтобы продукция выходила под единой заводской маркой. Марка «А.Я. — Сибирь» с изображением соболя расшифровывалась так:

«Алексей Яковлев — Сибирские заводы». С этих пор она получила признание на всех российских ярмарках и вышла на международный рынок. Например, в 1814 году руководство Верхисетского завода получило заказ на изготовление железа для американского рынка.

При активном участии Зотова, а возможно и при его материальной поддержке, в поселке завода была построена часовня для старообрядцев, так как сам он был ревностным хранителем «крепкой веры», завещанной дедами и отцами. Однако это не мешало ему быть неоправданно жестоким к своим единоверцам. Часто оброки (задания), задаваемые рабочим, «превосходили всякие силы человеческие». А за неповиновение и ослушание следовало жестокое наказание.

Архивные документы свидетельствуют о непосредственном участии управляющего Г. Зотова в приглашении со стороны грамотного механика А. С. Вяткина и помощи ему в создании при заводе механической фабрики. К 1817 году она уже располагала «обрабатывальными станками»: «огромной токарней», «сверлильным станом», «винторезным станом» и другими приспособлениями. На фабрике была изготовлена мощная паровая машина для привода станков, а также и сами станки. Управляющий Г. Зотов ходатайствовал в 1815 году перед заводовладельцем о награждении механика А. С. Вяткина медалью. При этом управляющий отмечал: «Дело, через руки русских же мастерово-

г. Кыштым. Дом владельцев Кыштымских заводов

Фото В. Кокшарова, издание В. Л. Метенкова (из фондов музея фотографии)

вых производимое, подает самые надежные средства к распространению таковых полезнейших машин и помимо рук иноземных».

На базе существующего при механической фабрике участка медного литья в 1817-20 годах впервые на Урале было освоено бронзолитейное производство. В основном его изделия носили декоративно-прикладной характер и являлись как бы продолжением традиций художественного чугунного литья, берущего свое начало еще с конца прошлого века, а позже возрожденного с большой славой на Каслинском заводе.

Ради увеличения выпуска гвоздей Зотов предложил перевести ручные гвоздильни на «водную тягу» с установкой колесных валов для их привода. Он и сам был известен как изобретатель. Одной из его новинок была машина для полировки снарядов (ядер), созданная на заводе в самый разгар Отечественной войны. В заключении, подписанном военным министром, отмечалось, что машина Г. Зотова придает снарядам «самую гладкую округлость с наилучшею удобностью». Особо подчеркивалось, что «изобретение сие есть совершенно новое и весьма полезное: пробы сих снарядов очевидно показывают совершенство изобретения Зотова, и весьма желательно было бы, чтобы и другие заводы последовали сему примеру». За свое изобретение Зотов был удостоен золотой медали.

В 1815 году Зотов предложил проект сооружения канала Исеть-Решетка-Чусовая.

Затем управляющий вплотную занялся решением «личных дел», «родством с сильными мира сего». За заслуги Г. Ф. Зотова был отпущен на волю его сын Александр. Богатейший купец Л. И. Расторгуев выбрал его мужем для своей дочери Екатерины. Кроме отца жениха, никто бы не смог вывести из плачевного состояния приобретенные у Демидова Кыштымский и Каслинский заводы. К тому же в 1822-м на новых владениях Расторгуева произошли волнения заводских мастеровых. Власти признали справедливость требований работников, однако ради порядка зачинщиков все-таки предали суду и наказали.

Во время усмирения волнений внезапно скончался хозяин заводов Л. Расторгуев, и наследницы-дочери Мария Харитоновна и Екатерина Зотова уговорили Григория Федотовича взять управление заводами на себя. Формально ими управляли мужья — П. Харитонов и А. Зотов; но фактически хозяйством со всем родственным усердием занимался Г. Зотов.

Во время путешествия по Уралу осенью 1824 года император Александр I, кроме самого города

Екатеринбурга, пожелал осмотреть Верхисетский завод корнета Яковлева. Государь, видимо, и ранее слышал лестные отзывы о состоянии завода. Узнав, что предприятие доведено до высшего совершенства бывшим крепостным кричным мастером, доросшим до управляющего, император выразил желание познакомиться с ним лично. Так Григорий Федотович Зотов предстал перед государевы очи. Один из современников так описывал его внешность: «Наружность и осанка, при первом взгляде, обличала светлый ум и сильный характер. Орлиные глаза его показывали необыкновенную пронизательность, разговор его о делах серьезных всегда состоял из афоризмов. Высокий рост, атлетическое сложение и особенное отличие в обращении, окладистая короткая борода, курчавые с проседью на голове волосы невольно возбуждали к нему особенное внимание и уважение».

Император подробно расспрашивал Зотова о заводских делах и удивлялся его знаниям и находчивости. На вопрос государя: «Почему мои заводы здесь гораздо хуже частных и особенно Верхисетского?», Зотов ответил: «На казенных заводах много начальников и заводские люди в большой нужде, а у нас на заводе начальник один, хорошо знает каждого рабочего, знает его нужды и способности».

По словам Зотова, государь поручил ему составить докладную записку о положении горнозаводского дела на Урале и велел представить ее ему в собственные руки, минуя всякие канцелярии. Однако начальство казенных горных заводов неблагоприятно Зотову — авторитетному представителю гонимых в то время на Урале старообрядцев, и не представило его государю на официальном обеде знатных горожан. На вопрос: «Почему на приеме отсутствует Г. Ф. Зотов?», горное начальство смущенно ответило, что Зотов не принадлежит к их числу. На что государь заметил: «Очень жаль, что здешнее горное начальство не обратило внимания на столь опытного в горном деле и столь полезного человека. В продолжение одного часа я узнал от Зотова гораздо более о положении здешнего горного производства, нежели во все мое путешествие по Уралу».

Огромный опыт, приобретенный на Верхисетском заводе, быстро стал давать плоды в Кыштыме и Каслях. Процесс производства, по словам современников, был доведен Зотовым «до настоящей степени совершенства». Побывавший на заводах берг-геншворен Чайковский (возможно, отец композитора), отметил, что одним из факторов успеха стала предложенная Зотовым и осуществленная на

заводах замена соснового угля на березовый, что значительно сократило расход топлива, улучшило добротность чугуна и получаемого из него железа.

Но деловитость и знание заводского дела уживались у Г. Зотова с высокой требовательностью и даже жестокостью к работникам. Разбирательства по жалобам мастеровых и проводимые следствия заканчивались, как правило, в пользу заводладельцев и администрации. Только после расследования, которое провел в 1826 году флигель-адъютант нового императора Николая I полковник граф А. Строганов, были арестованы все заводские приказчики, участники злодеяний, а самого Зотова поначалу подвергли домашнему аресту в доме сына. Этот богатый дом с колоннами и портиком стоял напротив усадьбы Харитоновых на той же Вознесенской площади Екатеринбургa. Как ни силен был Зотов, сколько ни имел покровителей в столице, но расследование Строганова все-таки сбilo его с ног. В обвинительном акте Строганов, не будучи большим специалистом в организации производства, приписал все достижения в деятельности заводов «только несоразмерным усилениям работ», требовательности, а порой и жестокости со стороны управляющего и его мастеров. Но ведь палочная дисциплина и жестокость были в то время одним из способов хозяйствования на всех заводах Урала. Между тем, серьезное обвинение Г. Зотова в убийстве беглого мастерового оказалось недоказанным, так как, по словам Зотова, он в тот день и час был в Екатеринбургe на встрече с императором.

Чувствуя свою невиновность, подследственный, находясь под стражей, в мае 1832 года подготовил предложение на очень злободневную тему: «О средствах к сбережению заводских лесов». Документ был адресован лично императору, но до него, видимо, не дошел. Каслинский историк В. Н. Свистунов указывал, что следствие по делу продолжалось до 1837 года, то есть почти десять лет. Осталось без последствий посланное на имя императора прошение Зотова, в котором он добивался «доставления всех законами дарующих способов к оправданию».

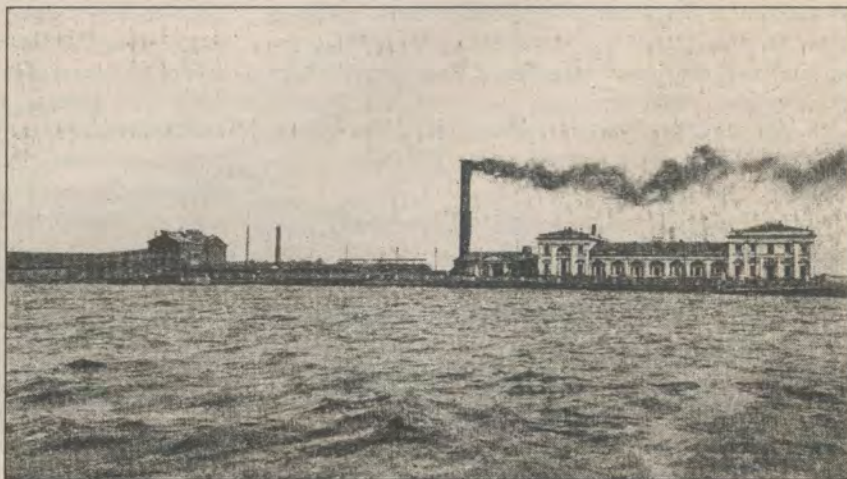
После восстания декаб-

ристов император Николай I всерьез взялся за наведение порядка, ликвидацию опасных очагов возмущения, в том числе и искоренение старообрядчества. По его личному распоряжению, Г. Ф. Зотов, а заодно и П. Я. Харитонов, как лица, имеющие слишком большое влияние среди старообрядцев, были сосланы в далекий финский городок Кексгольм.

По тогдашним законам Зотов подлежал наказанию шпицрутенами и ссылке на каторгу в Сибирь. Ссылка в Финляндию была связана с необходимостью удалить их подальше от урало-сибирского гнезда старообрядцев. По данным Мамна-Сибиряка, оба они умерли в глухом чухонском крае лет через десять. По другим данным, П. Харитонов умер в 1837 году в ссылке, а Г. Ф. Зотов — в начале 40-х годов в Петербурге. По легенде, на похороны Г. Зотова пробрался даже беглый кержацкий поп.

Кличка «кыштымский зверь», прочно приставшая к личности Г. Ф. Зотова в исторической литературе в связи с расследованием А. Строганова, требует современного осмысления. Г. Ф. Зотов должен остаться в истории Урала и как большой знаток горного дела, умелый организатор производства, один из создателей отечественного машиностроения, талантливый конструктор и дальновидный прожектор. О его заслугах свидетельствуют три медали для ношения на шее, из коих расшифрована пока только одна.

Портрет Г. Ф. Зотова случайно обнаружил по каталогу портретов купцов, хранящемуся в запаснике Екатеринбургской картинной галереи, известный уральский краевед Ю. А. Коленков.

Верхисетский завод во времена Г. Ф. Зотова

Алексей КОЖЕВНИКОВ, г. Полевской Свердловской области

День рождения - только раз...

«Далматов монастырь», «Мир на стану», «Зрелость», «Уральские рассказы», «Екатеринбург-Свердловск»... Автором этих повестей и сборников была Нина Аркадьевна Попова. А главное ее произведение — историческая трилогия «Заре навстречу».

Детство писательницы прошло в бажовских местах, в городе Полевском. Вот как пишет о ней ее подруга, уральская поэтесса Елена Евгеньевна Хоринская: «Это там возникла и окрепла в ней любовь к уральской природе, незабываемым сказкам, преданиям, прекрасным песням, остроумным поговоркам, великолепному народному языку... Недаром даже в детских стихах ее воспиты и Азов-гора, и Думная, и урочище Медведка, и берег Чусовой, заросший черемухой, смородиной и хмелем...»

Начав печататься в 1925 году, в 1936 она стала членом Союза писателей СССР. Ее книги выдержали несколько изданий, печатались за рубежом.

Умерла Н. А. Попова 11 января 1969 года, прожив... а вот тут-то и случилась заковыка.

Е. Е. Хоринская в своих воспоминаниях («Урал», 1975, № 12) называет датой ее рождения 14 января 1900 года. Поэт Л. Л. Сорокин, возглавлявший Свердловское отделение СП РСФСР, после смерти Н. А. Поповой, выступив в «Уральском рабочем» с воспоминаниями о ней 14 декабря 1975 года, приурочил эту дату к 75-летию со дня рождения писательницы. Эта же дата фигурирует в справочнике В. Т. Аношкиной «Писатели Среднего Урала». Кто же прав?

Н. А. Попова

Недавно мне в руки попали ксерокопии «Клировых ведомостей о церквях 4-го благочинного округа Екатеринбургского уезда за 1903 год», которые дополнили сведения о родителях и родственниках писательницы.

Ее дедушка и бабушка жили в селе Рыбниковском Камышловского уезда. Дед Михаил был псаломщиком в местной церкви, а бабушка, Ирина Власиевна, помогала ему. Их сыновья окончили пермскую духовную семинарию — Всеволод Черепанов в 1883 году в звании «студента», Аркадий (отец писательницы) — в 1886-м («со свидетельством 2-го разряда».

В ноябре 1889 года его Преосвященство Поликарп рукоположил Аркадия Михайловича Черепанова в священники и направил нести пастырскую службу в церковь Кыштымского завода Екатеринбургского уезда. Здесь-то 1 декабря 1899 года и родила ему 32-летняя матушка Надежда Михайловна дочку Нину, о чем и сообщается в «Клировых ведомостях...за 1903 год».

19 сентября 1900 года Консистерия переводит о. Аркадия священником в полевскую церковь, к матери и брату, а отделение епархиального училищного Совета определило его законоучителем в местную школу грамотности.

Вот так будущая писательница оказалась в Полевском. И если верить «Клировым ведомостям...», то столетие со дня ее рождения уральцы должны были отмечать 14 (по старому стилю) декабря 1999 года.

Владимир ГОЛДИН, г. Екатеринбург

Антонов - Изгнанник

На стыке веков, XIX и XX, среди литераторов было модно выступать в печати не под своим именем, а под псевдонимом. Именно тогда псевдоним приобрел широкий размах в российской литературе, хотя существовал и раньше, бытует и в наше время. Многие писатели и поэты так и остались в памяти читателей под псевдонимом, а настоящая фамилия отступила и как бы ушла в подполье. Так, мы помним в литературе Сашу Черного и Андрея Белого, Максима Горького и Демьяна Бедного, Вересаева и Скитальца. Эти псевдонимы у читающей публики, что называется, на слуху.

Трудно нынче вспомнить поэта Сашу Красно-го — но в разговорах о нем на память сразу приходит что-то особенное, отличающее этого автора от других: «А, да это тот, который прожил на свете сто лет?».

Подобным полузабытым поэтом сейчас предстает Иван Николаевич Антонов (1878-1936) — в литературе он известен под псевдонимом «Изгнанник».

Странный псевдоним. Изгнанник — это человек, который находится в изгнании. Антонова же, в начале его творческого пути, никто ниоткуда не изгонял. Он скитался по российским городам, но имя Скиталец уже было «занято» старшим по возрасту писателем Степаном Гавриловичем Петровым.

Взятый для себя Антоновым псевдоним рано

или поздно должен был себя оправдать. Это как в пьесе: если на сцене появилось ружье — то оно обязательно должно выстрелить.

Изгнанник, как отмечает профессор С. Венгеров, был широко известен в 1907-1909 годах в поволжских городах, его стихи в те годы часто появлялись в «Самарской газете», «Самарском ку-

С. Г. Скиталец

рьер», «Бузулукских вестях», в «Царицинской жизни». В те годы Изгнанник познакомился с Леонидом Андреевым, был вхож в его литературный салон. Значит, в эти годы Изгнанника никто не «изгонял». Тогда же у Л. Андреева Изгнанник знакомится с Максимом Горьким, который находил его стихи талантливыми, но не лишенными недостатков.

В последующие годы Изгнанник все больше смещался на восток Российского государства. В 1910 году его стихи появились в нашей екатеринбургской газете «Урал», в оренбургском «Железнодорожнике».

Затем известный краевед Е. Д. Петряев замечает присутствие Изгнанника в городе Чите, где он публикуется в «Забайкальской нови».

Наконец наступает черед Японии. Там Изгнанник издает свой первый сборник стихов — «После бури» (1909). С этой русской книжкой, появившейся на японской земле, Изгнанник (через Австралию) плывет в Европу, в Неаполь, а оттуда на остров Капри, к Горькому, чтобы прочитать ему свои стихи из японской книжки.

В 1912 и 1914 годах Изгнанник издал еще два сборника стихов: «Песни» и «В великую годину». Последний сборник вышел в свет в г. Оренбурге.

На этом творческий путь Изгнанника как бы обрывается. Все исследователи — Венгеров, Петряев, Масанов — констатируют, что поэт в 1912 году выбрал постоянным местом жительства город Оренбург и скончался в 1930 году.

Но это не верно. Иван Николаевич, по каким-то неведомым причинам, обремененный большой семьей, покидает Южный Урал и перемещается в столицу огромной Уральской области — Свердловск. В своем творчестве Изгнанник, как и почти вся российская интеллигенция, выступал против самодержавия. Он был сторонником Февральской революции, но, как и многие интеллигенты, Изгнанник не принял Октябрьский переворот. Его стихи после 1917 года были антибольшевистской направленности. Этого ему советская власть простить не могла. Когда в 1934 году Изгнанник по-

Саша Черный

дал заявление о приеме в Союз советских писателей, ему отказали. Псевдоним начал оправдываться.

Последнее место работы Антонова-Изгнанника — индустриальный институт (теперешний УГТУ-УПИ), газета «За индустриальные кадры».

Поэт нигде не печатается. Накапливается творческая

неудовлетворенность, и все чаще он обращается к услугам Бахуса. Складывается компания из людей, которым было что вспомнить и сказать о текущем моменте. В этой компании заметна другая колоритная фигура — моряка-драматурга Алексея Васильевича Баранова, когда-то члена Реввоенсовета республики, но сосланного в Свердловск в 20-е годы. В компании выпивают и разговаривают. Для Изгнанника Горький уже не кумир, ради встречи с которым он проехал полмира, а всего лишь продавшийся Сталину человек.

В компании поклонников Бахуса оказался «товарищ», который все внимательно слушал, а затем написал донос куда следует.

В июле 1935 Антонова-Изгнанника, Баранова и других арестовали. При аресте у поэта была обнаружена «Тетрадь, вероятно последняя, с печальными осколками мыслей и звуков». В НКВД была назначена экспертиза для идеологического анализа содержания изъятых при обыске литературных работ Изгнанника. Выводы комиссии, проводившей экспертизу, хранятся в деле И. Н. Антонова, в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

Среди «осколков мыслей» Изгнанника можно обнаружить такие: «Что это за власть, которая заставляет писать не искренно, не то, что думаешь?», «Появление новой литературы представляется мне зарей нового этапа в развитии литературы. А на заре ослы кричат неизмеримо громче, чем соловей. Может ли быть настоящая литература при диктатуре или не может?» — спрашивает себя Иван Николаевич в записях, предназначенных для лич-

ного пользования. Свои тягостные мысли поэт выражает в стихах:

Заблудились мы в темной тайге,
Одичали на тропах звериных,
В жалкой, нудной, болотной борьбе
Не мечтать о полетах орлиных.
Доля наша не бурный поток,
А смиренность в удушливой давке,
Чтобы черного хлеба кусок
Получить в опаскудившей лавке.

Выводы экспертизы были однозначны и изложены словами, отражающими дух времени классовой борьбы: «Из этих строк вылезает во всей своей контрреволюционной откровенности классово-враждебное мурло».

Судьба поэта Изгнанника была решена. Суд 5 ноября 1935 года приговорил его к восьми годам лишения свободы. Остальные получили по пять лет.

Через год всех арестованных оправдали — это было еще возможно, на дворе стоял 1936 год. Освободили всех членов компании любителей Бахуса — кроме одного. А следы Ивана Николаевича Антонова-Изгнанника затерялись в недрах Гулага...

(Фотоизображение Антонова-Изгнанника нам найти не удалось. Может быть, помогут читатели?)

Стихи
Ивана Антонова-Изгнанника

Тени Салтыкова — Щедрина

В години бесправья, порывов и ломки,
Когда твоя мысль увлекала вперед, —
Раздался твой голос испуганно громкий:

«Чумазый идет!»

Для тех, кто боролся проклятьем и смехом,
Кто рвался на крест за народ —
Твой крик отозвался болезненным эхом:

«Чумазый идет!..»

Теперь, когда Русь преклоняет колени,
Взирая на хамский престол, —
Я грустно взываю к страдальческой тени:

— Чумазый пришел.

Из песен о «хаме»

Триумфатор

Проходи, проходи, торжествующий Хам,
Я тебе уступаю дорогу;
Я, как жрец, не оставлю пылающий храм,
Не окончив служения богу.
В этот храм приходил ты, измучен и слаб, —
И я пел тебе песни свободы;
Но разбил ты алтарь, взбунтовавшийся раб,
Оскорбил заповедные своды.

Ты восстал, чтоб чужим поживиться добром.
И бессильна моя укоризна;
Ты, как вор, устремился в пылающий дом,
Забывая, что дом тот — отчизна!!

Приходи, триумфатор, алкатель дворцов,
Преисполненный пошлой гордыни,
Разрушая святое наследие отцов,
Наступая ногой на святыни...

Проходи, не спеша: ты успеешь занять
Так тебя соблазвившее стойло;
Не спеши; а то можешь еще расплескать
Из горшка драгоценное пойло.

А тогда, когда снова ты к храму придешь, —
Червь раздавленный правого рока, —
Не забудь захватить окровавленный нож,
Чтоб вонзить его в сердце пророка!

*Газета «Зауральский край»,
1917, 12 ноября*

xxx

Мы плывем без руля и весла,
Вспоминая ушедшее время.
Подражаем терпению осла,
Чтобы вынести нудное бремя.

xxx

Что я погиб, я это знаю.
Не петь про новь и старину,
Но по ночам во сне ласкаю
Другую милую страну.

xxx

Были дни — богач в веселье
Капитал себе сколачивал,
А бедняк, томим бездельем,
«Х..м груши околачивал».
От богатых мы избавились.
Не напрасно было сечево...
Бедняку ж беды добавилось:
Околачивать-то нечего.

*Дело Антонова, Государственный архив
административных органов Свердловской
области.*

Владимир ШИЛОВ, г. Березники

Загадки Орла-городка, первой столицы Строгановых в Прикамье

Рукописные и старопечатные книги из строгановской библиотеки. Хранятся в Березниковском историко-художественном музее им. И. Ф. Коновалова

О ранней истории современного поселка Орел Усольского района Пермской области есть очень много публикаций. Но и загадок там до сих пор остается предостаточно. Ежегодно археологи Пермского госуниверситета, госпедуниверситета, областного краеведческого музея находят удивительные вещи на Огурдинском поселении, начало которого датируется мезолитом (то есть среднекаменным веком). Этот уникальный памятник на правом берегу Камы между пос. Орел и д. Огурдино внесен в Британскую Королевскую энциклопедию, а у нас же отмечен только на региональном уровне.

Приведу пример находки в самом современном поселке Орел в 1998 году. При расчистке древней усадьбы был выявлен невзрачный фраг-

мент бумаги, напоминающий кору. Каково же было удивление археологов, когда на нем проступили иероглифы, нанесенные тушью. Специалисты Института востоковедения РАН определили, что характер иероглифов соответствует китайской скорописи XIV-XVII веков... К сожалению, фрагментарность документа не дает возможности расшифровать надпись. Документ был обнаружен в доме зажиточного обывателя у печи, облицованной рельефными полихромными изразцами орлинского производства XVII века.

Возможно, жители Орла-городка хранили этот документ (фрагмент) китайской скорописи ввиду необычности зна-

ков для каких-либо культовых целей, связанных с почитанием домового? И вообще, как китайская скоропись оказалась в Орле-городке? Возможно, она попала благодаря прохождению недалеко Государевой (бабиновской) дороги в Сибирь?

Интересна и во многом загадочна история возникновения Орла-городка. Одно солидное издание констатирует: «В 1558 году Григорий Строганов, сын крупного сольвычегодского солепромышленника Аникия Строганова, получил первую жалованную грамоту от Ивана IV Грозного на земли по обеим берегам р. Камы от устья Лысьвы в районе Соликамска и вниз до р. Чусовой... На землях, принадлежащих Строгановым, строятся укрепленные городки: Канкор (1558 г.), Кергедан (Орел-городок, 1564 г.), Нижний Чусовской городок (1568 г.)». («История

Иконостас в церкви Похвалы Богородице

Фото Игоря Фалько

Урала», Пермь, 1976. - Т. I).

Однако, Строгановы при подаче челобитной царю, мягко говоря, лукавили — и этот обман зафиксирован в исторических источниках. Упомянутый Григорий Аникиевич Строганов (? — 5. XI. 1577 г.), подавший Ивану Грозному челобитную, просил отдать ему пустующие дикие земли по обеим сторонам Камы на протяжении 146 верст, уверяя царя, что «прежде де сего на том месте пашни не пахивали и дворы не ставили». Между тем, известный историк-краевед Прикамья А. А. Дмитриев в XIX веке отмечал, что эти края были далеко не необитаемые. Кроме аборигенного населения Прикамья, еще задолго до Строгановых там обитало множество русских промышленников. Он отмечал, что, например, Калининковы, основатели Усоля-Камского (ныне г. Соликамск), появились в Прикамье около 1430 года.

Сегодня уже известно, что Строгановы построили свой Орел-городок на месте старинного пермяцкого городка Кергедана (или Каргедана), а ниже устья Лысьвы находился и другой старинный городок, где Аникой Строгановым был основан Пыскорский монастырь, а потом — первый в России Пыскорский медеплавильный завод (сегодня

с. Пыскор Усольского района).

Получив жалованную грамоту на «отхожие земли» по Каме от устья Лысьвы до устья Чусовой, Строганов был обязан строить городки с военными гарнизонами «для бережения от нагайских людей и иных орд», а также «пашни росчистя и дворы ставити... и соль варити».

Государство таким образом получало из Прикамья прямую прибыль от поставки соли в казну и выявления полезных ископаемых, которые самим Строгановым разрабатывать запрещалось. Этим, скорее всего, и объясняется необычно большой срок льготы от уплаты налогов — на 20 лет!

До сих пор мы не можем представить полной картины жизни в пермской вотчине Строгановых, так как эта жизнь была на удивление своеобразной. Во многом неизвестна нам и деревянная архитектура того времени.

Действительно: с одной стороны, здесь было обычное помещичье хозяйство с крепостными мужиками, пахавшими землю, а с другой — стояли мощные солеварни со множеством занятых на них работников. Как отмечал доктор исторических наук В. А. Оборин: «Самым крупным солеваром в XVI веке стал Н. Г. Строганов, которому принадлежало 13 варниц, причем все они находились в одном месте — «у острога» Орла-городка».

В трех основных городах Верхнекамья по писцовым книгам 1579 года «насчитывалось 112 ремесленников 33 профессий. В Чердыни их было 66, в Соликамске 17, в Орле-городке 29. Однако это соотношение не отражает полной картины, так как в переписи не учтено участие населения в солеварном производстве».

К тому же в 1572 году Строгановы получили право набирать охочих людей в казаки, то есть формировать собственное вотчинное войско. Оно в том же году было использовано для подавления так называемого «черемисского» бунта — восстания нерусского населения на Каме, организованного сибирским ханом.

Наряду с этими подданными, у Строгановых была целая армия приказчиков, переводчиков, писцов и всякого рода наемных специалистов, которых они очень тщательно подбирали себе на службу, доставляя из самых неожиданных мест. Они, например, практиковали обход московских тюрем, вызволяя оттуда нужных им людей. Таким путем попал к Строгановым известный Оливер Брюнель. А вот что пишет исследователь Н. Д. Конаков: «Еще в XVI веке коми считались лучшими проводниками в походах русских войск за Урал... Коми-переселенцы в бассейне нижней Оби, как правило, владели тремя языками: коми, русским и хан-

тыйским... Мирное сосуществование в этноконтактных зонах, особенно в случае совместного проживания и использования для хозяйственных целей одной и той же территории, невозможно без обоюдокompромиссных уступок...»

Наряду с русскими, здесь проживало вогульское (манси), татарское, черемисское (марийское), коми-пермяцкое население, а в XVI веке, после присоединения Казанского ханства к Московской Руси, на земли Южного Прикамья, часть которых тоже вошла в вотчину Строгановых, переселяются казанские татары, положившие начало перемским татарам.

Вот из такой разноплеменной массы состояло население Строгановской вотчины — «государства в государстве». Строгановы обладали и феодальным иммунитетом (особый суд, невмешательство воевод в их внутренние дела), что позволяло им не очень «церемониться» с местным населением. Есть сведения, что они имели свои тюрьмы, и когда однажды выдающийся христианский миссионер Трифон Вятский, побывавший в Орле-городке, во время своих отшельнических «подвигов» в лесу сжег нечаянно заготовленные для варниц дрова, то, по преданию, был посажен разгневанными Строгановыми в тюрьму.

Но вернемся к одной загадке Орла-городка. Что это за первоначальное название — Кергедан, или Каргедан? Доктора исторических наук О. Н. Бадер и В. А. Оборин в своей книге «На заре истории

Прикамья» писали: «Городок первоначально имел коми-пермяцкое название — Кергедан, «город в устье реки». Этой же версии придерживаются современные известные истрики Прикамья А. М. Белавин и А. Ф. Мельничук.

Но вот что пишет об этом названии исследователь Е. Н. Шумилов в своем словаре: «Кергедан. Такое название имел с 1564 г. Орел-городок... Тогда он находился на левом берегу Камы на Орловском мысу. В 1706-1707 гг., в связи с изменением русла реки, был перенесен на правый берег. Название Кергедан занесли в Верхнекамье, скорее всего, тюрки, появившиеся здесь в IV-V вв. в нем могло закрепиться тюркское личное или родовое имя Каргедан, что в переводе значит «носорог». Однако возможно и другое объяснение. Мыс (в русских говорах — нос), т. е. участок берега, вдающегося углом в реку, мог вызвать у русских представление о клюве птицы (орел), а у тюрков — о роге (носорог)».

Автор этих строк слышал и такую версию от жителя современного поселка Орел: что Каргедан имеет татарское происхождение, от слов «карга» — ворона и «дан» — слава...

Загадочна и история строительства городка. Постоянные наводнения (Кама начала «пробивать» в то время новое русло) вынудили жителей переместить поселение на противоположный берег Камы, где сегодня и расположен современный поселок Орел.

Церковь Похвалы Богородице. Датируется 1735годом..

Фото Игоря Фалько

Первоначально кремль города имел 5-угольную конфигурацию, пять наугольных башен, три из которых были проезжие. Стены его состояли из острога, но в начале XVIII века три из них были заменены срубными городнями. Площадь посада составляла приблизительно пять гектаров. Сведений же об укреплениях не сохранилось, но, судя по археологическим данным, стены были острожными, а с внешней стороны был выкопан ров.

С самого начала Орел-городок был административным, экономическим и культурным центром Строгановских вотчин. Археологический материал ярко характеризует городскую культуру не только русского, но в некоторой степени и коми-пермяцкого населения. Например, на территории городка обнаружена усадьба ремесленника — коми-пермяка. Здесь стояла бревенчатая изба с двухскатной крышей, покрытой, как на домах родановской культуры, берестой. На полу избы найдено скопление белого и синего бисера — точно такого, каким коми-пермяки еще в XIX веке украшали шамшуру (женский головной убор). Кроме избы, на усадьбе находились маленькая баня, сарай и хлев. Баня имела глинобитный пол и открытый очаг, укрепленный камнями так же, как в родановских жилищах. Усадьба была обнесена частоколом из вкопанных в землю толстых жердей и горбылей. В доме, скорее всего, жил мастер — резчик по кости. Об этом говорят найденные при раскопках железный резец для работы по кости, заготовки из кости и рога, несколько костяных вещей, в том числе ложка с изображенной на ней головой птицы, тоже похожей на родановские изображения.

Кроме резчиков по кости, в Орле-городке жили коми-пермяцкие гончары. В посаде обитали и московские мастера, которые, «очевидно, специально были привезены Строгановыми для устройства своей резиденции. Они изготавливали прекрасную чернолощеную посуду, а также изразцы и черепицу — глиняные обожженные плитки, покрытые стеклообразной цветной эмалью — поливой».

Население Орла-городка занималось и сельским хозяйством. Об этом говорят найденные при раскопках железные оковки деревянных лопат, мотыги, серпы, косы-горбуши, сечки для рубки капусты. Практиковалось разведение домашнего скота, находящегося на стойловом содержании. Дополнительным промыслом для жителей являлись охота и рыбная ловля. Рыбу ловили главным образом сетями с глиняными грузилами. Встречаются кости стерляди, леща, язя, плотвы, сома и особенно часто — кости щуки (по преданиям северных коми-пермяков, щука — царь подводного царства, ей приносили в жертву молодых девушек).

Археологами в остатках богатых домов найдено много кусков слюды, вставлявшейся в оконные рамы (оконное стекло тогда еще не получило распространения). Окна бедняков, очевидно, затягивались пузырем или закрывались деревянной задвижкой. В богатых домах найдены медные светильники, а в бедных — железные светцы для укрепления лучины. Очень интересна находка костяных коньков для катания на льду. Обнаружено много мелких украшений — бляшек, бус, сережек, а также крестики, перстни и футляры для иголок, украшенные красивой перегородчатой эмалью.

И. С. Поносова писала, что в начале XVIII века в Орле-городке стояло два шатровых клетских храма, один из которых был «о пяти верхах», колокольница с десятью колоколами, хоромы Строгановых, торговые лавки, дома ремесленников и зависимых крестьян.

Первоначально Орел-городок считался и хорошо укрепленной крепостью. Этому тогда способствовала сама природа. Городок находился на небольшом полуострове, образованном берегами рек Яйвы и Камы, а узкий перешеек был пересечен рвом, что превращало городок в подобие острова; к тому же он был окружен деревянным острогом.

Однако, как уже было сказано, в начале XVIII века Кама пробивает себе новое русло, что привело к частичному разрушению старых укреплений Орла-городка, которые вновь уже не восстанавливались.

После присоединения Сибири к Русскому государству городок-крепость оказался в глубоком тылу и превратился в торгово-ремесленный поселок. Особенно сильно на хозяйственной жизни поселка, сохранившего название Орла-городка, сказалось истощение соляных рассолов. Строгановы принялись искать для нового солепромысла подходящее место на Каме и остановились на месторождении концентрированных рассолов в Новом Усолье.

Таким образом, можно предположить, что Новое Усолье (ныне — г. Усолье Пермской области) явилось социокультурным и экономическим преемником Орла-городка.

Сегодня, на рубеже тысячелетий, живописный поселок Орел Усольского района Пермской области сгруппировался вокруг единственно высокой точки — каменной церкви Похвалы Богородице, возведенной в 1735 году. Традиционная для русского барокко постройка, привычная в центральных областях России, здесь, на Каме, смотрится необыкновенно оригинальной и живописной. Окруженная вековыми липами и лиственницами, она придает поселку неповторимый облик. Несколько

удлиненный с востока на запад восьмерик основного объема увенчан куполом и меньшим барабаном-восьмериком, также с куполом и небольшим барабаном. Протяженная трапезная соединяет основной объем храма с более поздней колокольной начальной XIX века, в которой угадываются черты «усольского» классицизма.

В этой церкви сохранился редчайший старый иконостас из деревянного Богородицкого собора прежнего Орла-городка (изготовлен в XVII веке — то есть старше самой церкви!). Иконостас, по мнению искусствоведа В. А. Цыпуштанова, был выполнен мастерами-резчиками Оружейной палаты Московского кремля в конце XVIII века и обставлен иконами царского изографа Ивана Максимова.

После того, как Л. Н. Толстой в 1901 году был отлучен от церкви, и синод «рекомендовал» православным храмам изображать Льва Николаевича в аду, такое пожелание было выполнено и в церкви Похвалы Богородице. Правда, в годы советской власти фреска «Лев Толстой в Аду» была снята и утрачена; тем не менее, мы и сегодня можем видеть точно такое же изображение на том же месте в одном из приделов церкви, которое было выполнено одним из местных богомазов в конце 50-х годов, только уже просто масляными красками.

На бывшей церковной площади, ныне превращенной в обычный провинциальный сквер, в 1981 году был торжественно открыт памятник Ермаку. Здесь же в сквере есть еще один памятник орловцам — «героям гражданской войны». Орел, как и многие другие населенные пункты Прикамья, был местом жестоких боев в 1918-1920 гг.

С северной стороны сквера установлен обелиск с именами 146 орлинцев, не вернувшихся с полей Великой Отечественной войны; на воинском кладбище похоронены 464 воина.

Сейчас в Орле проживает 2800 жителей. Здесь работают предприятия российского масштаба: АООТ «В-Камская фабрика «спорт» и АОЗТ «Орлинский рейд», а также рыбцех, пивоваренный завод, лесничество.

Коллектив В-Камской фабрики «Спорт» сегодня занимается выпуском корпусной, мягкой и кухонной мебели, которая привлекает внимание потребителей не только в Пермской области, но и за ее пределами.

Объем промышленной продукции по Орлинскому рейду в 1999 г. составил свыше 15 миллионов рублей. Сплавщики рейда ежегодно в конце XX столетия отправляют потребителям более 50 тысяч кубометров добротной уральской древесины.

Центр поселка Орел в мае 2000 года. В центре — владельческий дом-магазин конца XIX века.

Фото Игоря Фалько

Юрий ДУНАВЕР, г. Первоуральск.

Почему Волчиха?

Один из популярных туристских маршрутов — поход на гору Волчиху. Это самая высокая вершина близ Первоуральска. На 525 метров взметнулась она над уровнем моря свой каменистый гребень над живописной излучиной Чусовой. Двугорбая громада впечатляет и вызывает интерес у экскурсантов и туристов.

Вершина горы представляет собой каменные останцы плотной породы габбро, имеет форму пирамиды с южным и западным склонами, круто спускающимися вниз. Скалистый гребень ее вытянут с севера на юг. Северный и восточный склоны покрыты сосняком и липой.

Кто хотя бы раз побывал на этой горе, тот надолго запомнит просторы, которые открываются с ее вершины. Отсюда видно далеко-далеко «во все концы света». Это сказано не ради красного словца. Волчиха расположена на водораздельной полосе. Редкий красоты вид открывается. На север уходит Главный Уральский хребет. На западе простираются невысокие увалы: Коноваловский, Шайтанский, Киргишанский. Как на ладони предстает типичная уральская панорама: зеленые горы до горизонта, зеркально сверкающие на солнце большие и малые водосемы, трубы и корпуса заводов, светлые многоэтажные здания новых жилых кварталов Первоуральска и Ревды.

В народе бытует такое предание о происхождении названия Волчихи.

«Сначала гора Волчихой называлась. При Демидове через нее лес волочили (а она ведь вон какая высокая). Срубят лес — и до завода волоком. Волчихой ее уж позже называть стали, когда первое название забылось. Говорят, волков там немало водилось». (Предания и легенды Урала. Составитель В. П. Кругляшова. Свердловск, 1991).

Фантазия народа безгранична. Порой сказки складываются в отрыве от исторических фактов. Приведенное предание лишено всякого смысла.

Во-первых, трудно представить, чтобы мужики стали волочить лес через гору, да еще переправлять через реку Чусовую. Красного и лиственного леса было достаточно на месте строительства Ревдинского завода.

Во-вторых, лес по правую сторону Чусовой принадлежал другому Демидову — Никите, а не Акинфию. Братья враждовали между собой из-за земельных участков. Следовательно, волочить через гору было нечего.

В-третьих, Демидов поставил завод на реке Ревде лишь в начале 30-х годов, тогда как гора была извест-

на с первых лет восемнадцатого столетия и называлась по-иному — Волчья.

В 1702 году слободской крестьянин-рудознатец Федор Росов с товарищами открыл близ этой горы месторождение железной руды. И значилась гора сначала под названием Волчья, а не Волчиха.

Наименование Волчья тоже вызывает загадку. Существует несколько версий о происхождении ее имени. «Такое название могло быть дано и за обилие волков, и за дикость мест в прошлом». (А. К. Матвеев. «От Пай-Хоя до Мугоджар» Свердловск, 1984).

В восемнадцатом веке название Волчья гора было популярно. Это отмечает в своих научных трудах В. Н. Атицев: «Волчья гора из того же Рифейского пояса или Уральских гор происходит близ реки Чусовой... Также острый и высокий холм и для ее высоты за 60 верст чрез многие горы видима». Под таким же названием гора показана на «Карте Екатеринбургского ведомства 1749 года», сочиненной геодезии прапорщиком Петром Павлуцким.

Однако, почему Волчья? Может, предки дали ей имя из-за сходства с лежащим волком. Тогда почему название выражено прилагательным?

Прояснение дает горный ручей по имени Волчий, правый приток реки Чусовой. Он берет начало с восточного склона горы. Не связывать название Волчий и Волчья и считать их совпадением просто невозможно. Известно, что гидронимы гораздо старше других названий. В таком случае следует исходить от имени ручья. Отсюда версия: предок, попав в эти места, заметил у ручья волка или его логово и дал ручью наименование — Волчий. От ручья название перенесли на гору. Теперь ясно, почему так долго гору именовали Волчьей.

Во второй половине XIX века произошла трансформация имени: гору Волчья стали именовать Волчихой. В то время в образовании названий очень активным и продуктивным был суффикс «иха».

Что же произошло с названием? Вот что пишет А. К. Матвеев: «Ведь суффикс -иха никакого особого оттенка не привнес. Да, не привнес, но топоним стал по своей природе — существительным, а Волчья — прилагательное, выступающее в роли существительного. Суффикс -иха сделал топоним «нормальным» существительным. Все произошло закономерно: топоним не случайно перешел в другой ряд слов».

Название «Волчиха» прочно вошло в разговорный обиход уральцев, закрепилось в документах и на географических картах.

Татьяна ДАРЕНСКАЯ

Аннушка

(Рассказ)

1.

В самый сочельник запуржило, завьюжило, понесло хрустящие сливочные хлопья спиральными струйками, да так, что казалось, будто летят одни сверху, а другие навстречу им — с земли. И вились Аннушкины мысли похожими вихорьками, только не благодатно-прохладными, а опаляющими, губительными. Помешивалось воздушное варево ледяной ложкой...

— Простыла наша Аннушка, (Ох, год тяжкий, високосный!) Совсем, матушка, плоха. Соборовать бы надо...

...помешивала пятилетняя Нюрочка молоко в голубой чашке, улыбалась от печи мать: «Рождество нынче, доченька!». Кружились пенки, догоняя ложечку, улыбалась голубая чашка... Смотрела Нюрочка в чашку, и не чашка то была, а небо синее; кружились на дне его белыми пенками чайки, шумела внизу Исеть-река весенняя, майская... Выводит Нюрочка старательно: «Едет весна, едет, на золотом коне...» — далеко рассыпается детский голосок; почетная роль на зеленых святках Нюрочке — Нюрочка лето делает. Верили в селе, что Нюрочке особая сила дана — весну закликать. Солнце послушно девочке. «Да поможи, Боже, весну закликати, на тихо лето, на ядрено жито, жито и пшаницу...».

— Сыпь пшеницу на блюдо... Елей сюда... Свечи, свечи зажигайте...

...горят свечи, дразнят Анну. Венчается Анна. Не видать женихова лица... Плышет над селом благовест, главный колокол языком качает...

Фимиаменный сумрак. Качает языком колокол. Дрожат язычки свечные. Качается маятник в такт колокольным ударам. Соборуют Аннушку...

— Разве это не говорящие уста, когда колокол дает нам знать о каждом часе, о течении его, напоминая вместе с тем и о вечности, когда времени уже не будет...

Летает маятник, все чаще удары, вот и малые колокола заговорили — и посыпался на село радостный трезвон, переплетаясь со снежными перьями... Падают перья на Аннушкины черные волосы, на подол, снимает она их пальчиками...

— Обирается матушка! — вскрик чей-то сдавленный, и кто-то...

Буранным воскресным утром 1866 года декабря 25 дня преставилась раба Божия Анна Андреевна.

Семь дней метелило; семь дней лежала стылая Аннушка, пока не выдолбили могилу. Унесли Аннушку под похоронный перебор. Перебор-перезвон, перебор-перезвон: катятся слезы мерзлым соленым горошком, качается маятник...

2.

— Часы на хлебушек... Хорошие часы, с маятником. И подсвечники вот; крест серебряный ишшо...

Худющий детдомовский мальчишка с надеждой заглядывает в глаза старухе, недоверчиво рассматривающей принесенную им утварь.

— Поди крадено? — буркнула старуха, протягивая пацаненку хлеб и бутылку самогона.

— Не, не, бабуль, — обрадованно вцепившись в подаваемое, заверил оборванец, — Я ишшо при-тащити могу — там добра ничейного много...

Богатый был монастырь. С приходом советской власти разогнали монашек; два десятка священников были замучены и расстреляны в Сретенной церкви. Разметали и саму церковь, и храм монастырский, растащили монастырское имущество. Земля отошла детскому дому, что разместился на «святой территории» с 1924 года. Сюда из разных детских приемников, детдомов и других заведений молодой страны прибыли дети 1917 года рождения — новое поколение, дерзкое, свободолюбивое и неуживчивое.

А поскольку не было у того поколения ни корней родовых, ни предрассудков, ни колодцев памяти, в которые плевать не следует, а было одно только голодное и заброшенное детство, то осваивало юное поколение «археологические навыки» — разоряли подростки старые могилы монастырского кладбища. Не из озорства или любопытства: снимали с иерейских останков кресты серебряные да одежду богатую, меняли у сельских жителей на

хлеб-самогон — волка ноги кормят, а сорванца — лопата и бедовость.

Вот только догадались вскоре люди, что за вещи такие носят им детдомовцы. Перестали брать: грех ведь. Многие захоронения тем спасли...

В годы второй мировой войны детдом заметно разросся: привозили эвакуированных.

Построили несколько новых зданий. На месте монастырского храма теперь спортивная площадка, на территории кладбища — спальный корпус.

А в подвале спального корпуса — котельная. Пылает уголь, вечная чернота и жар: стационарный адок...

Только недолго просуществовало пекло: как-то ночью взорвался котел.

Колокола тем временем сняли и увезли. Оставилось время.

Замер в полете маятник.

Замерли над Исетью белые чайки.

Люди трудятся, едят и пьют. Не до чаек людям. Детей бы поднять. Накормить, одеть-обуть да на ноги поставить. Небо-земля — все для нас, от всего польза быть должна. А нет пользы — на свалку.

А от времени какая польза? Бестолковое наше время, суматошное, никчемное...

Первыми почувяли неладное дети.

Детский дом к тому времени стал коррекционной школой-интернатом для детей с нарушениями психического развития. По-медицински — для детей с диагнозом «олигофрения легкой степени»; остальные называли их просто дебилами.

И никто не хотел понимать, что это самые обычные детишки, только не успели они разучиться любить, жалеть и быть доверчивыми.

Стали детишки по ночам просыпаться с криком; воспитатели, наслушавшись пересказов кошмарных сновидений, водили подопечных к фельдшеру: «Дайте нам успокаивающих таблеточек», — относя происходящее к особенностям нарушенной психики.

И словно рыбу, глушили детей транквилизаторами.

Перестали дети кричать.

Теперь они тихо плакали, молча глотая светлые слезки: как рассказать взрослым умным людям о том, что неумолимо надвигается, как объяснить, что скоро солнце испепеляющим маятником ворвется в каждое сердце... Каждое ли сердце выдержит?

Шел двухтысячный год от Рождества Христова. Весна была ранняя и ясная. Тающие снега мгно-

венно всосались жадной землей, и не случилось половодья. Люди радовались дружной весне, готовясь к вечным сельским трудам.

В интернате — свои хлопоты. Обновили инвентарь, привели в порядок спортплощадку; подремонтировали постройки и начали прокладывать трубы за спальным корпусом...

Ковш экскаватора вынес навстречу майскому солнцу ржавую древесную труху и череп с длинными черными волосами, глянувший ввысь засыпанными землей глазницами.

«Едет весна, едет, на золотом коне...»

Траншея была вырыта в срок. Местные ребятишки гоняли череп по пыльной дороге; потом надоело — сбросили в реку. И забыли.

И никто не заметил, как небо накрыло село патиновым нутром глухонемого колокола.

3.

Дорожные обочины, тропинки и крыши домов усеяны грязно-белыми хлопьями.

Не снег это — какой же летом снег? — и не лепестки отцветающей черемухи.

Падают с неба обожженные бабочки.

— Говорят, в этом году солнце очень активно. Периодически происходят выбросы плазмы. Ну и радиация, конечно...

Земля потрепана солнечным ураганом.

За лето не выпало ни капли обещанного дождя. Трава, не успев налиться, высохла. Пропал сенокос, да и огороды чахли, навевая тревогу. К тому же объявились, неведомо откуда, сорок сороков гусениц всех цветов и размеров, пожирающие все, что растет, и не реагирующие на убойнейшие химикаты.

В лес было страшно войти: обнаженные до комлей березы тянули иссохшие сучья к небу, моля о защите. Чистота, тишина и слепящий свет, беспощадно отражаемый неприлично белыми стволами.

И под ногами — копошащиеся листогрызы.

Измученные коровы, бредя от пастбища к пастбищу в поисках зеленой травинки, забрались однажды на пшеничное поле. Метался пастух, пытаясь отогнать неразумную скотину — тщетно...

Той ночью пало почти все сельское стадо. Девушка-ветеринар загнала свою лошадь, спеша то к одному, то к другому дому. Разбухла пшеница в коровьих утробах, и ни клизмы, ни инъекции уже не понадобились...

А солнце все палило, и закаты наливались багровым: недоброе лето накликала Аннушка...

По селу загуляли пожары.

Пересохла глотки колодцев. Вспыхнула эпидемия дизентерии; маялись взрослые, косили детишек страшные токсические формы. Притихло село.

— Радиация, конечно. А че? Мало, што ль, ее на Урале? Всю жись с ей живём. И болеем из-за ее же...

Женщины перестали рожать. Не потому, что не хотели — не могли; забеременеет женщина, а на пятом-седьмом месяце увозят ее в больницу на родостимуляцию — умер в животе ребеночек.

Тоже наверно радиация.

С востока на запад раскаленным маятником летало солнце.

«Криминальная хроника» районной газеты не успевала оповещать читателей о несчастных случаях, убийствах и суицидах: кто-то прыгнул с крыши пятиэтажного дома, кто-то повесился; кто-то разбился на мотоцикле, кого-то избили, и он скончался в реанимации, кто-то отравился «паленой» водкой; двое мужчин утонули, спасая детей...

— Слышали, на той неделе три человека умерли от инфаркта, все в один день. К ним кардиобригада из города выезжала; пока одного пытались откачать, двое других уже умерли. И этого не спасли.

— Помнишь Витьку-то? Ну тот алкаш, с матерью живет. Он-ить мать-то свою задушил подушкой. Конечно, пьяный был. Так она у ево четыре дня дома пролежала. И он тут же — на кухне пьет. А жара — запах от ее пошёл, Соседи понять не могут — откуда запах-то? А потом нашли...

Каждый день умирали люди. Жизнь человеческая стоила теперь самую малость: за нее можно было дать, скажем, бутылку спирта или алюминиевый таз, мешок картофеля или стожок сена. А то и пару неосторожных слов.

Человек, в свое время окончивший два института, работавший научным сотрудником на атомной электростанции, умер спившимся бомжом, присев со спущенными штанами. Так его и нашли — в собственном дерьме...

Двухтысячное население сократилось более чем наполовину.

— Год тяжелый — високосный...

А осенью, откуда ни возьмись, появились в лесу дятлы. Не просто появились — тучей накрыли лес. Рассыпалась над молчаливыми окрестностями тревожная барабанная дробь. Далеко разносится эхо в морозных сумерках. Прислушиваются люди: маятник часов ли то стучит, отсчитывающий мгновения, оставшиеся до конца времени?

Или сердце земли, все еще любящей детей своих непутевых?

Остывает грозное солнце.

Подернулся изморозью надгробный камень, валяющийся на свалке у окраины леса. Замызганное пальто с двенадцатью сквозными колото-резаными отверстиями на спине («недавно женщину схоронили — собутельница зарезала кухонным ножом: поссорились чего-то»), небрежно брошенное на камень, прикрывает выбитую на нем надпись:

Здесь похоронена жена
Священника
Феодора
Франскаго
Анна Андреевна
1867
Января 1 дня...

Дятлы исчезли так же внезапно, как и появились.

Притащились черные облака, тряс седыми бородами, и выпал первый и последний снег.

Белые змейки поползли по трещинам и морщинам полей, завиваясь, клубясь, предвещая буран.

В лес примчался ветер и запел, просвистывая сквозь стволы, продырявленные дятлами. Заиграли невиданные березовые флейты; осмелел и окреп ветер — и вот оробевшие люди с трепетом внимают реву иерихонскому...

Кружатся над селом снежные струйки, свиваются в пружины спирали времени...

Качается маятник.

Рис. Елены Палтусовой

Елена ПАЛТУСОВА,

г. Екатеринбург

Записка

Беленький квадратик, пролетев, упал между вторым и третьим рядом. Ваня Синюшкин вытянул шею и отыскал его взглядом. «Записка!» — обрадовался он и настороженно огляделся. Но никто даже не шелохнулся.

Упало-то возле второй парты. «Кому? И кто бы мог написать?» — озадаченно подумал Ваня и обернулся туда, откуда, предположительно, могли ее кинуть. На предпоследней парте подозрительно шептались и тихонько посмеивались Лизка с Машкой.

«Они! — догадался Ваня. — Интересно, что могут там понаписать? Кому? Ивановой. Как раз возле ее парты упала! Опять про кого-то сплетню сочинили. Не терпится поделиться. Даже до перемены подождать не могут. Чего ж она не берет записку? Наверно, не увидела еще. А может, это и не Ивановой вовсе? Нет, точно не ей. Она ж отличница, и чтоб на уроке записочки всякие — ерунда», — и отмахнулся, словно его насильно заставляли думать.

— Откройте тетради, — потребовала Наталья Петровна. — Проверю домашнее задание.

Ваня покорно придвинул к себе тетрадь. Но взгляд упрямо соскальзывал на пол. «Может, это Лисицину? Немножко до него не долетела. От кого же?»

Оглядев класс, заметил встревоженного Кольку Сорокина. «Волнуется, ответа ждет. Он же не знает, что Лисицин еще не поднял записку. А Кольке наверно купили новые игры. Хотел Лисицину пригласить».

У Синюшкина сжалось сердце, когда к той парте подошла учительница: «Сейчас увидит и заберет». Но Наталья Петровна, наступив на записку, даже не заметила.

«Да нет, это не Лисицину. А Колька просто как всегда домашку не выучил. Вот и дрожит. Боится, что спросят, — продолжал думать Ваня, списывая с доски тему урока — А если не Сорокин, тогда кто?»

Ваня снова огляделся. На этот раз заметил Мат-

вееву. Она сидела на четвертой парте первого ряда и задумчиво смотрела в окно. «Так это от нее? — обрадовался Синюшкин, — как же я сразу не догадался, ее на математике ругали за то, что мешает Елкину заниматься. Их рассадили, так вот и решила ему написать. Точно! По физре у нее трояк, потому и кинула не туда. Интересно-интересно!»

Ваня Синюшкин попытался представить, чтоб написала бы Матвеева: «Дима! Давай после уроков погуляем в школь-

ном парке. — Или — Дима! Ты мне очень нравишься. Давай дружить».

«Ну что же там написано? — томился он. — Прочитать бы! А что если там...». И он мечтательно закрыл глаза. На днях нашел чью-то анкету: а вчера узнал, где прячет свой дневник старший брат; что учительница по физкультуре курит; а Петровой задачки решает мама.

— В нашей солнечной системе... — вторгся в мысли голос учителя. «Эх, поднять бы! — записка все также белела на темном полу. — Жаль, не достанусь, далековато». И уже представил себя ползущим вдоль ряда парт под дружный смех одноклассников.

— Синюшкин! — он вздрогнул, испуганно посмотрел на Наталью Петровну.

— Тебе это неинтересно? — строго спросила она. Вопрос, на который может быть только один правильный ответ, и Ваня выпалил: — Интересно.

— В конце урока я проверю твою тетрадь.

Он облегченно вздохнул. Перерисовал зачем-то в тетрадь схему расположения планет. Правда, Венера получилась намного больше Юпитера, а орбиты временами даже пересекались. К концу урока на одну из них присела красная «двойка».

Наконец-то прозвенел звонок, все убежали на перемену. Ваня, подхватив портфель, поднял с пола записку.

В коридоре он развернул помятую, потертую бумажку:

«Кто поднимет — то дурак!!!» — Крупными, отчетливыми буквами гласила первая строчка. А дальше — уже мельче и другим почерком. Он не стал читать, что было написано ниже. Скомкал листочек, отшвырнул в сторону.

Алексей КУЗИН, г. Екатеринбург

***

Воображаемые дали,
Переживаемые сны,
Спасибо, вы не покидали
Меня до радужной весны.

Теперь ясны и сны, и яви,
А все материи миров:
От облаков до разнотравья —
Справляют буйный из пиров.

О, кто ты, мудрую рукою
Держащий жизненную нить —
Чтоб равновесие покоя
И возбуждения хранить?

Закрою веки — свет сквозь веки,
Просторы памяти светлы...
И — мысли, ясные как реки
Под покрывалом зимней мглы.

1999

Орхидея

Где новый город свёл в руины
Ветхозаветные дома,
Дракон крапивы выгнул спину,
И лопухи сошли с ума.

Но посмотри: атласом рдея
Среди развалов и теней,
Взошла и смотрит орхидея.
И — всё склоняется пред ней!

Мораль пейзажа: пусть натура
Пьянеет, хаоса испив,
Но стебель, созданный культурой, —
И страж, и лекарь для крапив.

1996

***

Только тренькали синицы.
Свет и тень. И нелюдимо.
По ту сторону больницы
Снег лежит непроходимо.

Только вы со мною, други,
Вы, застывшие скитальцы,
Клены, тонкие как руки,
Ветви, тонкие как пальцы.

Спите, сон ваш разукрашу,
Тихо, воздух, тихо, птицы.
Протопчу в снегу НАТАША,
Поглядит, прочтет, смутится.

1998

Живая жилка

Полтыщи дней и тридцать дней, и три
Ты, Минька-кот, дарил игру планете.
Теперь ты будешь у неё внутри.
Ты освящён: тебя хоронят дети.

Ты жил безгрешно, ты блаженно жил.
Твоей длиной я стану горе мерить.
Как в саркофаг тебя я положил,
И я хочу и обещаю верить,

Что вот я землю отряхну с колен,
И ребятня озеленит могилку —
Тебя не тронут ни червяк, ни тлен.
И ты храни в себе живую жилку,

Как спишь вполглаза, так же и смотри,
Когда придут посланцы новой жизни, —
Полтыщи лет, и тридцать лет, и три...
Вот моё слово на короткой тризне.

1998

Литературное течение
«ДОБРЯНЕ»

Мы - Добряне!

Все читающие люди отлично знают, что за последние годы российскую культуру захлестнула настоящая селевая лавина безнадежности и зла. Зло описывается самым подробнейшим образом — и в книгах, и в фильмах. Очень часто оно подается в ореоле главной, доминирующей силы в душе и в истории Человека — а то, что пытается ему сопротивляться, показывается скучным, бессильным и умирающим. Мы справедливо ругаемся по поводу засилья примитивных голливудских фильмов, но не учитываем того, что в них, в отличие от творений большинства наших серьезных режиссеров, побеждает Добро. Разумеется, это Добро показано таким, каким его принято воспринимать в массовой культуре. Но, заметьте, даже этот примитив имеет успех у людей! Сколько раз каждый из нас слышал — в том числе и от очень умных собеседников — что того или другого талантливого автора они не будут читать просто потому, что в его книгах слишком много безнадежности и презрения к человечеству? Мы можем издеваться над американскими психологами, советующими сжигать в камине те книги, которые портят тебе настроение. Но факт остается фактом: обычно такие книги, как минимум, стараются не читать.

Давая людям этот вал Зла, бесперспективности, российская культура стремительно теряет свои позиции. И не стоит оправдываться тем, что подобные позиции — это «объективное изображение окружающей реальности». В том-то и дело, что оно НЕобъективно! Точно так же необъективны те ужасные картины, которыми нас все время пичкают с экранов ТВ и со страниц газет, журналов. Там будут долго, подробно расписывать реально произошедшее убийство — но не скажут ни полслова о том, что в это же время и в этом же городе продолжает заниматься масса кружков художественной самодеятельности, что медсестры госпиталей бесплатно организуют встречи раненых солдат и деятелей культуры, что идет работа по созданию Домов престарелых повышенного комфорта... Но нет — все будут говорить об убийце. Хотя он — ОДИН на многие сотни честных людей. А где эти сотни?

Посмотрите на те миры, которые создаются авторами книг и фильмов — и вы увидите, что описанное или показанное нереально! Да, там будет смакование всех отрицательных и реально существующих граней нашей жизни, но этими «объективистами» не будет упомянуто ни одного противоположного факта.

Я не призываю верить на слово: просто посмотрите вокруг себя и обратите внимание на то, как много рядом с вами хорошего. И речь идет не о природе (она — отдельная тема для разговора). Речь идет и о людях, и о вас самих. Матери, которые любят своих детей, молодые влюбленные, да даже среди тех самых пресловутых «трудных», «растлывшихся» подростков можно встретить не только звериную жестокость, но и дружбу, но и искреннюю благодарность взрослым — например, тренерам секций!

Куда все это делось из нашей культуры — из ВСЕЙ нашей культуры?! Маятник «Зло-Добро» в ней, судя по всему, дошел до своей крайней точки — до абсолютизации негатива. Так не пора ли толкнуть его в обратную сторону — в сторону Добра? Так давайте же будем делать это, делать, а не спорить по поводу абстрактных философских категорий блага и вреда. Да, Добро у каждого свое — но почему разные виды Добра не могут сотрудничать друг с другом? Сколько столетий мы считали, что Человек порочен — и что нам это принесло в конце? Да ничего! Так не стоит ли попробовать другой путь — то есть начать базироваться на том, что все мы изначально хорошие? Да, нас можно изуродовать — и нас уродуют. Но легко ли полностью заглушить в нас Добро? Ведь в Великую Отечественную самые отпетые уголовники шли под вражеские пули — так же, как и комсомольские лидеры со стерильными биографиями! Выходит, любой человек — именно любой, даже принадлежащий к самым одиоз-

ным общественным группам — может проявлять Добро!

Так давайте будем базироваться на этой части реальности — на нашем с вами Дobre! И не будем отторгать никого, кто придет к нам. «Добряне» — это не нечто закрытое, элитарное и т. п. Мы — содружество всех людей, желающих работать вместе с нами. У нас нет никакой эстетической, философской, политической базы — кроме:

1. Давайте качать мятник в сторону Добра!
2. Пусть каждый приходит к нам со своим пониманием Добра.
3. Мы очень разные — и мы никого не передульваем и не отторгаем.

«Добряне» — это поэты, прозаики, детективщики, модернисты, фантасты, кинематографисты, художники, музыканты, скульпторы, психологи — и т. д., и т. д. Мы принимаем и классику, и самый жесткий андеграунд — потому что и там, и там есть свое Добро. Мы принимаем все нации — потому что нет плохих и хороших народов. Мы не занимаемся вопросами религии, считая, что это — глубоко личное дело каждого человека. Мы не делим мир на части — потому что он один. Свои добрые цели есть и у «зеленых», и у самых непреклонных фанатиков НТР.

Тогда почему же мы, такие разные — вместе? Просто потому, что поодиночке — тяжело. И еще потому, что другой, даже не согласный с тобой человек — далеко не всегда твой враг и источник зла. Тот, кто непохож на тебя, может дать совершенно неожиданный, но оказавшийся очень нужным тебе кусочек понимания Жизни, Мира, Людей. И еще: мы хотим способствовать возрождению российской культуры, помочь ей снова проникнуть в массы. Мы не хотим, чтобы наша чудесная, такая необычная страна — Россия — исчезла или стала чем-то скучным, стандартным.

И знаете, что самое интересное? Нам действительно хорошо друг с другом. Так что — ОБЪЕДИНЯЕМСЯ в поисках и в создании Добра — Добра XXI века!

Татьяна Суворова

Заочная Литературная Школа «Большие надежды»

при журнале
«Уральский следопыт»

Дорогие ребята, в первом номере журнала «Уральский следопыт» было объявлено о начале работы Заочной Литературной Школы при редакции нашего журнала. К нам приходит множество заявок от ребят самого разного возраста: от девяти до восемнадцати лет. Свои занятия мы построим таким образом, чтобы при изучении теории стихосложения идти от простого к сложному, опираясь на примеры, как из классической литературы, так и из некоторых работ, присланных на наш конкурс. Основная же масса написанных вами стихотворений будет разобрана и проанализирована в ходе индивидуальной переписки.

Желаем вам успехов!

Добро пожаловать на первое занятие!

В его проведении мне помогают Александр Княжицкий, Алла Лейбова и Станислав Хурумов.

Стихотворения для анализа взяты из работ, присланных на конкурс «Большие надежды-2001» школой № 15 города Новый Уренгой руководителем литературного кружка Серебренниковой Н.В.

Итак, начнём! Начнём издалека.

Вот перед нами несколько слов, разбросанных в беспорядке: «прыгнуть», «шкаф», «Персик», «кот», «на».

Наведите порядок, составьте из этих слов предложение.

При этом вы убедились, конечно, что порядок в предложении зависит от смысла слов и от правил грамматики.

А теперь из слов: «утро», «и», «надо», «вечер», «умываться», «по», «надо», «и», «стыд», «а», «трубочист», «стыд», «и», «нечистый», «срам», «срам» составьте всем известное стихотворение.

Задумаемся, чем отличается первый случай от второго. Нельзя сказать, что здесь не действуют правила русского языка, но, очевидно, есть и какие-то другие правила. И ими мы руководствовались не в меньшей степени, чем теми, что приняли в первом случае.

Чтоб понять, что это за правила, сделаем еще один опыт.

Прочитайте внимательно и перечитайте вслух стихотворение Алёши Судавцева (6 класс, школа № 15 города Новый Уренгой) и отрывок из рассказа Светланы Стерляговой из г. Перми (Журнал «Уральский следопыт» № 1 от 2002 года). Поду-

майте, в чем сходство и чем они отличаются друг от друга. О чем в них рассказывается и как?

*Кавардак, как после драки, —
Ничего не разберёшь!
То ли бегали собаки,
То ли суетился ёж?*

*Мяч проколот!
В ключья — книжка!
Ах, сестра моя, Иршика!
Ах, шалунья, ах, плутишка!*

Краеведческий музей занимал старинное двухэтажное здание бывшего Торгового ряда, поэтому его выставочные залы соединялись по анфиладу комнат, по которым ходили брлее или менее откровенно скучающие посетители, и только экскурсионные группы школьников вносили зелёный шум и весёлую птичью переключку голосов под гулкие своды, несмотря на то, что учитель, загнавший их сюда, непрерывно шикал на самых бойких.

Попытайтесь определить, чем первый пример отличается от второго.

Постарайтесь выучить оба отрывка наизусть. Какой из них легче запоминается и почему?

Зачем нужны стихи? Кому какая польза от ритма, рифм и прочих пустяков? А вы попробуйте запомнить столько прозы, сколько на память помните стихов!

Поэт Николай Глазков подсказывает нам, что

в стихах должны быть ритм и рифмы. Попробуем продумать, что это такое.

Вы, наверное, заметили, что запомнить стихотворение гораздо проще, чем отрывок из прозаического произведения. Когда читаешь стихи, то кажется, что в них есть какой-то особый порядок, который создается поэтом. Что же такое порядок в стихах?

Но сначала подумаем, что такое вообще порядок, и где мы с ним встречаемся. «Порядок» может пониматься по-разному. Мама, наверное, часто говорит вам: «Наведи порядок в своих вещах!» «Порядок» наводит архитектор, расставляя колонны на определенном расстоянии друг от друга.

Но порядок можно не только увидеть, но и услышать. Ход часов как бы наводит порядок во времени. Мерный перестук колес... И если мы, читая стихи, напевая песню, танцуя, пробуем считать про себя, то тем самым пытаемся подчеркнуть или установить какой-то порядок. Давайте подумаем, что такое порядок во всех этих разных случаях. А если вам трудно самим сформулировать, что это такое, заглянем в «Словарь русского языка»: порядок — строгая последовательность в расположении и размещении чего-либо.

В стихотворной речи тоже есть свой особый порядок, отличный от всех других. Когда мы слушаем или читаем стихи, то улавливаем в них какую-то закономерность, последовательность, определенность. Читая каждую следующую строку стихотворения, мы ожидаем повторения уловленного порядка. Вспомним примеры с замечательным котом Персиком и грозными укорами Мойдодыра. Стихотворная речь подчиняется не только смысловому и грамматическому, но и какому-то иному порядку.

Этот общий порядок, общая упорядоченность звукового строя стихотворной речи называется ритмом. По ходу наших размышлений мы все лучше и лучше будем понимать, что такое ритм и на чем он основан.

Итак, в стихах важен не только смысл. Интересно, может ли нам понравиться стихотворение, содержание которого не очень понятно? В книге «Алиса в Зазеркалье» английского писателя Льюиса Кэрролла, которую вы, вероятно, уже прочли, есть стихотворение под названием «Бармаглот». Вот его первые четыре строки:

*Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как миомзики в мове.*

Перевод Д. Орловской

Повествуется о каких-то никому не известных пыряющихся шорьках и о зелюках, которые хрюкотали совсем как миомзики (вы, случаем, не слышали, как он это делают?), и при этом еще и варкалось! Да... кое-что, конечно, понятно, но ведь ни одного знакомого слова, а все же прекрасно запоминается! И вне всякого сомнения, это — стихи!

Мы специально предложили вам такой отрывок где, кажется, нет ничего, кроме «чистых» стихов.

Попробуйте вспомнить похожие. Может быть, одно-два вспомнятся, но таких, конечно же, очень мало.

А теперь обратимся к «обыкновенному» стихотворению из бесконечного множества их в русской поэзии:

*О, край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.
За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.*

С. Есенин

Вот ещё один пример — стихотворение «Осень» Юли Шебела (6 класс, школа № 15 города Новый Уренгой):

*Скучают в небе облака,
Замёрзли и канавы,
И опустели берега —
Закончились забавы.
Так в Уренгой зима идёт —
От ветра прячется народ.*

Мы все время повторяем «стихи, стихи», но что же это, в конце концов, такое? Разумеется, исчерпывающе ответить на этот вопрос невозможно. Но стоит попробовать приблизиться к решению.

Выпишите последние слова в каждой из строк приведенных фрагментов стихотворений Кэрролла, Есенина и Юли Шебела.

Вне зависимости от того, о чем идет речь — о неведомых шорьках и зелюках или об удивительном, грустном и прекрасном родном крае, каждая строка созвучна какой-то другой. Соединим созвучные строки и подчеркнем те части слов, которые находят «отклик» в других словах.

Обратим внимание на то, что в одних случаях написание слов точно совпадает, а в других — созвучие обнаруживается, несмотря на разность в написании. Подчеркнем такие слова двумя черта-

ми. Эти наблюдения нам пригодятся, когда мы будем подробнее говорить о рифме.

Когда-то в древности (вы, наверное, знаете это по урокам истории) поэзия и музыка были нераздельны: стихи пели, играя на музыкальных инструментах — кифаре и лире. Изображение лиры вы, конечно, много раз видели. От этого слова образовалось и название целого рода литературы — лирика. В более позднее время пути лирики и музыки разошлись. Каждая обрела самостоятельную жизнь. Но они хранят память об утраченной общности. Именно о такой общности мечтал Осип Мандельштам: «Останься пеной, Афродита, // И, слово, в музыку вернись». Сегодня немало стихов создается специально для музыкального исполнения. Многие из вас, вероятно, знают песни Владимира Высоцкого, Александра Галича, Булата Окуджавы. В этой «авторской» песне стихи неотделимы от музыки. И сами авторы часто не могут определить, что здесь важнее — слова или мелодия. Но не следует отождествлять упорядоченность музыкальных и стихотворных произведений. То, что упорядочивается, и то, как упорядочивается, различно в музыке и в поэзии.

Проведем маленький опыт: запишем по-разному отрывок из повести Пушкина «Капитанская дочка»:

*Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь.
Ветер выл с такой свирепой выразительностью,
что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича;
лошади шли шагом — и скоро стали.*

*Я выглянул из кибитки:
все было мрак и вихорь.
Ветер выл с такой свирепой
выразительностью, что казался
одушевленным; снег засыпал
меня и Савельича; лошади
шли шагом — и скоро стали.*

Как вы думаете, что изменилось во втором случае по сравнению с первым?

А теперь послушаем, чем отличается стих от прозы? Дошкольник скажет: «Тем, что стихи печатаются короткими неровными строчками». Школьник скажет: «Тем, что в стихе есть ритм и рифма». Студент скажет: «Тем, что стих — это специфическая организация речи поэтической, т. е. повышенно эмоциональной, представ-

ляющей мир через лирический характер...» и т. д. Все трое будут правы, но ближе всех к сути дела окажется все-таки дошкольник.

Прочитайте вслух отрывок из стихотворения Лены Петровой и Вали Дегтевой (7 класс, школа № 15 города Новый Уренгой).

*Послушать взрослых, так у них
Поступков не было дурных.
Во всё пример, что ни возьми!
А были ли они детьми?*

*Волчок подарят. «Не играй,
Ты пирамиду собирай!»
Бедяги! Знают ли они,
Что мы всегда почти одни...*

В этом отрывке из стихотворения восемь стихов — стихотворных строк. Убедительно прошу вас помнить об этом и не называть «стихом» все стихотворение — произведение, состоящее из таких строк. И уж тем более никогда не говорить «стишок». Это очень дурно. Пожалуй, хуже, чем ложиться спать в ботинках или неделю не умываться.

Вы уже, наверное, догадались, что порядок — ритм — в стихах может быть разным. Тогда на следующем занятии пойдем дальше.

*Занятие в школе вел
редактор отдела прозы и поэзии
журнала «Уральский следопыт»
Петр Родимов*

Литературное течение «ДОБРЯНЕ»

«Поэзия есть голос добра»

Удивительная поэзия Алексея Леонидовича Решетова проникает в душу, как кислород входит в кровь при дыхании — свободно и животворяще. Его легкие, четкие строки несут в себе мощный заряд веры в гармонию мира и чуть печальную мудрость.

Эта поэзия — явление и российского, и общемирового масштаба.

Читая Решетова, лишний раз убеждаешься в лаконичной силе таланта, способного в нескольких четверостишиях дать и картину явлений жизни, и свое философское осмысление этих явлений, и авторское кредо. А кредо это — по самому большому счету: художник — «... Божий ученик. Он Божья длань в известном смысле слова».

Биография Алексея Решетова — отражение пережитого самой страной: сталинские репрессии, нелегкий, черный труд, на котором держится вся жизнь и судьба Родины. Расстрелян оклеветанный отец, прошла лагеря мать Алексея Леонидовича, сам он не понаслышке знаком с трудом горняка. Но стихи его несут поразительный заряд жизненной силы, и даже горькие размышления о бренности сущего у него пронизаны верой в любовь — земную и небесную:

«...Господу Богу помолимся,
Твердо уверуем в том,
Что устоим и не слоимся
С самым тяжелым крестом»

Я спросил Алексея Леонидовича о том, что он думает о взаимосвязи Поэзии и Добра. Он задумался на мгновение, и четко сформулировал, как будто просто вспомнил давно написанное:

«Поэзия есть голос добра, его интонация, его мудрость, голос милосердия и покаяния».

Итак, стихи Алексея Леонидовича Решетова, члена Союза писателей с 1965 года, автора более чем 10 поэтических книг, которому в 2002 году исполняется 65 лет.

Поэт Алексей Решетов

* * *

Еще вчера в печали
Сидевший близ окна,
Влюбленными глазами
Гляжу: идёт весна!
Еще вчера под снегом
Не знавшая тепла,
Земля своим побегам
Дыхание дала.
Еще вечера на мощи
Похожие вдали,
Березовые рощи
Дар речи обрели.
Взирая и внимая,
Брожу весь день опять.
И плачу, принимая
Господню благодать.

Георгий Лаврентьев

2000

* * *

Не плачь, поэзия моя,
Что ты не лунная ладья.
Пылинкой Млечного Пути
Земному путнику свети!

2000

* * *

Скользим ли мы по наледи,
Идем ли по коврам —
Всегда тревожно на люди
Показываться нам.
И лишь от неба звездного
Не прячем мы лица,
Больные дети поздние
Любимого Отца.

1996

Белая ночь

Белая ночь, ты мне друг или нет?
Как равнодушен твой призрачный свет.
Как бесполезно твое молоко
В жажде, зато захлебнуться легко.
Все напоказ, как любовь в номерах.
Кто же я сам тебе — друг или враг?
Маятник ходит туда и сюда.
В кухне из краника каплет вода.
Надо уснуть бы, а я все о том:
Кто мы, откуда, куда мы идем?
Правду ли Дарвин о нас говорил,
Или нас все-таки Бог сотворил?
Милая женщина, наверняка
Ты приходишь от розы-цветка.
Пусть же не вянут твои лепестки,
Всем установкам земным вопреки!
Я доживаю последнюю треть.
Как же мне жить, чтоб легко умереть?
Грустные вирши опять сочинять,
Или друзьям башмаки починять?
Белые ночи и черные дни —
Нам ничего не подскажут они.
Но для живущего попусту, зря
Слишком большая награда — заря.

1998

* * *

Давайте радостней смотреть
На жизнь свою, как дети.
Ведь только временная смерть
Нас ждёт на этом свете.

Давайте зря не унывать:
Бог шефствует над нами.
И надо вещи называть
Своими именами.

* * *

Пожалуй, эта красота
Мир грешный не спасет.
Но до последнего листа
Все в жертву принесет.
И нищий тополь, без одежд,
Бредет в сырую тьму.
И череда пустых надежд
Сопутствует ему.

1996

Природа

Я не был пасынком природы.
С начала жизни, с первых дней
И по теперешние годы
Я жил всегда в согласье с ней.

И летом, и зимой морозной
Любая пихта и ветла
Была и няней мне, и крестной,
И родной матушкой была.

Какие песни, что за трели
Дарили мне в лучах зари
Ее кузнечики и шмели,
Ее чижи и глухари.

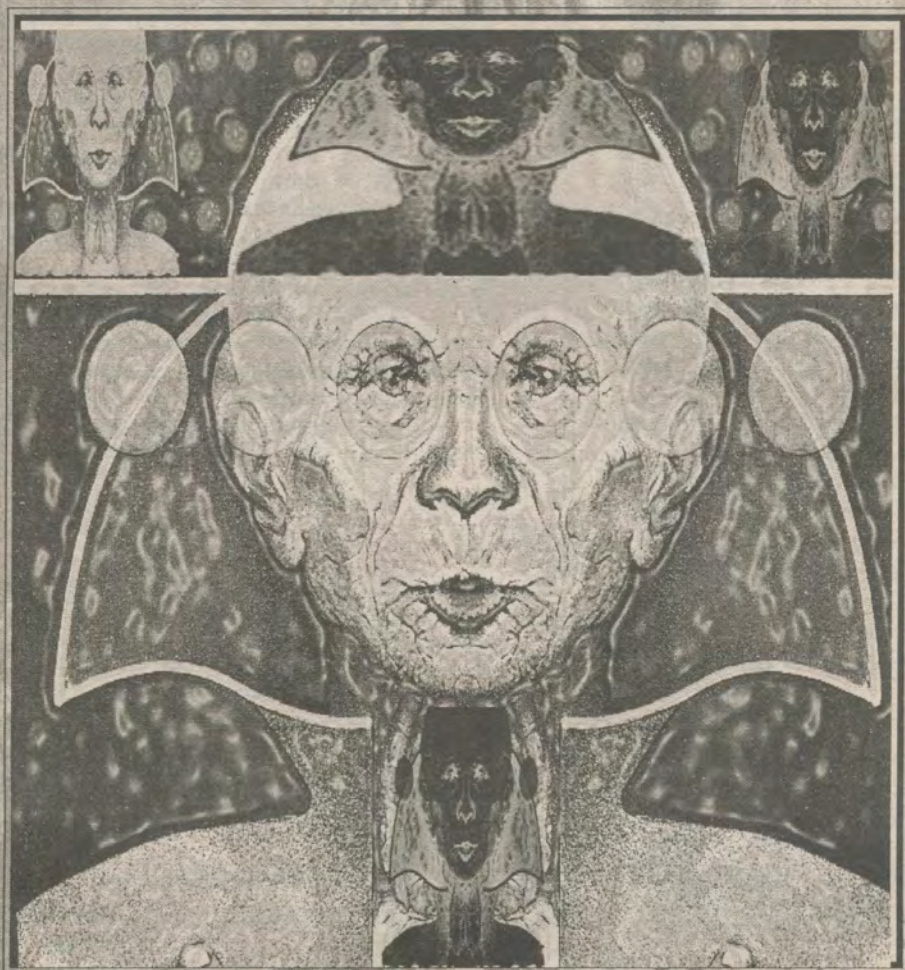
И земляника, и орехи.
И белый гриб, и дикий лук
Для пропитанья и потехи
Давались мне из добрых рук.

Мне с нею нечего бояться,
Да вот почто в душе разлад:
Все ниже вороны кружатся,
Все громче вороны кричат.

2000

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 34
Александр ТЮРИН «Транзитный космодром»	стр. 35
Олег СИОРОВ «Память»	стр. 40
Михаил КЛИНКИН «Мозаика»	стр. 44
Андрей ДАШКОВ «Человек дороги»	стр. 55
Андрей ДАЙ «Придут ОНИ»	стр. 58

Книгу, пожалуйста!

Часто приходится слышать, что россияне стали меньше читать. Кино, мол, телевизор и компьютерные игры забирают у нас наше же время, которое мы могли бы употребить на прочтение книг. Хороших книг. Что ж, наверное есть в этом утверждении резон. Да, десятки телевизионных каналов показывают зрителям всё больше качественных кино- и телефильмов, развлекательных и игровых передач. Да, компьютерные спецэффекты, развитию которых в последнее время уделяется так много внимания, позволяют программистам производить всё более захватывающие игры, а киношникам снимать всё более зрелищные фильмы. И, между прочим, на международном кинорынке уже считаются с прокатными суммами кинотеатров России. Пусть не каждый блокбастер «делает» здесь миллионнодолларовые сборы, но самые-самые - точно. Однако...

Самое интересное, что книжные магазины, вроде бы не так давно плакавшие о малочисленности покупателей, теперь вновь «расправляют плечи», напрямую налаживают контакты с издательствами и отвоёвывают обратно у парфюмерии и бижутерии свои прилавки. Растёт на улице количество книжных ларьков и киосков. Множатся серии книг, увеличиваются тиражи, организуются новые издательства. И всё чаще можно услышать греющие душу слова:

- Подайте мне, пожалуйста, книгу! И вон ту тоже...

Наверное, всё-таки, рано похоронили российского читателя. Вот же он, рядом с вами. Сидит себе в троллейбусе, автобусе или электричке и листает страницы очередной книги.

Доброго вам чтения, друзья!

Евгений ПЕРМЯКОВ

Важная информация

Все меняется в нашей Вселенной. Вспомним героя замечательного фильма «Сталкер» (реж. А. Тарковский): он идет по таинственной Зоне и говорит, что живо лишь гибкое, а твердое мертво...

Наш журнал - живой. И поэтому, при всем уважении к своему прошлому, он не консервируется в былом, как в какой-то консервной банке.

Когда-то фантастика была еле живой - и наш журнал изо всех сил поддерживал ее. Но времена меняются, и фантастика давным-давно стала популярным, отлично живущим жанром литературы.

Жизнь сейчас выдвигает новую проблему: надо развивать культуру России. И развивать не выборочно, а целиком.

Естественно, что «Уральский следопыт» включает в эту работу. И поэтому со следующего номера в «Аэлите» будут публиковаться произведения всех жанров: проза, фантастика, поэзия...

Ведь недаром Алексей Толстой не замыкался в одном-единственном жанре: помимо «Аэлиты», он создал и «Петра I», «Хождение по мукам»...

21 марта в 17 часов в библиотеке им. Белинского (г. Екатеринбург) пройдет встреча уральских писателей-фантастов с читателями. Организаторы этого мероприятия - журнал «Уральский следопыт» и литературное движение «Добряне».

Во время этого мероприятия будут обсуждены темы связи фантастики и остальной литературы, проблемы ее интеграции с другими жанрами, а также злободневные вопросы, связанные с процессами изменения образа положительного героя, добра и зла в литературе.

Открыта тайна псевдонима

Наконец официально объявлено, кем же на самом деле является известный писатель Макс Фрай, книги которого завоевали огромную популярность и выдержали уже не одно переиздание. За спиной ехидного, обаятельного сэра Макса (который вроде бы и человек, а с другой стороны - черт знает кто) стоит Светлана Мартнынич. А миры, в которых действуют герои этого сказочно-философского сериала, выдуманы Игорем Степным.

Официальное рассекречивание этой тайны вызвано тем, что стало появляться слишком много Фраев-самозванцев, а издательство «Азбука» самочинно подало заявку на регистрацию своей торговой марки «Макс Фрай».

Александр ТЮРИН, г. Мекленбург (Германия)

(Лауреат фестиваля «Аэлита-92», премия «Старт»)

ТРАНЗИТНЫЙ КОСМОДРОМ

цикл «НФ-хокку»

Глава 1. 2375 год.

Корабли появлялись из ничего, точнее, из Абстракта, юркие и мелкие, как мухи. Лиловое поле интерфейса превращало их в вляксы неопределенного цвета и формы, а масса становилась заметной, лишь когда они плюхались в быстро твердеющие люльки на поверхности волнующегося как море космодрома.

Женя Клочков занимался санитарным контролем. Большинство кораблей было беспилотными, да и сами пилоты никаких хлопот не доставляли. Лощеные выпускники штурманских инкубаторов, прошедшие десятки экзаменов и испытаний, прежде чем принять командование, они были идеальны, как аммиачный снег.

Но вот с грузом порой приходилось повозиться. Да и с безбилетными пассажирами, такими как трампы.

Согласно неписанным законам, этих бомжей не принято было ссаживать с борта или мешать им в захвате пустых трюмов.

Наверное потому, что высылать трампов было некуда, даже Свободная Орда Аутистов после нескольких неудачных попыток наотрез отказывалась их принимать. Однако у трампов был существенный плюс — их неприхотливость, они могли дышать вместо кислорода аммиаком, им почти не требовалось тепла, они спокойно выносили такой уровень излучения, который заставил бы отбросить коньки девяносто девять процентов всех воплощенных живых существ.

Но трампы несли кучу инфекций, в том числе и психических паразитов. Поэтому нередко самых отмороженных приходилось подвергать насильственной оптимизации.

Вот и сегодня пришлось повозиться с одним та-

ким типчиком, который почему-то слизывал со стен плоские органические чипы.

Женя Клочков долго гонялся за ним с мономолекулярным сачком по зыбкой нелинейной поверхности космодрома. Наконец загнал трампа в буфер и там стабилизировал сильным минус-гравитационным полем. Но ловкий бродяга еще ухитрился как-то увернуться от первого оптимизационного заряда и лишь второй достал его. Несколько секунд трамп бился с оптимизационным средством, пытаясь сохранить свою «самобытность». В конвульсиях напрасной борьбы он не забывал насыпать на Клочкова страшные заклятья и успел изрядно надоест.

Впрочем, уже через три минуты утомившийся отморозок мило лепетал о вреде грязных рук и грязного разума, когда трое полицавров вели его в санпропускник. Там через интерфейс, образовавшийся в его мозгу, ему были должны еще загнать приличную порцию функций хорошего поведения.

А рабочий день Жени Клочкова уже подходил к концу.

— Зайди ко мне, — сказал по интеркому шеф. — Надо обмозговать одно завтрашнее мероприятие.

Клочков стал компактифицировать мономолекулярный сачок и неожиданно наткнулся на крохотный стерженек. Нераспавшийся оптимизационный заряд. Поблизости не было видно ни одного мусороборочного терминатора, и Клочков сунул стерженек в карман. Так, вначале к шефу, потом в утилизационный цех, хотя, конечно, по правилам положено сдать оптимизатор немедленно.

Клочков по змеетрапу перенесся в управление космодрома и на мгновение застыл перед радужной дверью шефа. «Не забудь постучать после того, как войдешь», — посоветовала дверь, навер-

ное потому, что смастерили ее на Тау Кита. Потом Женя сделал шаг вперед и... и за порогом его поджидала пропасть. С протяжным криком работник санитарной службы сорвался вниз и растворился в неизбежности.

Глава 2. Наше время.

Женя Клочков был страшно недоволен жизнью, хотя многие не понимали, в чем причина. Ну да, живешь ты в поселке Амдерминске, что на берегу Карского моря, и на Большой Земле тебя никто не ждет. Ну да, работаешь мотористом на буксире, который таскает ржавые баржи с углем и пилолесом. Ну да, тебя тут никто не считает художником-футуристом. Но ведь и заработок имеешь, и еще не спился, и даже девушки тебя иногда любят.

Поэтому некоторые односельчане, не понимающие Женю до конца, порой били его. Не то чтобы часто, но регулярно. И второй моторист Крякин, и его приятель грузчик Шмаков, и нигде не работающий Зленко.

Но побитый Женя еще сильнее мечтал о прекрасных новых мирах, об освоении новых измерений. С удвоенной силой воображения он рисовал картины с межзвездными видами, пейзажи, на которых предстали межгалактический космос, который будет лет так через четыреста плавать по поверхности моря, глубины которого скроют жалкие руины Амдерминска.

Этот космос даже снился ему порой, и после этого просыпался Женя наутро немного уставшим. Вот как сегодня. Поэтому решил он подогреть воду и устроить что-то вроде душа.

Ведро теплой воды на голову, еще побрызгать на себя из ведра с холодной и можно натягивать тельник. Внезапно Женя наткнулся на элемент нездоровья в своем теле — это было болезненное уплотнение на ноге, чуть пониже того места, где обычно находится карман штанов.

В санузле свет был хиленький, поэтому Женя пошел на кухню и стал рассматривать там медицинский факт с помощью фонаря. Из-под кожи торчала заноза не заноза, шип не шип, а что-то похожее на крохотный серебристый стерженек.

Что за черт. Женя вытянул из ноги таинственное изделие и поднес к носу. Покрутил его в пальцах, чуть-чуть надавил и вдруг... как будто отсекло половину зрения и на месте этой половины возник экран.

Экран также представлял его комнату и тоск-

ливый вид за окном, но по экрану бегали какие-то стрелочки, рамочки, какие-то тени и контуры. А потом на нем загорелась неоновым светом надпись: «Ни одного объекта для оптимизации не обнаружено». И прямо в голове моториста прозвучал приятный голос, как будто даже с иностранным акцентом: «Предлагаю пометить вручную объект для оптимизации». «Я не умею», — отозвался Женя, изрядно смущаясь своего сумасшествия.

Экран исчез и все стало как обычно.

«Господи, увезут в районную психушку, где жратвы в обрез и курева не достать. Стоп, но если эта штука все-таки настоящая? От инопланетян каких-нибудь, тау-китян... Или еще лучше, из будущего она».

И тут Клочков с протяжным воплем упал на пружинную кровать. Как будто включилась ранее дремавшая половина головы. Космос — он есть в этом будущем, космос, похожий на море, имени Василия Осмысловского. Есть и космические корабли, что появляются из Абстракта, юрки, словно мухи, и превращаются затем в странные конструкции, прообраза которых нет на Земле сегодня. И он, Клочков, работает там. То есть день трудится на дизеле, в настоящем времени, день на космосе, в будущем. И здоровенный кусок памяти ему там отключают в конце рабочего дня, но вот сейчас удалось при виде предмета из будущего что-то в этой отключенной памяти активизировать...

Но почему, с какой стати человеку из Прошлого работать в Будущем?.. Может, потому что в Светлом Будущем уже нет людей, а кому-то пахать надо? Ведь космос — важный транзитный, межгалактического значения.

Клочков вдруг ощутил странную вибрацию, которую никогда бы раньше не заметил. Залаяла и матерая лайка, живущая в норе под домом. Что-то или кто-то ищет его! Чтобы забрать этот стерженек, чтобы выключить ему память, может даже, чтобы терминировать его, как дефектную аппаратуру.

Женя спешно натянул сапоги, подхватил ватник и выкатился из дома. Есть сейчас только одна цель — улепетнуть по-быстрому. Через собачий лаз под домом на ту сторону двора, а потом... одолжить у Васьки снегоход и рвануть через тундру к холмам, где живет старый алкаш и прекрасный охотник Зиновий Иванович.

Перед тем как втиснуться в лаз, Женя взглянул на дом. Неподалеку от окна его комнаты пульси-

ровало странное марево. Потом вылетело оконное стекло. Дальнейшим любоваться не имело смысла.

Женя прополз собачьим ходом, встал, отряхнул лишнее с ватника и штанов, перелез через забор. Перед ним открылась улица Радиста Кренкеля и прямая дорога к холмам.

Но неожиданно путь был перегорожен кряжистым мотористом Крякиным.

— Я с утра дизель перебирал, — сказал он как будто мирным голосом. — А ты где был, мазила? Картинки малевал или с бабой валандался? Ребятам такое поведение не по нраву.

Крякин быстро что-то сделал, и Женя понял, что уже лежит, уткнувшись лицом в слякоть.

Несмотря на то, что в голове сильно гудело, Клочков быстро встал на колени, но понял, что едва он поднимется на ноги, как Крякин врежет ему снова.

Женя пошарил по карманам. Однажды там нашлась бутылка и это помогло. Но сейчас ничего... вернее, только серебряный стерженек. Черт, надо поскорее спрятать, пока Крякин не ударил снова и изделие далекого будущего не пропало с концами в майской слякоти.

Женя изо всей силы сжал стерженек, чтобы не выпал из руки, и тут половину его зрения занял экран. Крякин отразился на этом экране целиком и полностью, вместе с потоками внутренних жидкостей. Еще

он был обведен жирной багровой рамочкой, несколько напоминающей нимб.

«Найден объект с сильной социальной дисфункцией. Разрешите проведение оптимизации», — слышался приятный голос внутри черепа.

«Проведение разрешаю», — машинально отозвался Женя.

— Чего, чего ты, бля, там крякаешь? — сказал Крякин и решил ударить, не дожидаясь, пока Клочков поднимется с колен.

Женя почувствовал, как запульсировал стержень, судорожно сжатый в его руке. А потом как

... Женя пошел на кухню и стал рассматривать там
медицинский сканер...

будто струйка вылетела из крохотного предмета и попало прямо в крякинский глаз.

Рука второго моториста застыла на лету, а вместе с тем возникло и выражение радостного удивления на его физиономии.

Женя видел на экране, как серебристая сеть окутывает голову Крякина, снижая ее температуру, а затем узелки сети, похожие на звездочки, на всех парах устремляются прямо в глубины крякинского мозга.

Кулак второго моториста разжался и опустил ся вниз, а затем уже раскрытая ладонь плавно направилась к Жене. Рот Крякина стал извергать странные слова.

— Ну чего ты, старичок? Вставай, Женька. Поскользнулся, да? На руку.

Тем временем в дальнем конце улочки показались грозная фигура Шмакова и злобная фигура Зленко.

Женя встал и решительно направился к ним...

Всего через десять минут три бывших обидчика и порабитителя плелись за Женей, робко предлагая свою дружбу.

— Может, в шашки поиграем, Евгений?

— А ты здорово рисуешь, бля. Давай мы про тебя коллективное письмо в районную газету «Коммерсант тундры» пошлем?

— Хочешь, мы тебе деньги на новые краски и кисточки одолжим?

— Нефиг тебе, Жень, дизелем заниматься, ты — творец. Я сам его чистить буду.

— А давайте споем хором, друзья... Мы с приятелем вдвоем работаем на дизеле, он — мудака и я — мудака, ну а дизель спиздили...

— Нет, давайте такие слова больше не употребляйте, потому что могут услышать дети или женщины.

...

Из пункта скупки пушнины появился Зиновий Иванович.

— Зиновий, я ж к тебе собирался, — закричал издали Клочков. — А ты сам сюда пожаловал.

Зиновий не откликнулся.

Лишь когда Женя подошел поближе, то увидел, что глаза у охотника холодные и недобрые. Именно такие у него, когда он бьет зверя... или когда сильно напивается. Это бывает редко, но сегодня это случилось.

— Ты, блин, ко мне не лезь, Клочков. Эта паскуда в скупке мне в душу нагадила, я с ней сейчас разбираться буду.

И Зиновий скинул с плеча двустволку.

— А если ты ко мне лезть будешь, Евгений, то и на тебя патрона хватит. Мне ведь много амуниции не надо. Раз и в глаз.

Клочков и вспотел, и похолодел одновременно, послонно. Если раньше Зиновий и являлся в сильном подпитии в поселок, то имелись люди, чтобы ему мигом «рога обломать». Тот же Шмаков или Крякин давали охотнику «в пятак» и на том коррекция поведения завершалась. Тело обезвреженного Зиновия укладывали на нарты и везли домой, на холмы. А на следующий день старый охотник снова был милейшим человеком, с которым и о живописи, и о музыке поговорить можно.

Но сейчас и Шмаков, и Крякин, и Зленко смущенно переминались метрах в десяти от Клочкова, и робко выглядывали друг у друга из-за широких плеч.

Зиновий решительно распахнул дверь скупочной конторы.

— Иваныч! — Женя сжал стерженек.

— Ну че тебе? — ствол крупнокалиберного ружья направился на Клочкова.

«Ввиду сильной социальной дисфункции немедленно начинаю операцию по оптимизации объекта», — сообщил бархатный голос внутри головы Клочкова, а серебристая струйка мгновенно стрельнула в глаз охотника.

— А что, ребята, — сказал Зиновий выйдя из ступора. — Поехали ко мне, я ведь по Неккерману классную музыку заказал. И надо же дошла. Бах-Бетховен посреди тундры — это такой улет, даже волки подпевают.

— Спасибо, Зиновий Иванович, за приглашение. Мы, конечно, к тебе пойдем, — отозвался кто-то из ребят. А остальные согласно закивали.

...

Не смог Зиновий завести свои мотосани, которым раньше требовался лишь хороший пинок ноги, и пятеро друзей решили идти на холмы пешком. Тем более и Васек послал их подальше, когда они ласково-ноющими голосами попросили у него снегоход.

Но не успели они пройти и пятидесяти метров, как сзади послышались крики — во все лопатки к ним дула стайка ребяташек.

— Дяденьки... дядя Зиновий, медведь в поселок пришел. Уже двух собак задрал. Он около столовки, там еще повариха забаррикадировалась.

— Пойдемте, мальчики, посмотрим, — вежливо отозвался Зиновий...

Медведь, огромный, худой, грязный, ударил лапой дверь с надписью «Быстро» и та окончательно развалилась. Потом зверь обернулся на Зиновия.

Охотник поднял ружье, но тут же опустил.

— Не могу, не могу. Он же мне потом снится будет. Эти умные, почти человеческие глаза.

— А ему не снятся те, кого он сожрал! — закричал Клочков.

— Все равно не могу.

Зиновий повесил двустволку на плечо и победоносно прочь. Его быстро обогнали в своем попятном движении Крякин, Шмаков и Зленко.

Медведь недолгим взглядом проводил убегающих и устремился в столовку «Быстро», где так вкусно пахла своим пухлым телом молодая повариха.

Несмотря на то, что сердце металось по телу,

как воробей, Клочков сделал шаг вперед в сторону неторопливого зверя и надавил на серебристый стержень.

«Объект негуманоидного типа. Оптимизации не подлежит. — сообщил голос под черепной крышкой. — Применяйте штатные средства воздействия на представителей дикой флоры и фауны».

— Какие штатные?.. Стой, Топтыгин! — уже ничего не соображая закричал Клочков на зверя.

Тот немного подумал и решил пообщаться с назойливым двуногим существом.

Клочков видел, как к нему приближается триста кило стальных мышц и маленький кровожадный мозг.

Быть растерзанным зверем — это смешно звучит даже в начале 21 века, не говоря уж о конце двадцать четвертого. От оптимизации нет толка, зло — полезно, потому что ограничивает другое зло...

Но вдруг раздалось что-то типа скрипа, и по бокам от Жени возникли два как будто сотканых из марева существа... Клочков знал как их называют — мусороуборочные терминаторы.

Глава 3. Опять 2375 год.

«Объект негуманоидного типа. Оптимизации не подлежит, — сообщил голос под черепной крышкой. — Применяйте штатные средства воздействия на представителей дикой флоры и фауны».

В руке у Клочкова появился золотистый шарик, он легко перепрыгнул на зверя, шерсть которого словно превратилась в нимб.

Медведь фыркнул и, дружелюбно поглядывая маленькими глазками, улегся. Образовавшийся в его голове кибер-интерфейс ждал команд.

Клочков посмотрел вверх — меня очертания, на посадку заходил очередной межгалактический объектовоз. Начинался новый рабочий день.

Несмотря на то, что в лобке сильно пудело, Клочков быстро встал на колени, но понял, что едва он поднимется на ноги, то клещи вонзят ему снова.

Память

Память, память... Ее тени разбегают мою душу, как кислотные облака. Я изо всех сил стараюсь отделаться от них — но не могу. Так и существую: одни куски меня живут в настоящем, а другие — в прошлом. С открытыми глазами я вижу стол, компьютер, чашку с тоником. А с закрытыми... Комната исчезает. Телу кажется, что оно сидит совсем в другом кресле: кожа снова ощущает несуществующие поручни и липкий, тепловатый пластик комбинезона, в уши вливается хаос из воя сирен и тихих звуков от поломанной автоматки. И вот я уже возвращен назад — туда, откуда и не уходил...

xxx

Тупое оцепенение. На помаргивающих экранах обзора медленно движется космос — словно его, как и меня, шатает от головокружения. Вот в рубку ненадолго заглянула темно-багровая, надсадно дышащая звезда. Она не смогла перенести нашей, человеческой драки — и поэтому обречена стать сверхновой через пару недель. Пока же она кутается в рваный плащ из обломков планет, туч пыли и газовых туманностей, оставшихся от наших и вражеских звездолетов.

Я сжимаю виски холодными, ватными пальцами. Поражение. Мы проиграли эту битву — и совсем неважно то, что против нас были превосходящие силы. Главное — мы проиграли. Остался ли в живых хоть кто-то из наших? Не знаю, да и не хочу знать — мне не до таких пустяков. Важно то, что мой катер сейчас берут на бордаж. А у меня не осталось никаких сил на сопротивление — ни душевных, ни материально-технических. Я слишком много отдал этому бою — и в результате перегорел, как и главный аннигилятор моего корабля. К тому же неисправная автоматика продолжает и продолжает насыщать воздух стимуляторами — и их порции все больше и больше взвинчивают остатки моих нервов. Это возбуждение не может превратиться в действие — не из чего стрелять, нет двигателей для того, чтобы кувыркаться в этом злом, загроможденном углу космоса.

Внезапно моя рука сама собой опускается вниз, и ее пальцы расстегивают кобуру бластера — она встроена в массивную, зеленоватую опору пульта. Я слышу тонкий, жалобный крик — это я сам заорал от ужаса перед происходящим. Огромным усилием воли мне удастся вернуть руку на свое

колени. Но ее пальцы продолжают шевелиться, выполняя все движения по открыванию кобуры, извлечению бластера, нажатию на его курок...

Мои глаза жгут от слез стыда и облегчения. Я боюсь — и ненавижу себя за этот страх, и не могу позволить себе переступить через него. Мне всего семнадцать лет, и это — мой первый боевой вылет...

Рука опять начинает двигаться к кобуре — центр самоуничтожения в моем подсознании обнаружил, что программа не выполнена. Я опять кричу от ужаса, хватаю второй рукой эту свою, не управляемую мной кисть. Чувствую, что что-то потекло по подбородку. Из воротника комбинезона тут же выскакивает тончайшая нить-манипулятор, ложится на мою нижнюю, миглом занемевшую губу. Я тут же страшно паникую: что происходит, как меня хотят убить сейчас, в это мгновение?!

Спокойный, равнодушный голос бортового компьютера произносит:

— В боржурнал занесено: пилот зубами в ключья разодрал свою нижнюю губу. Медпомощь оказана. Пилот в истерике. Конец записи.

Секунду я нахожусь в ступоре, а потом начинаю биться в хохоте — так, что только страховочные ремни не дают мне упасть на пол.

«Разорвал»... Так это была всего лишь моя кровь, на которую отреагировал «врач», встроенный в мой же скафандр! Несколько секунд я смеюсь над своей дурацкой ошибкой — а потом у меня начинается настоящая истерика.

Мой компьютер — не органика, и поэтому может одновременно пребывать в двух точках пространства: на корабле и на Базе. Так что все записи из бортового журнала непременно попадут в мое личное дело — и вызовут соответствующие последствия. Никто не пожелает посчитаться с тем, что я так молод и что эта необходимость служебного самоубийства — первая в моей жизни.

Прокусить губу — нельзя. А разорвать себе голову энергетическим стукотом из бластера — необходимо. И чем дольше я не превращаю свои мозги и свое лицо в жесткое, запечатое в рубке излучение — тем сильнее мне достанется на Базе Флота.

То есть все предельно просто и обыденно. Но... Одно дело — занятия в классе теоретической подготовки. Там очень легко зачитать по памяти все технические характеристики аппаратуры, обеспе-

чивающей постоянную запись человеческой личности, а после смерти тела — пересылающей эти данные домой, на Базу. В классе легко верить в свое воскрешение, представлять себе мелкие неудобства нового, наспех синтезированного тела. Уже через месяц оно придет в норму и ничем не будет отличаться от старого. И рядом со мной будут есть и смеяться те самые люди, чьи организмы только что были развезены на тысячи кубических километров вакуума.

Но я не могу выстрелить в себя. Сейчас, на границе смерти, я внезапно перестал верить в наше бессмертие. И мне невыносимо страшно ощущать в себе работу программы самоуничтожения — она вбита в мой мозг так же, как в любой из военных компьютеров. Но я же не машина!!! И сейчас мне плевать на то, что масса моих знакомых прошла и через смерти, и через воскрешения. Может быть, эти люди бредили? Может, память о гибели — ложная информация, помещенная им в мозги ради того, чтобы они без колебаний кидались в мясорубку? Ведь для бессмертных любые океаны крови — просто игра... Черт, ведь когда существуют по-настоящему развитые психотехники — разве можно верить и в чужие, и в свои собственные воспоминания и мысли? Я же не смогу отличить правду от внушения!

На меня наваливается внезапная боль — похоже, программа самоликвидации наказывает меня за мою медлительность. Я со стоном съезживаюсь — опять-таки настолько, насколько мне позволя-

ют ремни. Кресло, словно издеваясь, немного меняет форму — в меру своих возможностей приспособиваясь к моей позе. Нет, такая боль может вырвать из любого шока, после нее даже небытие будет раем!

«Застрелись!»

Этот приказ не оформлен в звуки — но в голове он слышен очень четко и твердо. Он произнесен голосом нашего полкового психотехника — того самого, который недавно вставлял в меня офицерский программный блок. А я, дурак, тогда чуть не умирал от гордости — как же, меня запрограммировали так, что я стал настоящим офицером! Я сильный, могу пройти через что угодно — и через час после агонии в каком-нибудь из болот на краю Галактики я буду с спокойно есть бутерброды в столовой Базы!

«Застрелись!»

В моей голове уже нет ни одной ясной мысли — все путается и сминается. Боль усиливается и усиливается, программа в моем сознании терзает мое тело, управляя его вегетативкой. Интересно, почему психопрограммисты не засадили в нас программу для остановки сердца?! Мы бы не смогли ей сопротивляться, и я бы сейчас не был перед этим страшным выбором: муки или небытие...

Кажется, от боли меня выгибает дугой. Кресло выгибается вслед за мной, и...

Рай, единственный возможный рай во Вселенной. Все прошло, нет никаких ощущений — или они слишком слабы по сравнению с прошедшим, и

Я ПАДАЮ НА ПОЛ. БОЛИ НЕТ — НАСТОЛЬКО КАПИТАЛЬНО ОТКЛЮЧЕНО МОЕ ТЕЛО.

я пока не могу их заметить. Но есть они или нет — неважно. Я расслабленно валяюсь в кресле — как брошенная на него тряпка. И улыбаюсь так широко, что, кажется, вот-вот разорву свой рот.

Выжил! Я выжил!!! Дышу, смотрю, живу!!! Я же был у самого края — если бы попытка продлилась хоть чуть-чуть дольше, то мне бы не выдержать. Боль отключила бы все, кроме желания избавиться от нее любой ценой. И я бы выстрелил в себя. Убил бы себя...

Космос на экранах продолжает качаться и двигаться, но сейчас меня это уже не раздражает и не пугает. Я закрываю глаза и наслаждаюсь всем подряд — рубкой, запахом этих проклятых флотских стимуляторов, тревожными огнями аварийной сигнализации на пульте. Я совершенно не могу ни о чем думать, у меня осталась только одна способность — смотреть и радоваться. Счастье. Какое оно простое и...

... и разодранное воем сирены. Рефлекторно, ничего не понимая и все еще ничего не пугаясь, я пытаюсь встать — но не могу. Сирена воем. Ее вой внезапно сменяется спокойным голосом компьютера:

— На корабле чужие! Пилот, уничтожьте корабль!

Я спокойно, отупело гляжу на экран — в звезду, свет которой ослаблен компьютерной программой-фильтром. Лениво думаю о том, что этот ступок плазмы на краю мира не так уж и нужен любой из двух галактических империй — хоть нашей, хоть вражеской. Для нас был главным не он, а драка... И теперь мне остается ждать, когда же компьютер автоматически уничтожит и себя, и меня. Но мне уже и не страшно, и не горько. Словно не было только что мига воскрешения...

— Мы в абордажном луче! Пилот, уничтожайте корабль!

А, все понятно. Такой луч парализует практически всю автоматику — за исключением самых примитивных устройств типа той самой сирены-магнитофона, которая сейчас отдает мне команды. Еще хорошо, что до сих пор не удается создать достаточно простое и безопасное устройство самоликвидации корабля — все такие попытки неизменно заканчиваются взрывами катеров прямо в ангарах звездолетов, идущих на гиперсвете... Если бы это устройство было — то меня давно бы не было...

Я пошевелился в кресле — и внезапно, в самый неудобный момент движения, оказался парализован. Шагов и дыхания не слышно — но я спиной ощутил, что в рубке уже есть кто-то еще. Понятное дело, у нападающих колебания электромагнитных полей их тел синхронизированы с частотой абордажного луча, и поэтому тот на них не влияет. Точ-

но так же и я легко мог бы ходить по любому кораблю, захваченному лучом нашего Флота...

— Вы в плену, — голос врага совершенно равнодушен. Даже если этот человек и сильно удивлен, увидев живого неприятельского офицера, на интонациях это не отражается. Ясно, наши тоже бы не показали подобных эмоций...

Я вижу, как тонкие, почти невидимые лучи-ножи разрезают мое кресло. Его куски расползаются под моим телом, и я падаю на шершавый пол. На моей шее что-то застегивают, а затем грубо берут под локти и ставят на ноги. Я неподвижен, как манекен, удерживаемый двумя людьми в зелено-коричневой форме.

— Иди.

Я подчиняюсь приказу и иду — еле-еле, так как защитное поле застегнутого на мне ошейника очень слабо. Оно дает мне передвигаться — но я все равно остаюсь совершенно безопасен для неприятеля.

Мы идем по зеркальному коридору моего катера. Стены отражают множество одинаковых групп людей — двое ведут третьего, придерживая его за плечи. В глазах чужаков — презрение. Я вижу его несмотря на прозрачные шлемы их скафандров, несмотря на мутноватость собственного взгляда. Или я просто угадываю это их чувство? Им же вставляют психопрограммы, которые очень похожи на наши — в том числе, и требование самоубийства...

Меня наверняка ведут на допрос. Там мое подсознание взломают — и узнают от меня неизмеримо больше того, что я мог бы рассказать им даже при всем своем желании.

То есть я — предатель. Трус, из-за своей слабости ставший каналом утечки секретной информации. Каждая из двух империй считает такой военный трофей и ценнейшим, и отвратительнейшим...

Меня ведут. Дымка перед моими глазами все густеет и густеет. Кажется, я временами теряю сознание — но мне уже все равно...

...А потом — чужие коридоры, какая-то научная лаборатория — и допрос, о котором я не могу вспомнить абсолютно ничего: на нем меня погрузили в одно из измененных состояний сознания. Затем — огромный, переполненный светом грузовой ангар чужаков. На меня смотрят дуло бластера и холодные, высокомерные глаза. Это расстрел.

Кажется, было что-то типа очень короткой вспышки — но не ручаюсь. Меня убили слишком быстро. И я ожил у себя на Базе, увидел озабоченное лицо своего командира — ему явно не понравилось опоздание с моим воскрешением. И на меня накатывает ужас.

Я не хочу быть в такой ситуации. Я не могу в ней жить! Я же не хотел, не хотел, я просто боялся,

мне же семнадцать... Забыть, забыть, обо всем забыть!!!

...И — провал, а потом...

... я тупо смотрю на что-то движущееся. Это нечто издает какие-то звуки. Потом прикасается ко мне... Кто прикасается? Нет, не вспоминать, кто это такой, нельзя вспоминать, слишком больно! А кто я?.. Нет, нет! Если я вспомню, то утрачу право на жизнь, как нарушивший Кодекс Чест... Не вспоминать о том, что нарушено, ведь если я вспомню, то потеряю все, все... Забвение, амнезия — моя единственная надежда... Не давать себе вспомнить, кто я! И...

xxx

Время. Оно — очень странное явление. Его дали предельно обманчивы — кажется, они есть, а на самом деле их нет... Я отхожу от компьютера, начинаю разглядывать свое отражение в зеркале. Из его (опять же лживых) глубин на меня смотрит знакомое лицо. Оно совсем не то, что было тогда — сейчас давным-давно идет совершенно новая эпоха — идет и для меня, и для тех, кто некогда жил в обеих наших империях: и в Аркликусе, и в Хелотробусе... Сколько же лет прошло после того плена? Не помню... Что происходило в эти годы и столетия? Куда делись звездолеты, динозавры в лесах, окутанные облаками здания городов? Не помню... И пока не могу вспомнить...

В сознании всплывают одни обрывки. Те войны кончились. Часть из своих врагов вместе с их космическими городами-станциями мы сумели сбросить в Черную дыру — ту самую, что находится в центре Галактики. А потом были еще какие-то, тоже забытые, войны... Наши две стороны перемешивались, люди теряли память и переходили из лагеря в лагерь... И новые командиры вставляли в нас новые программы; а после этого мы снова гибли, получали новые тела... Потом опять происходило что-то плохое — и у нас «выбивало предохранители», и мы срывались в очередную амнезию... И было еще много чего — как связанного с психотехниками, так и не связанного...

Сумасшедший дом размером в Галактику. Деградирующие миры. И все эти осколки обеих Империй продолжают дробиться, некоторые из них вообще уже занимают только одну звездную систему... Вместо всегалактических войн полыхают локальные... И людям снова вставля-

ют программы. И амнезии снова прячут память — вместе с программами. И — снова...

Тот семнадцатилетний мальчишка, о котором я вам рассказал, не был мной-первым. Это просто одна из моих личностей, возникавших в безумной пляске войн. И — один из кусков моей памяти. Памяти, которой у меня почти нет... И которую я восстанавливаю психотехнологиями — но уже другими, предназначенными для снятия древних программ.

Я стою и смотрю в зеркало. Чужое лицо — одно из многих и многих, бывших у меня в разных жизнях. И я вспоминаю — то есть учусь не прятаться от себя за беспамятство.

Я учусь видеть себя.

xxx

...Вы будете упрекать меня за ту давнюю трусость? Ну, господа, в нашей Галактике через подобное прошли все. Так что давайте не переругиваться на темы прошлого. Сейчас — настоящее, и нам надо начать приводить себя в порядок.

я смотрю в зеркало. Другое лицо.

МОЗАИКА

1793 год: Оборотень

Толпа возле церкви гудела, словно взбудораженный рой пчел.

— Идем к нему! Теперь-то он получит!

— Не отвертеться ему теперича!

— Хватит! Дотерпелися!

— Давно его сжечь надо было! И всю семью его, отродье дьяволье!

— На кол его, на кол!

Мужики драли глотки, многие из них потрясали в воздухе вилами и топорами.

Раздвигая руками людей, из центра толпы выдвинулся широкоплечий бородач с красным обветренным лицом, встал перед взбудораженными людьми, поднял вверх правую руку — в кулаке зажат тяжелый кузнечный молот. Дождь тишины, мотнул гривой черных волос, хмурым взглядом обвел лица притихших мужиков. Сказал негромко, но весомо, пророкотал басом:

— Хватит орать. Пошли.

Развернулся и, не оглядываясь на топчущуюся в нерешительности толпу, пошел прочь от церкви, легко поигрывая кувалдой.

— Правильно, Ерофей! — крикнул кто-то вслед ему, и кучка людей, отпочковавшись от стихшей толпы, как-то неохотно устремилась за ним.

На крыльцо церкви вышел поп и стал мелко крестить уходящих, шепча что-то бледными, иссушенными постом губами. Из окон изб высовывались перепуганные бабы и молча провожали взглядами ошестившуюся вилами и рогатинами процессию. Пара пацанов увязалась было за мужиками, но страшноватого вида старик со шрамом через все лицо цыкнул на них, и они отстали, встав посреди пыльной дороги и с воинственными воплями размахивая ивовыми прутьями.

— Давно его прищучить надо было, ребята! — дергал соседей за одежду суетливый мелкий мужичонка с зазубренным тесаком за поясом. — Еще дед мой на их сучье племя жаловался, а мы все терпели. Нет уж, хватит!

— Помолчал бы, Степка! — перебил его бородач с кувалдой. — Грязное дело идем делать.

— А что случилось-то? — в который раз уже спросил длинный худощавый парень в стоптанных запыленных сапогах. — Толком объясните, я только что из

Брюшкова пришел. Гляжу — вы стоите. В чем дело-то? А?

— Допрыгался, голубчик!

— Кто?

— Колдун наш, Ивашка Хохлов, — говоривший смачно сплюнул в пыль и перекрестился, — вчера трех овец загрыз у Ерофея, да бабу мою напужал.

— Как загрыз? Неушто и вправду волком бегал?! Вот те на, а я-то думал сказки все это.

— Да уж какие там сказки! Вчера ночью вышел Ерофей во двор по нужде, глядит, — волк в загоне овцу треплет. Ну, он не растерялся, вилы схватил, да как пустит прямо тому в бочину! Волчара завизжал, овцу бросил и под дверь — на улицу. А баба моя воду несла, не спится ей, дуре, ночью, глядит, что-то серое в кусты метнулось, а через миг, с другой стороны голый мужик выбегае, задницей отсвечивает и бегом-бегом, за бочину держится и подвывает. Баба ведра бросила, всех переполошила, визжит, руками машет, а сказать толком ничего не может... Хватит, дождались! Чужих овец резать начал, этак скоро и до нас самих доберется.

Мужики возмущенно загудели, ускорили шаг, догоняя ушедшего вперед Ерофея...

Клонящееся к закату, но еще высокое солнце жарило иссушенную землю. Трава по обочинам дороги пожухла, сникла, покрылась толстым слоем пыли. Дождя бы сейчас. Грозы.... Жаркое выдалось лето. Слишком жаркое. Вот уже восьмой день ни капли, ни тучки, ни облачка. Пекло адово! Росы утренней и то не бывает. Сушь!..

Мужики направлялись к неказистой избе, что придулилась на отшибе, в стороне от прочих деревенских домов, пристроилась на краю неглубокого оврага, сплошь заросшего кривым ивняком, крапивой да иванчаем. И чем ближе они подходили к дому, тем тише становился их ропот. На некоторых лицах появилась тень нерешительности, робости и опаски.

Ерофей толкнул тяжелые ворота и первым вошел во двор. Поднявшись на скрипучее крыльцо, он не стал стучаться, а распахнул входную дверь ударом ноги. В сенях навстречу ему вышла хозяйка. Кутаясь в шаль, она испугано и неразборчиво лопотала что-то, загораживая своим худеньким телом дверь в избу. Ерофей молча отодвинул ее своей широкой, огрубевшей от работы в кузне, лапой и по-хозяйски ввалился в избу.

Женщина осталась стоять возле стенки и растерянно смотрела на проходящих мимо нее притихших суровых мужиков.

Суетливый Степка, идущий самым последним, кинул на нее оценивающий взгляд и, подойдя поближе, нахально глядя прямо в испуганные мечущиеся глаза, взялся двумя руками за ворот сарафана и резко дернул его вниз. Ткань затрещала, расплываясь по шву и обнажая неестественно иссиня-белые обвисшие груди с маленькими сморщенными сосками. Рыкнув по-звериному, Степка прижал женщину к бревенчатой стенке и полез жадными трясущимися руками под юбку. Женщина напряглась, выгнулась дугой, груди ее колыхнулись, и она зашла истеричным визгом, колотя Степку по туловищу, по рукам, по лицу. Тот, особо никуда не метая, саданул кулаком наотмашь и продолжал сдирать оставшуюся одежду, но женщина все визжала, распахнув разбитые в кровь губы и отбрыкивалась от насильника. Сатанея, Степка ударил еще и еще, затем вдруг выхватил из-за пояса нож и ткнул прямо в болтающуюся грудь, выдернул окровавленное лезвие и снова ткнул, на этот раз в живот, а потом еще и еще, ниже, между бедер, с остервенением выкрикивая: «На сука! На! Жри!». Женщина уже не визжала, она медленно сползала по стенке, скрюченными пальцами цепляясь за Степку и глядя на него, сквозь него, остекленевшими глазами.

На шум из избы в сени выглянул Ерофей. Молча оглядел мертвую женщину, перевел взгляд на Степку, вытирающего нож подолом разорванного сарафана, задрал одежду так, что полностью обнажились белые, покрытые кровоподтеками, бедра. Увидев Ерофея, Степка ощерился гнилозубым ртом и, ткнув тело лаптем, произнес:

— Во. Прирезал.

— Дурак. — едва слышно пробормотал Ерофей и, не закрывая двери, крикнул в глубину избы: — Ищите, уйти он не мог, где-то здесь прячется!

Степка сунул нож за пояс, с сожалением посмотрел на распластанное под ногами полуголое женское тело и вошел в избу.

Мужики в поисках оборотня перевернули все вверх дном. Тряпки, вытасенные из здоровых дубовых сундуков, устилали пол, путались под ногами; зеркало, висевшее над столом, было разбито, и острые осколки его засыпали покрытый штопанной льняной скатертью стол; дверцы большого шкафа были открыты и все его содержимое грудой валялось возле него. На полу около печи, уткнувшись лицом в половицы, лежал мальчик с окровавленным разможенным затылком.

Степка повернулся к красному углу и хотел перекреститься, но лишь махнул рукой — кто-то предусмотрительно положил образа ликами вниз.

— Вот он. В подполье прятался!

Из квадратного люка, ведущего в подпол, показался здоровый парень. Одной рукой он тащил за шиворот бессознательное тело тшедушного плюгавенько-

го мужичка, а в другой держал обломанный кусок жерди.

— Я его маленько того... Стукнул... Дышит еще...

— Молодец, Илюха! — бородатый Ерофей помог втянуть безжизненного колдуна в избу и стал связывать ему руки разорванной рубахой, подобранной с пола.

— Чего ты с ним возишься! Прибить его, пока не очухался!

Мужики согласно закивали головами, и один из них даже несильно ткнул вилами в замотанную тканью рану на ребрах пленника. Тот слабо застонал и пошевелился.

— У-ух! — Мужики дружно, как один отступили на шаг.

— Чур меня! — сказал Степка и сложил кукиш из забрызганных кровью пальцев.

Лишь Ерофей остался стоять возле опутанного тряпками колдуна, дожидаясь пока тот окончательно придет в себя.

— Чего ты ждешь? — Шепотом спросил Степка. — Кончай его быстрее!

Оборотень открыл глаза и с усилием обвел взглядом окруживших его людей. Губы его дрогнули.

— Не я... Не я виноват... Само... Не хотел я... Все само выходит...

Мужики испугано переглянулись.

— Люди добрые... пожалейте... Иван... само оно как-то... Степан... Ерофей... само ведь... без зла... — еле слышно шептал связанный.

— Смотрите! — вскрикнул Степка и ткнул пальцем в скорченную фигуру пленника.

Босая нога колдуна медленно покрывалась бурой шерстью, укорачиваясь и худея на глазах, ногти на пальцах чернели и постепенно превращались в загнутые звериные когти. Раненный задрал голову и жутко захрипел, подвывая, губа его задралась, обнажив белые хищные клыки. Перепуганные мужики увидели, как спазматически заходил вверх-вниз по горлу кадык, и как лицо колдуна стало меняться, вытягиваться, заостряться, превращаясь в скалящуюся морду зверя.

Ерофей взмахнул кувалдой и дьявольское создание, издав булькающий звук, повалилось на пол, забрызгивая некрашенные доски яркой, живой, словно ртуть, кровью.

Мужики в суеверном ужасе отступали все дальше и дальше от мертвого, но продолжающего меняться тела. Первым не выдержал Степка — матюгнувшись, он развернулся на месте и выбежал из избы на улицу. Вслед за ним устремились и остальные. Отбросив в сторону залепанную кровавыми сгустками кувалду, последним вышел Ерофей.

— Солому тащите. Надо до конца дело довести.

Распотрошив сеновал, мужики обложили дом сучим сеном и старой прошлогодней соломой. Подождли.

— Хватит. И так возьмется. — Ерофей чиркнул

спичкой и бросил ее в пахнувший керосином вал соломы. Пламя вскинулось к небу, жадно обгладывая сухое дерево. Жар заставил людей отойти подальше, за изгородь, и они молча стояли и смотрели, как полыхает подожженный дом, а потом, когда внутрь охваченного огнем сруба рухнула кровля, подняв в вечерний тихий воздух снопы танцующих искр, молча и медленно пошли прочь, устало опустив топоры, рогатины и вилы.

Небо на западе затягивалось алеющими струпьями облаков.

1982 год: У врача

— Здравствуйте, доктор, — мужичонка лет сорока боком протиснулся в скрипучую, на тугой пружине дверь и вежливо уточнил: — Можно?

— Заходите... — молодой доктор внимательно осмотрел вшедшего. — На что жалуетесь?

— Даже и не знаю, как сказать... — пациент замаялся, почесал затылок, поскреб заскорузлой ладонью нос. — Понимаете, доктор, я сам нездешний, с Макарьина я. У нас медпункт сейчас не работает, я у врачихи дома был — болеет она — так она мне направление к вам, в район, значит, выписала...

— Ну так, что там у вас? — недовольно повторил врач, думая о своем. Он вспомнил, что с минуты на минуту должна заскочить к нему кареглазая Леночка из лаборатории; шоколадка с орешками давно лежала в ящичке стола, и молодой доктор уже заготовил целую речь, с которой он намеревался начать осаду ее неприступного сердечка, тихо бьющегося в груди где-то под идеально белым, всегда, при любых обстоятельствах тщательно выглаженным медицинским халатом...

— Вот я и говорю — неместный я. В деревне-то про нас, Хохловых, давно всякие небылицы рассказывают, а вы тут люди умные, ученые, без всяких там лишних всуевериев...

— Слушайте! Вы пришли сказки рассказывать или лечиться!? — Доктор, потеряв терпение, повысил голос.

— В общем, меняюсь я, — заторопился мужичок. — Пять годов назад тонул я. На рыбалке, значит, зимой под лед провалился. С того все и началось. Сам не помню, как из воды выбрался. Трясло всего. Муть какая-то перед глазами... Помню только, что рук у меня не было тогда и ноги странные какие-то были — под штанами толком не разглядел, но не держали меня ноги-то, гнулись, как шланг какой, право. Вот и началось тогда...

— Вам к психиатру, третий кабинет направо, — перебил говорившего врач.

— Да был я у него. Не у вашего, а в деревне, у Марины, врачихи нашей. Я первым делом тогда на голову, значит, и подумал. Нормальный я. Вы вот посмотрите лучше...

Мужичок сноровисто засучил рукав выцветшей

голубой рубашки, обнажив по локоть волосатую худую руку, порывисто схватил со стола врача графин и плеснул водой себе на предплечье. Доктор онемел от такой наглости и с открытым ртом уставился на лужу, растекающуюся по стертому линолеуму.

— Смотрите, доктор, смотрите! — мужичок трянул рукой, и пара капель попала врачу в лицо. Тот побагровел, гневно приподнялся в кресле и уже открыл было рот, что бы наорать на наглого хулиганствующего посетителя, но слова застряли у него в горле.

Он увидел, как мокрая рука мужичка медленно укорачивалась, будто усыхала на глазах, неторопливо уползала в рукав рубахи, пряталась, словно улитка в раковину. Волосы на ней исчезали, втягивались под кожу, а пальцы странным образом сомкнулись и срослись меж собой, образовав подобие плоского бескостного лапта.

— Вот видите! Я и не моюсь почти теперь. Так, тряпочкой изредка протрусь. Хуже всего, когда весь меняешься — ничего не помнишь, где был, что делал. Поначалу страшно было, плакал даже. Жена ушла. А теперича привык. Если не мыться, то, вроде, все и в

порядке. Дождь вот только иной раз...

Доктор почти не слышал говорившего, он продолжал смотреть на меняющуюся руку. В дверь заглянула Леночка, бросила томный взгляд на застывшего в изумлении доктора, посмотрела на оплывающую культю, торчащую из рукава рубашки неопрятного черноволосого мужичка и, тихо вскрикнув, исчезла за скрипнувшей дверью. В коридоре раздался цокот ее быстрых каблучков.

— Да-а-а! — Врач опустил в кресло и долго молчал. — И когда она у вас... э-э-э... в исходное состояние вернется? — вымолвил, наконец, он.

— Сейчас все нормально будет, — мужик уверенно раскатал рукав и стал сквозь ткань массировать короткую культю на месте левой руки.

И действительно, не прошло и двух минут, как из рубашки высунулась человеческая кисть, несколько, правда, мелковатая и со сморщенной, какой-то бурой кожей.

— Так что мне делать-то, доктор? — Больной с надеждой вглядывался в молодое лицо врача. В чистое, не по-деревенски бледное лицо парня, который еще совсем недавно, пару лет тому назад, сидел за партой в аудитории медицинского института, а потом получил распределение в этот богом забытый райцентр, где из всех развлечений — кино по выходным и танцы по пятницам. Да вот еще Леночка...

— Знаете, что?.. — доктор задумался, хмыкнул, покрутил головой. — Медицина вам не поможет, более того, я не могу даже классифицировать данный случай... Я конечно слышал о ликантропии, — он хмыкнул, покачал головой. — Сказки... Но вот это... Хотите совет? Просто, по-человечески, не как врач пациенту. Никому больше это не показывайте. Сидите в своей деревне, живите тихо, не высовываясь. А то, не дай бог, запишут вас в психушку, или еще куда похуже... — доктор помолчал. — Поняли меня?

— А как же? — Мужичок взмахнул перед лицом доктора своей рукой, уже принявшей нормальную форму, и врач слегка отшатнулся, чего-то вдруг испугавшись. Отодвинул стул, поднялся из-за стола, подошел к окну.

— Жили же вы пять лет? Ну и живите дальше. Говорю вам, узнает кто — житья не будет, в могилу сведут — опыты, анализы, эксперименты... — он опять замолчал, задумавшись о чем-то и совсем уж непонятно добавил: — Есть много на свете, друг Горацио...

— Че? — переспросил пациент.

— Ничего, это я так... Вы все поняли? Идите!

Мужичок развернулся, с силой потянул на себя тугую дверь и обернувшись в проеме, неуверенно произнес:

— Спасибо... доктор... До свидания.

Врач махнул рукой и полез в стол за шоколадом, вспоминая вылетевшую из головы речь, посвященную прелестной Леночке, ее карим глазам и пухлым губкам.

2035 год: Марс

— Вот, смотрите... — Майкл Ньюмен, биолог, а по совместительству врач экспедиции, откинул закрывающую труп простыню.

— Тьфу, гадость какая! — поморщился Андрей. — Вы хотите сказать, что это и есть Поль Муруа?

— Ну, если быть точным, то это то, что когда-то было Подем.

Андрей скинул простыню на пол и внимательно оглядел тело.

— Низ практически не изменился. Ноги, гениталии, живот...

— Да. Процесс превращения шел сверху. Мы считаем, что в атмосфере Марса есть нечто, что вызвало подобную метаморфозу. Когда стекло лопнуло...

— Стоп. Все по-порядку. И, сразу должен вам сказать, прошу не делать никаких выводов и умозаключений. Это моя прерогатива. От вас нужны факты и только факты, а об остальном позабочусь я.

Андрей сунул руку в карман и незаметно нажал кнопку диктофона. Майкл вздохнул:

— Ну, хорошо. По-порядку, так по-порядку... Думаю, для вас не секрет, что мы сейчас исследуем марсианские пирамиды. Эти загадочные образования, возможно, искусственного происхождения. Впрочем, делать какие-то выводы пока рано — работа только началась. Так вот, Поль и Сергей Прохоров должны были сделать замеры радиоактивного фона возле пирамид. Если вас интересует схема замеров, обратитесь к Сергею, карта у него. Что бы сделать замеры побыстрее, они разделили участки и разошлись в разные стороны. По словам Сергея, не прошло и пяти минут, как в его шлемофоне — связь в таких случаях не отключается — раздался крик, а через мгновение он услышал задыхающийся голос Поля, просящий помощи. Сергей сразу побежал назад, они еще не успели далеко разойтись, и через три минуты наткнулся на Поля. Тот лежал на песке лицом вниз. По следам можно было понять, что он упал с вершины дюны и ударился шлемом о камень... Феноменальное несезение! Во всей пустыне выходы скальных пород — большая редкость, не говоря уж об отдельных валунах и булыжниках!.. Когда Сергей перевернул его, то увидел это, — Майкл кивнул головой в сторону трупа, — могу представить его испуг... Вот, в общем-то, и все.

— Как все? — Андрей, преодолев отвращение, коснулся пальцем чешуйчатой кожи на лице существа. — Вы же делали вскрытие, анализы.

— Да, конечно. Все есть в отчете. Там много специфичных терминов, но одно могу сказать точно — это не Поль Муруа и, более того, это не человек. ДНК, в общем-то, схожи, но не более того. А вот клеточный анализ не выявил вообще ничего общего со строением тканей человека. Самое странное, что все, что ниже пояса, осталось нетронутым — и ДНК, и гены, и клетки, а вот лицо и грудь... Этакый кентавр. Невероятно!.. Если судить по объему легких и строению альвеол,

существо это могло бы существовать в разреженной атмосфере Марса... Смотрите отчет.

Андрей задумчиво почесал затылок.

— Замечали вы какие-либо странности, несоответствия в поведении Поля? — спросил он.

— Нет, конечно. — Врач пожал плечами. — Иначе он не попал бы в эту экспедицию. Несомненно, он был здоров. И физически, и психически. Иначе и быть не могло.

— Ну, что ж, — Андрей еще раз оглядел лежащую на операционном столе жуткую пародию на человека, — должен вас предупредить, что любая информация по данному делу является конфиденциальной и разглашению не подлежит.

Когда Андрей уже выходил из операционной, Майкл не выдержал:

— Послушайте, Андрей! Это что, вторжение? И, вообще, чем занят ваш таинственный Комитет?

Андрей остановился на мгновение, молча оглянулся, словно раздумывая над ответом, а затем, ни слова, перешагнул порог и опустил за собой чавкнущую гильотину двери.

Вопрос доктора остался без ответа.

2040 год: Возвращение экспедиции.

За пять минут до того, как метеорит пробил обшивку корабля, капитан констатировал:

— Пересекли орбиту Юпитера.

Штурман посмотрел на него, зевнул и апатично спросил:

— Ну и что?

— Да так. — Капитан пожал плечами, не отрывая взгляда от приборов. — А, что, Серега, не сыграть ли нам в шахматы?

Недавно капитан и штурман придумали для себя новую забаву — они начинали шахматную партию без доски, удерживая расположение всех фигур в памяти. Но так как оба были лишь посредственными любителями, то еще ни одна партия не была доведена до мата. По обговоренным правилам, проигрывал тот, кто первым терялся среди воображаемых черно-белых фигур и делал неверный ход. Обычно это происходило к двенадцатому-пятнадцатому ходу...

— Да ну! Надоело, — ответил постоянно проигрывающий штурман, и в рубке воцарилась тишина. Лишь время от времени с негромким гудением включались корректирующие двигатели, и тогда весь корабль чуть вздрагивал, недовольно поскрипывая и подстукивая невидимыми сочленениями и скрытыми механизмами.

В рубку вошел биолог и, соблюдая абсолютное молчание, с невозмутимой уверенностью профессионала стал цеплять к уху капитана какие-то небольшие шутовщины, формой и размером напоминающие крупные проросшие фасолыны.

— Эй-эй! Приказываю отставить обвешивать на-

чалника, словно новогоднюю елку!

Штурман широко улыбнулся словам капитана, но улыбка его сразу увяла, как только он увидел, что интерес биолога переключился на него.

— Но-но! — сказал он, отступая в угол. — Осторожней, Джордж, в гневе я страшен!

— Тьхо, пожалуйста. — Джордж Голдфилд знал по-русски не более сотни слов, что, впрочем, вовсе не мешало ему отлично понимать все, о чем говорила русскоязычная часть экипажа, и капитану иногда казалось, что Джордж просто скрывает свое знание языка с некой, понятной только ему целью.

— Я буду кричать, Джордж! — Штурман шутиливо замахал перед собой руками.

За сорок секунд до того, как метеорит разгерметизировал рубку, в ней раздался мягкий голос астрофизика:

— Как вас здесь много! Вся команда в сборе.

Он протиснул свое грузное тело в овал дверного проема и сразу напал на капитана:

— Андрей! — Астрофизик был на десять лет старше капитана и, потому он, единственный из всего экипажа, обращался к начальнику просто по имени. — Андрей! Я требую чтобы ты остановил вращение! Мы так близко подошли к Юпитеру, а я не могу провести нормальных наблюдений. Такая возможность бывает лишь раз в жизни! — Астрофизик был французом по национальности, но практически безукоризненно говорил как на русском, так и на английском языках. — Через две минуты покажется Ганимед, а я даже камеру настроить не могу! Поболтаемся в невесомости, ничего страшного. Даже полезно, доктор подтвердит.

Джордж кивнул головой и улыбнулся. Все-то он понимал!

— Я настаиваю... — Астрофизик вдруг как-то странно булькнул, и лицо его превратилось в кровавое месиво — метеорит, размером не больше спичечного коробка, пробил обшивку и размозил череп француза.

Со свистом в пробоину устремился воздух.

Капитан мгновение смотрел на падающее тело астрофизика, и на лице его было запечатлено растерянное выражение непонимания. А через секунду он хватался руками за горло, глаза его вылезали из орбит, вены набухали, и под кожей, словно кляксы на промокашке, проявлялись сизые пятна кровоизлияний. Штурман, стоящий дальше всех от расширяющейся пробоины, успел увидеть, как взорвалась голова капитана, раскрасив заиндевевшую приборную доску ярко-красными кляксами. А затем и он рухнул замертво, вывернувшись наизнанку.

И никто не видел, как молчаливый американец Джордж, покрытый ином и кровью, царапал заблокированную дверь и превращался в нечто. Голова его ушла глубоко в плечи, да и голова ли это была? Ни глаз, ни ушей, ни рта — лишь пара наростов на выпуклых висках. Туловище странным образом упло-

шилось, конечности укоротились, и это нелепое существо скребло бронированную дверь и, умирая, продолжало меняться.

Когда воздух полностью покинул рубку, бывший человек еще жил. Он медленно шевелил конечностями, словно замерзающая в ледяной воде лягушка.

Через полчаса создание умерло от холода.

А корабль продолжал лететь в молчаливой бездне, неся на борту свой погибший экипаж.

2063: Контакт

— Он запрашивает посадку! Он уже на критической дистанции и продолжает приближаться! — растерянный диспетчер обратил свое бледное лицо к возвышающемуся над ним начальнику космопорта. — Что делать, Владимир Иванович? Он падает!

— Кто это вообще, черт возьми?!

— Не знаю. Появился словно призрак, сигнала опознания не дал, стал сразу требовать посадки. Через полторы минуты будет виден. Пока мы отслеживаем его только локаторами. Опознание невозможно.

— Хорошо. Выведи его на пятую полосу. Вызови медиков и службу безопасности. К четвертой, пятой и шестой полосам перекрой доступ... — начальник космопорта задумчиво подергал себя за седой ус и тихо спросил в пустоту, ни к кому собственно не обращаясь: — Кто же это, черт побори?

Диспетчер, молодой черноволосый парень с тонкими чертами заостренного треугольного лица, пожал плечами в ответ и торопливо застучал по кнопкам пульта. Владимир Иванович недовольно следил за его худыми, с завитками черных волос, запястьями, высывавшимися из белоснежных манжет рубашки. Он не любил спешку, ненавидел принимать ответственные решения и не переваривал сюрпризов.

Зеленая точка медленно ползла по черному стеклу разлинованного экрана, приближаясь к его центру. Диспетчер и начальник молча следили за ее неторопливым движением. Все, что они могли сделать, уже было сделано...

— Ну, что? — не выдержал Владимир Иванович.

— Через тридцать секунд войдет в зону видимости. Я опять запросил их на опознание, но они молчат. Только непрерывно просят проводку на посадку. Ведут их на автомате.

— Ну кто же это, черт побори? — в который уже раз повторил Владимир Иванович. — Кто?

Он боялся.

За всю свою долгую карьеру ему лишь дважды довелось принимать неопознанные объекты. Первый раз в сорок первом. Это был небольшой экспедиционный корабль. Кажется с Сатурна. Почему-то он шел на посадку на автопилоте, и не смог точно зайти к полосе. Взрыв тогда вдребезги разнес два ангара и выбил все стекла в главном здании космопорта... А второй случай имел место в пятьдесят восьмом... Или шести-

десятым?... Тогда было еще хуже. Банда преступников, захватив транспортный корабль с грузом руды, бежала из тюрьмы на Фобосе. Приземлившись, они оккупировали ремонтный ангар и трое суток продержали в заложниках экипаж рудовоза, пока отряд спецназа не освободил людей... Стрельбы тогда было много. Помнится, двое парней из экипажа погибли... Или трое? — Владимир Иванович усилием воли отогнал от себя беспокойные мысли и подошел к огромному, во всю стену, окну. Служба охраны уже оцепила пятую полосу, и начальник космопорта видел, как поблескивает яркое июньское солнце на серебристых погонах охранников. На крыше ближайшего ангара он заметил какое-то движение и догадался, что там засел снайпер. Молодцы, подумал он про себя.

— Десять секунд... — сказал диспетчер, — пять, четыре, три...

— Вот, черт! — ахнул Владимир Иванович и потрясенный замер у окна.

Закрыв собой солнце, в воздушное пространство над космопортом вплыл гигантский диск, абсолютно черный и оттого пугающе нереальный, словно нарисованный на фоне голубого неба с легкими полосами перистых облаков... Черное пятно. Дыра в небесной тверди... Диск бесшумно завис над посадочной полосой и стал медленно опускаться. Начальник космопорта видел, как сотрудники службы охраны залегли за пластиковыми барьерами и ошетинились оружием. Им не надо было объяснять, что корабль, опускающийся на пятую посадочную полосу, не мог быть создан людьми.

А это уже не в его компетенции.

Владимир Иванович вздохнул, на всякий случай протер глаза, словно верил — а ему хотелось верить — что наваждение тотчас пропадет, затем оглянулся на открывшего рот и в изумлении привставшего из-за диспетчерского пульта парня и отдал приказ:

— Срочно вызывай Комитет!

2064 год: Заседание Комитета

В тесном кабинете за длинным полированным столом сидели шесть человек. Они ждали седьмого. Главный опаздывал.

Ждущие молчали. Они без интереса, страдая от отсутствия других развлечений, разглядывали пятнистые, словно карточки с тестами Роршаха, обои, массивную хрустальную люстру, подвесками своими почти касающуюся полированной поверхности стола, неприязательную старую мебель. Время от времени кто-нибудь из шестерых издавал какой-либо звук: тихо кашлял в кулак, скрипел разохшимся стулом или шелестел бумагами, и тогда остальные переводили взгляд на шумевшего. Тот немного смущался, успокаивался, и в кабинете снова воцарялась тишина.

Эти люди очень редко собирались вместе, каждый из них отвечал за свою службу, за свое подразделение

и только события чрезвычайной важности могли заставить их съехаться сюда, в Центр.

— Извините! — в кабинет ворвался Главный, облаченный в старомодный костюм-тройку. Быстрым движением подпернув штанины брюк, он сел во главе стола. — Немного задержался. Дела.

Остальные молчали. Извинения были излишни.

— Господа! — Главный поерзал в кресле, устраиваясь поудобней. Обвел долгим взглядом своих людей, засмотрелся на блистающий хрусталь люстры. С заметным сожалением оторвался от созерцания бликующего великолепия, повторил тоном пониже:

— Господа. Очередное заседание должно было состояться только в конце года, но обстоятельства вносят свои коррективы. Перейду сразу к делу. Вы знаете, что восемь месяцев назад на трех российских космопортах произвели посадку неопознанные летающие объекты. Аналогичные объекты приземлились в двух точках Объединенной Европы и в пяти точках Северо-Американского континента. Несмотря на все наши усилия, гости свели контакт к минимуму... Если говорить прямо, то и не было никакого контакта. Они лишь поставили нас в известность о своем прибытии и больше никаких данных мы от них получить не смогли. Они нас словно не замечают, — лицо Главного перекосилось, изображая досаду. — Комитет и аналогичные спецслужбы других стран хотели ограничить перемещения пришельцев, но те проходят сквозь наши оцепления и блок-посты незамеченными. Такое впечатление, что они владеют телепортацией... Силowymi методами действовать мы не можем — обострение ситуации сыграет против нас, мы не знаем ничего: ни их количества, ни уровня развития, ни целей прибытия — вообще ничего. Ноль... Смирившись с положением, мы лишь наблюдали и ждали, благо враждебных действий пришельцы не предпринимали... — Главный выдержал долгую паузу, вновь завозился в кресле и, наконец-то найдя новое положение, произнес с расстановкой, делая ударение на словах: — До недавнего времени.

Слушатели переглянулись меж собой. Все, что было сказано до этого, они знали и раньше. А вот последнее замечание... Они ждали продолжения.

Помрачневший Главный, утонув в глубоком кресле, отрывисто ронял фразы:

— Неделию назад было отмечено увеличение числа пропадающих без вести людей. В районах, где находятся космические корабли пришельцев. В три, пять раз, местами на порядок больше, чем в других регионах. Пока это только статистика. Мы связались со спецслужбами других государств. После тщательной проверки, они подтвердили данную закономерность. ООН обеспокоен, правительства в панике, пришельцы, как обычно, молчат. Пока все держится в тайне. Пока... Решение данного вопроса в России возложено на нас. Правительство дает нам все необходимые полномочия. Прошу высказываться...

Главный замолчал, кашлянул в кулак, исподлобья

оглядел своих подчиненных. Те мгновение молчали, словно ждали, не скажет ли начальник еще что-то, а потом вдруг заговорили все сразу, загалдели, перебивая друг-друга, роясь в бумагах, выдергивая из портфелей какие-то графики, таблицы, тыкая в столбцы цифр пальцами и что-то черкая на листах бумаги.

— Тихо! — хлопнул широкой ладонью по столу Главный. — Начнем по-порядку. — Он покинул уютное кресло, поднялся на ноги, навис над столом, упервшись руками в столешницу. Навис тяжело, хмурый, словно грозовая туча. Зарокотал своим густым баритоном, поднимая людей, спрашивая, выслушивая, отвечая. Мрачней все больше и больше...

Ему хотелось бы верить, что решение проблемы будет сегодня найдено, он был бы очень рад, если кто-нибудь из подчиненных ему людей встал бы сейчас и, разведя руками, сказал: «Какая проблема? Нет никакой проблемы!». Но что-то подсказывало ему, что они в тупике, и неотступно, где-то на границе осознания крутилась в голове навязчивая мысль, мешая полностью сосредоточиться на работе: «Нельзя решить задачу, если число неизвестных слишком велико. Нельзя...».

2065 год: Пацаны.

— Слышь, Вовка, а новенькая эта ничего, да? — Пашка толкнул локтем своего друга в толстый, заплывший жиром, бок.

— Ее Марина зовут.

— Слышь, Вовка, а у тебя ведь день рождения скоро, пригласи ее, а? А Ленку не зови, надоела она мне. Дура.

Вовка набычился и искоса глянул на Пашку. Его коробила прыткость товарища, тем более, что Марина понравилась ему самому и если б не его нерешительность, такая же объемная, как и его живот, то он и сам был бы не прочь познакомиться с симпатичной девочкой, пришедшей в их класс.

— Ну чего, Вов? Договорились?

— Помнишь Степку из десятой школы? — сменил тему разговора Вовка. — В футбол к нам ходил играть. Курит он еще.

— Ну!

— Вот в этом доме он жил, — кивнул головой Вовка на старый одноэтажный домик из желтого кирпича, приткнувшийся к самой набережной и окнами глядевший прямо на свинцовую осеннюю Волгу. — Пропал он. Две недели назад. Ко мне из милиции приходили. И еще какие-то, по-гражданке одетые.

— Сбежал, что-ли? — Пашка явно заинтересовался разговором. Он остановился и, подперев спиной гранитный парапет набережной, стал разглядывать желтый дом, обсаженный деревьями и чахлыми кустами облетевшей уже сирени.

— Чего ему сбегать? — Фыркнул Вовка и, перевесившись через ограждение, стал плевать в пенистую, с радужными пятнами масла и желтыми поплавками березовых листьев, октябрьскую речную воду. — У

него родители знаешь кто? Они ему, что он ни просил — все покупали.

— А чего это, если они такие богатые в древнем доме живут?

— А ты внутри был? То-то же. А я был. — Вовка опять плюнул в грязную пену и добавил, цокнув языком: — Красота!..

Они помолчали. Пашка разглядывал притулившийся на крутом склоне дом с темными стеклами окон, в которых отражались блики красного, садящегося в Волгу солнца. Вовка вглядывался в неторопливое движение грязной воды, ощущая, как гранитное ограждение приятно вдавливают живот, затрудняя дыхание.

— И чего? — не выдержал пытки молчанием Пашка.

— Покаянись, что никому не скажешь.

— Клянусь!

— Я вчера тут зеленого видел.

— Да ну! — удивился Пашка. — Их, вроде, у нас не было.

— Теперь, значит, есть, — отрезал Вовка.

— А Степка тут при чем?

— Не перебивай. Стоит он, значит, у самых деревьев и на дом смотрит. Весь в зеленых пятнах, худющий, голова буграми — точь-в-точь, как по телику показывали. Я бы, может, и внимания особого не обратил бы, ну, посмотрел бы, да и дальше пошел, их, ведь, этих зеленых стало больше, чем негров. Да только, когда меня про Степку спрашивали, эти, которые в гражданке, сильно зелеными интересовались — не видел ли я их, может Степка что-нибудь говорил?..

Пашке стало жутковато. Он с опаской посмотрел на густые тени под деревьями, обступившими кирпичный дом, и ему показалось, что там, в вечернем сумраке, что-то движется, неторопливо и текуче, словно бурн в мутной речной воде.

— Пойдем домой, Вов, — дернул он друга за рукав.

— Сейчас, дай договорить... В общем, стою я, смотрю на зеленого, а он все дом разглядывает. Долго так стоял, словно истукан. И не пошевелится, только головой водит. А потом к дому подошел и стал в окна заглядывать, но там темно, наверно не увидел ничего, отошел опять к деревьям и, вроде как, не знает чего делать: то уходить дернется, то к дому метнется. А потом меня увидел; обернулся, уставился... — Вовка заглянул испуганными глазами Пашке в лицо и свистящим шепотом произнес: — Степка это был. Зеленый-то...

Пашка вздрогнул. Волна ужаса ознобом пробежала по его спине.

— Врешь, — прохрипел он, но по глазам его было видно, что в Вовкины слова он поверил.

Они одновременно обернулись и посмотрели на темные окна одноэтажного, фундаментом вросшего в землю домика. А когда невысокая худая фигура с темными пятнами на сереющей в сумраке коже отделилась от ствола старой корявой яблони и качнулась к ним, они вскрикнули и без оглядки помчались по асфальту набережной, топая разношенными ботинками и ощущая, как тяжело хлопают их по спинам кожаные школьные ранцы.

2066 год: Мусорщик.

Хмурое осеннее небо источало влагу. Мелкие капли густого тумана висели в воздухе, конденсировались на холодных металлических поверхностях, и казалось, что это ржавый металл плачет грязными струйками воды, печалась о своей ненужности и заброшенности на этом огромном пустыре, превращенном людьми в городскую свалку.

Леха, перепачканный, со слипшимися в сосульки мокрыми волосами, в промокшем насквозь плаще, бесцельно бродил среди гор мусора, надеясь отыскать хоть что-нибудь стоящее...

Был он уже не молод, но годов своих не замечал, легко отзывался на простецкое «Леха», оборачивался к окликивавшему, широко улыбался. Любил поговорить ни о чем, сбивчиво и путанно, озвучивая непослушные мысли, выстраивая упрямые слова. Мальчишки посмеивались над ним, чудатковатым оборванцем, взрослые просто старались не замечать. И потому беседовал Леха обычно в одиночестве, сам с собой... Он уже давно свyksя со своей странной жизнью и даже не подозревал о собственной ущербности, не задумывался над тем, каким видят его другие люди.

Он просто жил. И ему нравился образ жизни, который он вел.

Ему нравилась маленькая квартирка в полузаброшенной многоэтажке на самом краю города, которую он делил с помоечным котом Васькой. Нравилось каждый день обходить свалку в поисках вещей, которые потом можно будет по дешевке продать на базаре. Он любил расковыривать кучи мусора, извлекая на свет божий брошенные, уже ненужные прежним хозяевам, но неплохие еще вещи. Часто он разговаривал со своими находками, жалел, гладил, оттирая от грязи руками, нашептывая ласковые слова. Ему казалось, что вещи отвечают ему, отвечают тихо, почти неслышно, на своем языке, непонятном большинству людей.

Леха приносил найденные вещи к себе, и они подолгу стояли у него в квартире. Вечерами, при свете свечи, он трогал их, перебирал, переставлял с места на место, любясь своими игрушками, словно они были сделаны из золота и бриллиантов.

Когда ему требовались деньги, он отбирал какой-нибудь предмет, тщательно протирал его и со слезами на глазах шел на базар. Покупатели, соблазненные дешевизной неплохой еще вещи, подходили, спрашивали, но Леха не торопился, он высматривал среди покупателей хорошего человека, доброго, с пониманием во взгляде, такого, что не выбросит ставшую ненужной вещь на свалку вместе с мусором...

Леха отшвырнул в сторону грязную тряпку, и из-под нее блеснуло серебром зеркало в старинной резной раме.

— Ах ты бедное, промочко совсем. Ну я тебя вылечу, подсушу, отчищу; — забормотал Леха, аккуратно высвобождая зеркало из-под грязных вонючих тряпок, — ты у меня будешь как новое... И кто же тебя

обидел, кинул-выбросил?..

В ста метрах от склонившейся над зеркалом фигуры, невидимые за пеленой туманной измороси, проносились по асфальту автострады машины с желтыми пятнами фар. Леха, увлеченный монологом, не услышал, как один из автомобилей остановился на обочине и из него выбралась странная фигура, гротескная пародия на человека. Сгорбленное существо с темными пятнами на зеленой коже, пнув по пути консервную банку, направилось к Лехе.

— ... ты скучать не будешь, у меня есть много чего. А тебя я в обиду не дам. Будем жить вместе, у меня хорошо... — увидев перед собой голые ноги с большими неуклюжими пальцами без ногтей, Леха замолчал и поднял голову. Поняв, что перед ним стоит не человек, Леха растерялся, сделал шаг назад, потом неуверенно улыбнулся и произнес, протягивая перед собой тяжелое зеркало:

— Вот. Нашел.

Зеленая фигура внимательно посмотрела на зеркало, на трещину, змеящуюся по стеклу, на облупленную деревянную раму и невыразительно сказала:

— Хорошо.

Леха опять улыбнулся и, не зная, что делать дальше, предложил:

— Если хочешь, бери.

Ему казалось, что эта невозмутимо спокойная фигура со странной кожей цвета свежего клевера, по которой вода сбегала крупными каплями, словно та было пропитана воском; с большими блестящими глазами в которых читалась нечеловеческая мудрость; с узкой щелью беззубого рта — ему казалось, что это существо хорошее, доброе, чуждое злу и, потому, Леха уверенно повторил:

— Бери. Пожалуйста.

Пришелец протянул руки, но зеркала не взял, а схватил Леху за холодные запястья. Тот вздрогнул и неловко попытался отстраниться, при этом чуть не выронив зеркало, но что-то, какое-то новое, еще неизвестное ему чувство заставило остановиться, замереть на месте, вглядываясь в глубокие глаза незнакомца.

И тогда он стал вспоминать. Свою жизнь. Мать. Отца. Деда. Он вспомнил людей, что жили до него. Давно. Очень давно. Он узнал среди них своих предков, и понял, что не всегда люди были людьми, и он заплакал, обретя то, о чем никогда не подозревал...

В ста метрах за вуалью моросящего дождя с гулом проносились желтоглазые автомобили, но никто из людей за рулем не видел, как среди гор мусора, держась за руки, стояли в молчании две сгорбленные фигуры, и быстрые струйки воды стекали по их зеленой с темными пятнами коже, словно бы пропитанной воском.

2070 год: Бар

В баре было душно. Клубы сигаретного дыма плотным облаком заполнили все помещение и казалось,

что силуэты людей плавают в нем, с трудом разрывая тягучие волокна смога при движении. Приглушенно таякала музыка из невидимых динамиков, с костяным стуком соударялись бильярдные шары, да изредка, перебивая монотонный гул голосов, звякали стаканы.

Сергей и Александр застыли на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Никто не обратил внимания на вошедших, хотя картина того стоила. Братья-близнецы, когда-то похожие друг на друга как две капли воды, теперь, в зрелом возрасте, являли собой полные противоположности. Небритый седеющий Сергей в мешковатом свитере, в брюках с пузырящимися коленками, с обслонявленным чинариком в углу рта разительно отличался от выхоленного Александра в дорогом костюме и лакированных ботинках.

— Зачем ты меня сюда притащил? — недовольно спросил Александр, морщась.

— Здесь, братан, единственное место в этом паршивом городишке, где курить можно прямо в зале, и никакой козел тебя не оштрафует, — Сергей окинул тяжелым взглядом исподлобья тесноту бара. Выплюнул давно потухший окурочок. — Давай спокойно поговорим...

Братья прошли к свободному столику и сделали заказ.

Они молча смотрели, как официант протирает салфеткой столешницу и расставляет приборы. Когда официант отошел, Сергей откашлялся и сказал севшим голосом:

— В общем, Саня, я сейчас на мели. Живу пока у друга, но к нему скоро баба придет и придется мне тогда съезжать. — Сергей сплюнул прямо на грязный пол, утер рот кулаком. — У тебя жена, дети, я все понимаю, но мне больше не к кому обратиться.

— Что ты от меня хочешь? — Александр глотнул из грязной рюмки коньяку и поморщился.

— Не знаю, Саня. Но хочу тебе напомнить, что ты у меня в долгу. Это я из-за тебя пятнадцать лет зону топтал. Из-за тебя и из-за бабы твоей, — Сергей отпил пива и громко рыгнул. — У тебя деньги есть, положение, связи, а у меня нет ничего... Делиться надо, братан. Долги надо возвращать.

— Денег на первое время я тебе, допустим, дам. Но это не выход. Тебе же работа нужна, постоянный заработок.

— Заработок! — усмехнулся Сергей. — Знаешь сколько я уже на свободе? Полтора месяца! Ты думаешь, я не искал? Да как только узнают, что я пятнадцать лет отсидел — сразу мне пинок под зад. Обидно... Даже грузчиком или там уборщиком... Бесполезно.

— Но ведь вас там, на Фобосе, учили чему-то. У тебя должна быть какая-то специальность.

— Специальность! — Скривился Сергей. — Руду ковырять и по морде получать, вот моя специальность. Да еще Кучерявый научил меня курс для кораблей прокладывать... Ему штурман был нужен... Сгинул Кучерявый. Транспорт они захватили и кранты им всем

потом... Меня с собой звали, но я не пошел... Нет, я не дурак... — Сергей замолчал, посасывая пиво. Набычился.

Александр понюхал мутный коньяк, но еще раз глотнуть не решился.

— Курс прокладывать? В картах, значит, разбираешься?

— Ну.

— Есть у меня вакансия. Нужен на рудовоз помощник штурмана. Раз в квартал полеты к Фобосу и обратно, маршрут тебе знаком.

— Да ты чего, Сань? — Сергей наклонился к брату. — Там же образование нужно.

— Какое к черту образование! Будешь штурману бумага да карандаш подавать и на грузчиков орать. Триста в неделю, премия за каждый удачный рейс. Отпуск, как и положено, два раза в год... Подлечить только тебя надо, подлатать — я в санаторий путевку достану. А там, медкомиссию пройдешь и вперед.

— Ты серьезно?

— Шутить здесь я не могу.

— Ну, братан, спасибо! — Сергей перегнулся через стол и сжал Александра за плечи. — Век помнить буду! Надо было сразу к тебе идти, а я, дурак, подумал... — Он встал и заорал во всю глотку, подняв могучую руку к самому потолку: — Водки сюда!

Официант в сером фартуке принес бутылку. Братья разлили по стаканам, чокнулись и выпили за встречу.

— Слушай, Саня, — разомлевший Серега перешел на шепот, — все спросить хочу, чего это у вас зеленые ублюдки на каждом шагу торчат? Налетели на своих тарелках. Шагу ступить нельзя, что б не наткнуться. Даже здесь, — он кивнул головой в сторону молчаливой компании за соседним столиком, мирно потягивающей пиво из длинных узких стаканов. — Наплодили ублюдков. Развели зеленых сволочей! — Серега неожиданно взъярился. На губах выступила пена. — К ногтю вас всех надо!! Давить, козлов!!! Всех!!! — он схватил пустую бутылку и швырнул в сторону сгорбленных большеголовых фигур. — ДА Я!!! ВСЕХ ТУТ!!! УБЬЮ!!!

Александр выскочил из-за стола и стал усаживать брата, успокаивать, уговаривать:

— Тихо, Серега, тихо. Я все расскажу. Да успокойся ты! Выслушай!..

Воспользовавшись заминкой, компания зеленых встала и быстро вышла из бара, по пути сказав что-то успокаивающее выдвинувшейся от стойки широкой тени охранника. Тот, соглашаясь, молча кивнул головой и, остановившись, стал внимательно следить за разбушевавшимся клиентом. Серега проводил зеленых бешеным взглядом, минуту играл в гляделки с охранником, а потом как-то сразу сник, увял, позволив брату усадить себя за стол.

— Что ты мне расскажешь? — гулко откашлявшись, спросил он недовольно и, вроде бы, даже жалобно.

— Я не думал, что вам на Фобосе ничего не говорили...

— Что не говорили? — Серега дохлебал последнюю бутылку пива и жадно набросился на салат.

— Ты ведь уже сидел, когда они прилетели?

— Да. Нам по телевизору тогда только эти зеленые рожи и показывали. Что ни новости, то эти зеленые рожи. Нам же кроме этих чертовых новостей смотреть ничего нельзя было.

Александр с неудовольствием глянул на чавкающего брата и тщательно подбирая слова продолжил:

— Они не вступали в контакт. Мы о них тогда ничего не знали... А они вели себя по-хозяйски... Странная получилась ситуация — они для нас были инопланетянами, а мы для них — нет. Совсем недавно все стало ясно... Вам же должны были сообщить на Фобосе, в колонии. Не знаю, почему они этого не сделали. По телевизору же говорили. Странно, что ты не в курсе... Их цивилизация очень старая. Они заселили всю Галактику...

Доев салат, Серега обшарил пьяным взглядом стол и, не найдя больше ничего съестного, откинулся в кресле и осоловело стал слушать брата.

— ... они могут менять себя, свое строение, химию организма, полностью перестраивать обмен веществ. Это свойство заложено в их природе... Так они рассе-

лились по миллионам планет, им незачем искать системы с приемлемыми условиями, они просто перекраивают себя. Перестраиваются под местные условия и заселяют очередную планету. И так дальше. Миллионы лет. По всей Галактике... Они словно мозаика. Вся их цивилизация — это пестрая мозаика, сложенная из миллионов однородных кусочков...

— А на Землю они зачем прилетели? Что этим ублюдкам от нас надо? — Сергея клонило в сон, но он хотел дослушать Александра.

— Ты не понял. Они прилетели к себе. Мы — это они. Человечество — это маленький кусочек мозаики, забывший о своем происхождении. А их появление заставило нас вспомнить. И знаешь, что самое страшное? Они не спрашивают, хотим мы вспомнить или нет... Смотри. — Александр снял пиджак и, расстегнув рубашку, обнажил плечо. — Видишь? — Он ткнул пальцем в расплывшееся по коже зеленое пятно с темными точками вкраплений, похожее на большой кусок болотной тины.

Музыка в баре смолкла и только пьяные призрачные тени, качаясь, ходили среди клубов табачного дыма, вплетая свои голоса в тягучую паутину шума, разрываемую иногда острым звоном стаканов и стуком бильярдных шаров.

Андрей ДАШКОВ

ЧЕЛОВЕК ДОРОГИ

Все началось с крика ворона, сидевшего на придорожном столбе. Но можно сказать и так: все закончилось криком ворона, сидевшего на столбе. Это целиком зависит от точки зрения на то, что считать жизнью и что считать смертью. У Липпи не было никакой точки зрения. Сам он даже не сумел понять, когда был НАСТОЯЩИМ — до или после встречи с черной птицей.

Липпи услышал хрипкое «кар-р!» у себя над головой и ударил по тормозам. Он с детства отличался тонким слухом. С годами его слух стал феноменальным. Иногда он различал, как ангелы перешептываются за спинами обреченных и неизлечимо больных. Его собственный ангел, похоже, был покрыт блестящими перьями, имел крылья, мощный длинный клюв и претовратнейший голос... Но все ангелы разные. Один, которого Липпи увидел во сне, показался ему огромным и похожим на статую Свободы.

В машине был включен магнитофон, и Джеймс Солберг настаивал на том, что его могила еще пуста. Липпи было приятно это слышать. Чего не скажешь о крике, который ржавым шомполом вонзился в чувствительные уши, но не прочистил мозги.

Крик повторился еще дважды, прежде чем Липпи выбрался из «доджа» и утвердился на пыльной дороге, разминая затекшую поясницу. Кожа его старых сапог была похожа на растрескавшийся асфальт. Вокруг них закручивались маленькие желтые смерчи... Стоя посреди пустынной равнины, Липпи вдруг вообразил себя еще одним столбом, подпирающим тяжелое небо, — кроме тех, которые выстроились вдоль дороги. Во всяком случае, на него что-то давило.

Ох уж эта тяжесть на плечах и внутри... Кто может избавить от нее? И чем больше облака набухают закатной кровью, тем тяжелее ноша. Вдобавок поезд ночи мчится навстречу: часы — вагоны, минуты — окна, секунды — темнота в них. В этом поезде едут спящие, у которых где-то есть дом, и благополучно приезжают на станцию «утро»; этот же поезд безжалостно давит тех, кто задержался на переезде...

Липпи посмотрел на длинную вереницу столбов.

Сломанные кресты. Безлюдье. Оборванные провода, по которым уже не потечет ток, неся хорошие новости и ужасные сообщения. Разбитые фонари. Нет света, нет связи, нет призрачных голосов. Место что надо...

Он поднял голову, чтобы увидеть птицу-пророка, прицу-проклятие, птицу-предупреждение. Ворон, сидящий на столбе, черным пятном выделялся на фоне фиолетового неба — гордый, ничейный, потерянный навеки. Символ неутолимой жадности, предлагающий напиться из отравленного источника.

Липпи вдруг ощутил глубокое родство с этим пернатым бродягой, воруящим покой и радость. Ему нравились вороны; ему нравились одичавшие псы и шлюхи, которые отдавались всем и не принадлежали никому. Иногда он и сам чувствовал себя шлюхой, готовой продать душу за доброе слово. Точнее, за нужное слово. За главное слово. За единственно верное, ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ слово...

И вот он услышал слово птицы. Одно короткое слово, которое, слава богу, ничего не значило на обычном человеческом языке.

Ворон разговаривал с ним. Ворону больше не с кем было разговаривать в этой безнадежной пустыне.

Липпи оценил проявленное к нему внимание. Он стоял, задрал голову и затаив дыхание, и слушал свой приговор. Что обещала ему чертова птица? Встречу со смертью на пустой дороге? А лента дороги тянулась за горизонт, и где-то там, за дальним низким холмом...

Что именно? Пропась, в которую он рухнет? Мощный трак, который раздавит его «додж», как яичную скорлупу? Или просто четверо с пистолетами и ножами, которые помогают заблудившимся чудакам вроде Липпи найти кратчайший путь «домой»? Все та же мелодрама. Он отметил в себе неискоренимое желание приукрасить если не прозябание, то хотя бы гибель. Еще бы: кажется, что красиво умереть намного легче...

Не важно. Сейчас имело значение только само пророчество. Минута откровения. Прямой короткий разговор с распорядителем судеб. Оплата — в

кредит или наличным временем. Липпи устраивал любой вариант. Он никогда ни о чем не жалел.

...Ворон замолчал. В сумерках не разглядеть — то ли он уставился на человека, то ли просто чего-то ждал. Молчание было долгим и многозначительным. Вечерняя тишина опускалась с небес, как маска анестезиолога...

— Кар-р-р!!! — заорал Липпи и дико захохотал.

Ворон сорвался со столба и, тяжело взмахивая крыльями, полетел в ту же сторону, куда направлялся Липпи. Старый ворон. И на него давило небо... Минута — и он растаял в сумеречной мгле.

А человек вдруг подумал: что, если среди воронов существует легенда о неприкаянном незнакомце в красной машине, встреча с которым на пустынной дороге предвещает птичью беду и сулит больше чем невнятный намек?

Спустя неопределенное время он сел за руль, включил фары и помчался вперед, вспарывая надежным металлическим снарядом сгушавшуюся темноту.

Холм находился дальше и был выше, чем казалось, и за ним Липпи ждала смерть. Въезжая на вершину, он услышал глухой звук удара какого-то небольшого предмета об радиаторную решетку, а затем по капоту скользнуло черное перо и прилипло к ветровому стеклу. Липпи не стал его убирать. Пусть будет — на память о единственном друге...

Смерть голосовала на обочине. Замерзшая, бледная, изможденная женщина без возраста. Липпи сжалился над ней и остановился. Она села в его машину и с трудом выдавила из себя благодарную улыбку. У нее были тонкие страшные бескровные губы, огромный белый морщинистый лоб Моби Дика и глаза, как сплошные черные шарики...

Липпи предпочел бы более разговорчивую и менее холодную спутницу, но лучше такая, чем никакой. Он дал ей глотнуть водки прямо из горлышка фляги, отхлебнул сам, чтобы согреться, и предложил даме сигарету. Они прикурили от одной спички и стали немного ближе друг другу. Вот только голод... Он не смог утолить ее голод. Ни за этим холмом, ни за следующим...

* * *

Они долго мчались сквозь ночь. Фары бросали вперед снопы света, словно обратные хвосты комет-близнецов, удаляющихся от солнца, которым не дано покинуть свои орбиты. Вокруг — бескрайняя равнина, но дорога одна...

В эфире не было ни голосов, ни музыки — только треск атмосферных разрядов. Когда Липпи

включил магнитофон, из динамиков донесся тихий хруст, будто гусеницы пожирали свежую листву... Он посмотрел на женщину, сидящую рядом, но той было все равно.

Липпи выбрал тишину, которую лишь подчеркивал мерный рокот двигателя и шелест шин, и вскоре время остановилось. Минутная стрелка наручных часов не двигалась. Точно так же замерли стрелки спидометра и указателя уровня бензина. Каким-то невероятным образом Липпи ощутил, что старость вытащила из него свои когти. Стервятники, пожиратели падали, нашли себе другую добычу. Но это не доставило ему радости...

Только воспоминания проделывают фокусы со временем. И даже возможны трюки иллюзионистов. Липпи решил, что попал в зону памяти. Он еще помнил, что когда-то эта дорога была совсем другой. Чистая, оживленная, ярко освещенная даже в самую темную ночь, прямая как стрела. Машина Липпи летела по ней, пронизывая юность и молодость, не останавливаясь на перекрестках порока и не сворачивая на утопавшие в грязи проселки греха. Над нею сияли искусственные фальшивые звезды счастья. Вдоль дороги цвели сады — в их благоухании Липпи отрывался от земли и парил, словно птица. Черная птица... Он ехал с девушкой, которую любил, и, кажется, она отвечала ему взаимностью. С тех пор Липпи усвоил, что с женщинами ни в чем нельзя быть уверенным. Но тогда он не ведал сомнений. Да и скучать не приходилось. Вдоль дороги было множество мотелей: «Надежда», «В счастливый путь», «Уютный уголок», «Вечерняя звезда»... Они останавливались в любом, на выбор, и пили легкое вино, и танцевали под хриплую музыку, и занимались любовью...

Но все прошло.

Время сдвинулось с мертвой точки, и теперь секунды отзывались ударами холодеющего сердца рептилии. Кровь превращалась в битум; в ней увядали и умирали птицы соблазнов...

И был заброшенный мотель под названием «Пустота», а рядом — заправочная станция. Заправщиком работал красивый седой юноша с непроницаемыми глазами. Его звали Агасфер, и по знаку Липпи он залил полный бак первосортной тоски, но не взял за это ни гроша.

Агасфер разговаривал на древнем языке, который Липпи знал очень плохо. Этому языку нигде не учили, мало кто владел им в совершенстве. Пожалуй, отыскать словарь оказалось бы непосильной задачей. Но начиная с некоторого момента, все надписи на дорожных указателях, рекламные щиты

эмиграционных бюро и даже названия баров были выполнены именно на мертвом языке.

Когда Липпи спросил, путаясь в словах: «Сколько миль осталось до утра и скоро ли наступит следующая заправка», Агасфер ответил, что утро не наступит никогда, но если ехать очень-очень долго по трассе отверженных, то в конце концов окажешься в мотеле «Отчаяние». Там некому встречать гостей, нет топлива для машин и даже водки для желающих забыться, а в ваннах, наполненных багровой жидкостью, плавают самоубийцы...

Липпи предложил ему местечко в «додже», но юноша вежливо отказался, сказав, что предпочитает быть провожающим, а не провожаемым. Все равно он понравился Липпи, и они выпили пива, вкус которого давно выдохся и которое тоже ничего не стоило. Бледная женщина тихо ждала в машине. У нее было бесконечное терпение... Потом Агасфер вернулся в темный магазинчик возле заправки и включил старый музыкальный автомат.

Липпи отчалил под звуки знакомой песни. Джеймс Солберг сетовал на то, что его могила пока пуста. Липпи не знал, как ему помочь.

* * *

...С тех пор нет для него ни жизни, ни смерти. Он носится в измерении сумятиц и душевного

холода и является только одиночкам на их пустынных путях. Его стихия — пронзительный ветер, дующий в ночи, и рассветные туманы забвения. Его голос — стылый шепот несбыточных надежд и тщетных обещаний. Он узнал звездные маршруты и песни призраков. Его тень дрожит за струями весенних дождей и мелькает на диске зимней луны. Он ускользает от праздных любителей дешевой романтики и влюбленных парочек, желающих пощекотать друг другу нервы ревностью и намеком на вскрытые вены... Он коварный последний любовник брошенных женщин, и он же — урна для праха разбитых сердец. Безутешных он приглашает принять участие в оргии, и его бледная подруга никого не

разочаровывает. Во всяком случае, еще никто не жаловался... Он странник, продающий саваны и бередящий старые раны. Он разрушает иллюзии и дарит утешение.

Он добрый. Он не хочет кормить смерть, сидящую в его машине, но люди иногда так настойчивы... Да, он добрый. Его доброта — следствие абсолютного безразличия ко всему. Она проистекает из того, что он ни в ком не видит врага, ни от кого не ожидает насмешки, удара или предательства... Он неуловим, но сам ЛОВИТ. Лобовое стекло его «доджа» почти полностью залеплено перьями и чем-то, сильно напоминающим спутанные волосы. Это не мешает ему ездить. Свет и тьма пребудут с ним вовеки.

Порой люди окраины слышат его хриплый крик «кар-р-р!!!» и громкий смех, когда он забавляется, разговаривая с очередным встречным, сидящим на столбе. Люди-невидимки, люди-ничтожества, люди бедствий, люди несчастий, люди фатального невезения считают его своим легендарным поводом, приводящим тех, кто блуждает вслепую, к закономерному концу. Или к началу? Это целиком зависит от точки зрения на то, что есть жизнь и что есть смерть.

А началось все с крика ворона, сидевшего на придорожном столбе...

Андрей ДАЙ

Придут ОНИ...

Посвящается Стивену Кингу

Солнечный луч из-за зарешеченного окна весь день полз по полу белой комнаты и следом за этим пятном путешествовали трое болезненного вида людей. Вместе с ними, по полу перемещался их липкий, сводящий зубы, страх. Холодный, словно могила, ужас переползал за троими, все время держась чуть в стороне от солнечно-рыжего пятна.

Наконец дневное светило, дававшее этим людям хоть какую-то надежду, коснулось брюхом невидимого горизонта, надвигались сумерки. И чем меньше в комнате было света, тем теснее прижимались друг к другу люди и тем ближе придвигался страх.

— Скажите хоть что-нибудь, — простонал самый молодой из людей, когда стало совсем темно. — Не молчите же... Я не могу больше...

— Тихо, — укоризненно прошептал тот, что сидел слева от него. — ОНИ услышат и придут!

— Теперь ОНИ точно придут, — хладнокровно заметил третий. — ОНИ всегда приходят по ночам.

— Ну сделайте же что-нибудь, — воскликнул молодой в полном отчаянии. — Нельзя же просто сидеть и ждать ИХ.

— ОНИ всегда приходят, — еще раз напомнил третий и зябко передернул плечами.

— Если мы будем сидеть тихо, ОНИ могут и не придти, — назидательно прошептал левый и все притихли.

Тьма вокруг сгущалась. Тени, чернее ночи, лезли из угла в угол, сторонясь сжавшихся у стены людей. Где-то за пределами комнаты, капли воды, одна за другой, с размеренностью приближающихся шагов смерти звонко разбивались о что-то металлическое, гулкое. Скрипы, шорохи и неведомо чьи страдальческие вздохи наполнили комнату.

Вдруг молодой почувствовал, как чужая холодная, влажная рука ползет по его шее и судорожно впивается в плечо. Первую секунду он сидел тихо, но потом страх, предчувствие неизбежного, рвануло его голосовые связки и, сначала хрипло, потом все пронзительнее и чище, молодой закричал.

— Ну, ну, — попробовал его успокоить третий. — Это я. Это моя рука...

— Он совсем плох..., — удрученно проговорил левый. — Что же будет, когда ОНИ придут?!

Крик молодого оборвался и перешел в приглушенное всхлипывание.

— Ну, ну, — продолжал успокаивать третий, — все хорошо. ОНИ могут и не прийти сегодня... Может быть ты ИМ сегодня не нужен.

— ОНИ придут! — яростно закричал теперь уже левый. — ОНИ приходят всегда! Стоит перестать ИХ ждать, а ОНИ тут как тут!

Его голос метался по темным углам еще секунду после того, как он замолчал.

— Ну зачем ты так, — тихо сказал третий. — Ему же страшно...

— А мне не страшно? — просипел левый. — Я...

— Всем страшно, — мрачно согласился третий.

— Ну сделайте что-нибудь, — нерешительно пискнул молодой, — так же нельзя...

— ОНИ идут! — вскричал третий с дрожью в голосе и закрыл голову руками.

Молодой тихонько заскулил, чуть громче и более низко ему вторил вой левого. Третьего трясло, но он сжал зубы и из-за них не вырвалось ни звука. Под аккомпанимент почти звериного стога — вой из-за двери раздавались грубые и нереально чужие шаги.

Вспыхнул свет. Толстая дверь отворилась и в белой комнате появились две высокие фигуры.

— Нет, только не молодого, — принялся жалобно упрашивать третий. — Его ненужно, он еще так молод...

***

— Чего они так всегда боятся? — спросил один, когда они вышли и отдали пустые шприцы медсестре.

— Кто их поймет, — отозвался второй санитар. — Одно слово — психи!

В белой комнате мирно спали трое сумашедших. Страх там больше не было.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	60
Светлана ПАШКОВА «Сумасшедший асфальтовый каток»	61
Светлана КУЛЕШОВА «Наша «Ходжа» (окончание)	65
Николай АВДЕЕВ «Тайна Ибрагимовского шурале»	70
Павел СМОЛИН «Памирский дневник» (продолжение)	73
Сергей КОНДРАШИН «Скала «Писаница». Первое погружение»	77

Зима нынче на удивление теплая. Не успели нас немножко морозы испугать - как в слякоти на дорогах они уже забыты нами, будто и не было их. Февраль, который мы воспринимаем в согласии с запомнившимися всем стихотворными строками «Дуют ветры в феврале, Воют в трубах громко», увы, оказался на редкость благодушным и теплым. Естественно, что жажда к перемене мест охватила многих уральцев, и они решили показать себя, кто во что горазд.

Из редакционной папки февраля мы отобрали для вас много интересного. Предлагаем вам записки роллера-сверхдальнобойщика из Екатеринбурга Георгия Пахомова, который измерил своими роликами Германию, совершив пробег, посвященный объединению этой страны. Об уральском лесном человеке рассказывает Николай Авдеев. Полагаем, что тайна Ибрагимовского шурале заинтересует многих из вас. Путешествие по Памиру на собаках продолжает Павел Смолин, а Светлана Кулешова заканчивает рассказ о пещере Фестивальной.

«Встречный ветер» желает всем тем, кому трудно усидеть на месте, новых, дальних и увлекательных дорог! А также предлагает вам присоединиться к нашей компании и присылать в «Уральский следопыт» свои рассказы и заметки о тех приключениях, которые произошли с вами и вашими друзьями. Не забудьте приложить к ним фотографии.

Ждем ваших писем!

В первой половине января состоялась международная спелеоподводная экспедиция в район Большого Сочи. В связи с очень тяжелыми метеоусловиями - обильными осадками, которые повлекли за собой очень высокий уровень воды в пещере - ныряние в основной объект, подземную Хосту, не состоялось, хотя именно там в прошлом году аквалангистами была достигнута рекордная для России глубина - 85 метров. После ознакомления с ситуацией, из 5 источников был выбран Глубокий Яр. Эта пещера находится в 30 км. от Адлера, на склоне горы Дзыхра (по дороге на Красную Поляну).

В результате состоявшейся экспедиции в четвертом сифоне было сделано первопрохождение длиной 300 и глубиной 73 метра. Глубинные погружения осуществлялись на Тримиксе - гелиево-азотно-кислородной смеси.

В экспедиции приняли участие почти все сильнейшие спелеоподводники Москвы, а также ребята из Архангельска, Ростова, Челябинска. На погружение приехал и известный английский спелеоподводник Фал Шот.

В январе этого года, после 8-летнего перерыва, возобновились спелеоподводные исследования в пещере Ш-Таш (Каповой). 12 января два спелеоподводника из Москвы - Андрей Шечейко и Владимир Ермолаев - в Привходовом озере достигли глубины 36 метров.

В начале февраля уже более подготовленная экспедиция с участниками из Москвы, Архангельска и Челябинска, продолжила начатые ранее работы. Во входовом озере Алексеем Решетняком достигнута глубина 49 метров, а в дальней части, вверх по реке Андрей Шумейко и Михаил Некрасов прошли 3 сифона, уже пройденные в 91-93 гг. Владимиром Киселевым.

Попытка попасть в пещеру сверху, в том месте, где ручей Шульган уходит под землю через пещеру Ожигановская, окончилась неудачей - ход был перекрыт льдом. Летняя экспедиция (первая российская, прошедшая на тримиксе) дала глубину 65 метров. Ход продолжается круто вниз. Следующим летом работы будут продолжены.

Светлана ПАШКОВА, г. Екатеринбург

СУМАСШЕДШИЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КАТОК,

или «Роллеровские письма издалека»

Письма издалека бывают разные. Например Радищев написал «Пушествие из Петербурга в Москву». Был Афанасий Никитин, который написал «Хождение за три моря», а еще есть — «Роллеровские письма издалека». Только их еще никто не публиковал. Вот и вся разница.

21 июня, в 0:07 по московскому времени, завершился первый в мире пробег на роликах через всю Германию Роллер-сверхдальнобойщик из Екатеринбурга Георгий Пахомов достиг восточной границы страны: города Франкфурт-на-Одере.

Пробег посвящен десятилетию объединения Германии. Этот невероятно напряженный и драматичный поединок с дорогой длился пять дней.

За плечами Георгия осталось около 790 километров, пройденных на роликах. Кельн, Золинген, Дортмунд, Потсдам, Бранденбург и Берлин — вот лишь некоторые города Германии, в которых «Crazy Roller» (так Георгия прозвали сами немцы) побывал за это время. Кстати, в Германии это выражение означает ни что иное, как «сумасшедший асфальтовый каток»!

Итак, слово автору (чтобы было понятнее — письма были написаны одной девушке, которая тоже катается на роликах).

Наши в Германии!

Начало

Пишу без приветствий, как будто мы и не расставались. Не хочется, чтобы получилось какое-нибудь техническое описание маршрута, пусть будет беседа: слегка нелогичная, чуть авантюрно-смешная, но обязательно приключенческо-познавательная!

Да, я же не сказал, где пишу — пишу в Германии, Кельн. Этакие «роллеровские письма издалека». Вот и на-

звание для нашей беседы придумал.

Почему именно Германия? Имеется строго рациональный ответ на этот вопрос: идея пересечь Германию на роликах родилась после успешного завершения сверхмарафонского пробега Урал-Роллер 2000, во время которого пройдена на роликах дистанция в 210 км Екатеринбург — Челябинск за 13 часов. Основная трудность пробега — отвратительное качество дорожного покрытия, (кое-где приходилось буквально идти пешком в роликах) — заставила задуматься над поиском более благоприятных мест для будущих проектов.

Итак, я здесь и сейчас (Кельн, 16.06), помнишь у Сартра в «Тошноте» — «совершенные мгновения»? Это когда как будто то просыпаешься и очень остро понимаешь, что ты «здесь и сейчас». Меня вот только сейчас «достало» (хотя я третий день в Германии) это чувство — что я «здесь и сейчас».

Ранее

Мое первое знакомство с Inline (т.е. однорядными) роликами состоялось давно. В далеком 1986 году, демобилизовавшись из РВСН (ракетные войска стратегического назначения), я разъезжал по прибалтийским республикам с подсознательным стремлением выхода из несколько одичавшего за 2 года в прикаспийских полупустынях самосостояния. Замечу (испросив извинения у тех читателей, кто это и без меня прекрасно знает), что в те времена Прибалтика не была за границей (хотя что-то заграничное в ней всегда было). Кроме пива, рижского взморья, музеев, Домского собора и прочих приятных вещей, мое неокрепшее после армии воображение было поражено «ботинками на колесиках» — однорядными роликами, на которых тамошние тинэйджеры шустро раскатывали по улицам и площадям. Возвратившись в (тогда еще) Свердловск я, не мудрствуя лукаво, приобрел рамы с резиновыми роликами, которые, будучи прикрепленными к ботинкам, служили для летних тренировок конькобежцев. Рамы были модернизированы и привинчены к (приличным для того времени) хоккейным ботинкам «Salvo». И хотя достаточно многочисленными попытки передвижения по городу встречали однозначно трактуемые выражения сомнения в моей умственной дееспособности (типа кручение пальца у виска), первые однорядные ролики (а свое творение я таковыми и считаю) в Свердловске появились благодаря моим стараниям. Однако нововведение не укоренилось на уральской почве — во многом благодаря ужасным ходовым качествам упомянутых роликов (как на них наши чемпионы тренировались?). Следующие ролики я купил уже в 1999 году и, освоив технику торможения, разворотов и преодоления препятствий, начал покорение городских улиц. На первых порах было трудно избавиться от некоторого смущения: такой взрослый дядька, а туда же...

После некоторой тренировки моя скорость движения по хорошему покрытию (не под горку) просто поражала воображение — 30 км/ч. При этом особенно не упираясь! К лету 2000 года я достаточно обнаглел и во всю гонял по городским и пригородным автомагистралям, показывая повороты, перестраиваясь из ряда в ряд, т.е. старался втереться в число законных участников дорожного движения. Отношение водителей к моему присутствию на проезжей части менялось обратно росту уверенности моих передвижений: от резко негативного (грозные гудки, прижимание к обочине, идиоматические выражения) к удивленно-восторженному.

Но сделаю еще одну попытку вернуться к хронологическому порядку повествования (логичес-

кого у меня все равно не получается). Весна на Урале в этом году (впрочем, как и всегда) поздняя случилась. В конце апреля опять установился снежный покров. На ролики встал только в мае. Из-за своей безалаберности, организационную подготовку к проекту, так же начал поздно. Но к моменту отъезда в Москву (10.06), все формальности удалось преодолеть, найти спонсоров, договориться с ТАУ о создании спецпроекта, Россия-Он-Лайн согласилась опубликовать экспресс репортажи о прохождении трассы, и т.д. За месяц тренировок вогнал себя в очень приличную форму.

Германия. 2001 год. Июнь месяц.

16.06.01

Старт назначен на 13.00, субботу. Город Ахен, граница с Нидерландами, самый центр старого города, площадь перед ратушей. Бульжная мостовая, какой-то праздник, рок-банда, интервью, фотографирование. Трудно ездить по бульжникам, но в Германии даже это возможно. Не верится, что все это было сегодня. Первый день (полдня?) пути.

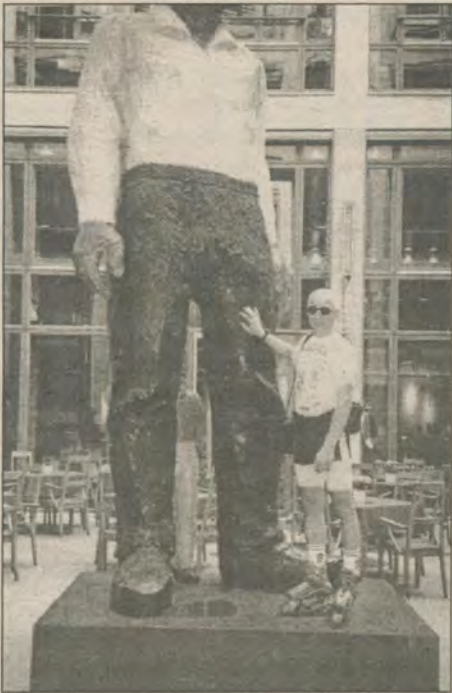
Выбраться из города оказалось не так просто, как думалось. Центр Ахена, как и многих старинных городов Германии, расположен на холме (оборонять было легче) и весь вымощен бульжником. О бульжных дорогах я расскажу позже, когда доберемся до Восточной Германии. Ну а пока: я маневрирую вниз по крутой горке, пробираюсь между многочисленными гуляющими, бульжниками, автомобилями и пешеходными переходами. Кстати, о переходах. Для того чтобы перейти дорогу, пешеход должен нажать специальную кнопку, и зеленый человечек загорится — нет, не сразу, а когда будет благоприятная дорожная обстановка, т.е. когда поток авто уменьшится (как они это делают?). Но уж если вступил, то опасаться нечего. Человек, равно как и велосипедист и даже роллер, на «зебре» — святое, а «зебры» на каждом перекрестке размечены.

Прошу извинить за некоторую сумбурность повествования — боюсь упустить важные детали, всплывающие по свежим впечатлениям.

Как ты уже знаешь, я нашел лучшие карты, которые можно придумать для такого путешествия. Однако непривычность (плохая запоминаемость?) немецких названий и пренебрежение компасом, что в условиях облачной погоды непростительно, при первой же возможности завели меня в противоположную сторону от намеченного направления.

Откорректировал маршрут и, миновав Дюрен, стоящий в верховьях известной реки Рур, по кратчайшей дороге (№ 264) устремился в Кельн. Остановок почти не делал — только для ориентировки;

Вот с кем можно сфотографироваться!

и, невзирая на ~40 километровый крюк, ворвался в центр Кельна к 20 часам. Но тут меня подстерегала совершенно неожиданная проблема: я потерялся! Вернее, мы со Светой Шнайдер (именно на ее хрупкие плечи легла нелегкая задача по сопровождению и видеосъемке пробега) больше часа не могли найти друг друга в центре Кельна — и это при том, что были и карта города, и мобильные телефоны! По этой причине опоздали в кемпинг. На будущее решили назначать место встречи при въезде в город. При всем обилии дорожных указателей, ориентироваться в крупных городах очень сложно. Если нет особой необходимости, лучше объезжать мегаполисы окружными дорогами.

17.06.

Переночевав в кемпинге и сделав утреннюю разминку, отправились в небольшую экскурсию по Кельну. Кельнский собор потрясает своей величественной громадностью! Не удержался от соблазна и просочился на роликах внутрь собора. Здесь идет торжественная месса, орган, хор — все как полагается. Внутри собор кажется еще грандиозней: сводчатые потолки трудно различимы невооруженным глазом. Выбравшись из собора, еще немного покатался по центру — и в путь! Промежуточная цель — Дортмунд.

От Кельна маршрут резко отклоняется к севе-

ру, огибая гористую местность BERGISCHES LAND. Пошел дождь. Проезжаю город Solingen, известный своим заводом по производству ножей, ножниц и прочих колюще-режущих инструментов. На самом деле фирма называется «Zwillinge», что значит — «близнецы». Вот, оказывается, как переводится фамилия уральского революционера Цвиллинга!

Solingen, Wuppertal, Hagen. Дождь продолжается. Местность, как назло, изрядно гористая, но уходить дальше на север уже никак невозможно. Одежда больше не намокает, но и не высыхает — короче, находится в состоянии динамического равновесия с окружающей средой. Громадные грузовики, пронсящие рядом и обдающие облаками брызг, вносят в него свою лепту.

Дортмунд. Ура, дождь закончился! Решено доехать до центра, посмотреть на город. Да и пообедать в цивилизных условиях не помешает (где-то вечером окажемся?).

Находим маленький ресторанчик, специализирующийся на национальных блюдах; и, пока ждем заказ, я ставлю Свету на ролики. Зрелище не для слабонервных! Обошлось без травм — только стул слегка поломали. Принесли заказ. Это что-то особенное! И хотя я стараюсь есть нечасто, но зато помногу, доест порцию оказался не в силах. Света сказала, что здесь в порядке вещей брать с собой недоеденное. Так и сделали.

18.06

Равнинная дорога №1 (я с ней не расстанусь до самого Потсдама). Проезжаю через Erwitte, Geseke, Salzkotten, Paderborn — старинные городки, похожие друг на друга как две капли воды. На одном из участков снимаем постановочный эпизод с показательным падением. Если падать, так уж не на асфальт. Самоотверженно, на полном ходу, вылетаю на обочину и беспорядочно кувыркаюсь в густой траве. Черт! Опять заболело травмированное плечо. Ну, хорошо хоть эпизод удался — а то дубль я бы не выдержал.

Город Hameln известен благодаря старинной сказке об уничтожении крыс посредством волшебной дудочки. На въезде в город встречаемся со Светой. Ее экстравагантный микроавтобус (кстати, мой ровесник) уже давно стоит рядом с местной заправкой, вызывая любопытство у местных обитателей. На вопрос о том, кого она ждет, Света опрометчиво сказала правду, и реакция была однозначной, типа: ну-ну, слышали мы шутки и получше! И тут появляюсь я, на роликах, мокрый, с российско-немецкими флажками за спиной, надписями «Через всю Германию», «Десятилетие объе-

динения посвящается», ссадины на руках и ногах. Удивление сменяется возмущением — ему если не в морг, то хотя бы в больницу надо, а она заставляет парня по трассам убиваться! Попытки Светы объяснить, что травмы получены на пожаре, понимания тем более не встретили. После этого эпизода Света решила больше не откровенничать.

19.06

Дождь закончился! Все та же дорога № 1, изрядно петляя. Я шел на скорости ~30 км/ч по замечательным пустынным дорогам, среди полей, лесных массивов, пролетал через маленькие селения, где порой не встретишь ни одного человека. Восторг — вот как это называется!

В Магдебург приехал достаточно рано, еще не было и 18 часов. Тем лучше, есть время осмотреть город. Магдебург — столица земли Саксония-Анхальт (первая столица на моем пути).

20.06

Раннее утро последнего дня пробега. На небе ни облачка, денек обещает быть жарким! Завтрак готовится прямо в микроавтобусе, там есть газовая плита. Недолгие сборы. В путь!

Маршрут последнего дня проложен так, чтобы идти по второстепенным дорогам и не проезжать сквозь крупные города. Северной останутся: Бранденбург, Потсдам, Берлин. Моя цель сегодня — Франкфурт на Одере, а до него около 200 км. Ну, а завтра буду я катать по Берлину. Классический лозунг Берлина: «Берлин стоит поездки и даже большего!» полностью оправдывает себя; но об этом — отдельный рассказ.

Не обошлось без приключений. После городка Wollin обозначена дорога до местечка Lucksfleis. Километра через 3 асфальт кончился... Обратный крюк выливался километров в 30, и я, сняв ролики, побежал босиком по обычной проселочной дороге, которая в скором времени благополучно затерялась в полях. Пришлось достать компас и применить свои навыки в ориентировании на местности. Через некоторое время я наткнулся на старую танковую дорогу, идущую в нужном направлении, и километров через 10 выбежал на окраину Lucksfleis. Не знаю, был ли я похож на авангард русских войск (я с дуру ляпнул что-то по-русски), но встреченный мною бюргер, видимо, изрядно напугался. Ситуацию спасла чуть ли не единственная немецкая фраза, которую я знал — Guten Tag. Когда она возымела успокаивающее действие, я перешел на английский. Название ближайшего города Lehnin (Ленин!) он понял и облегченно махнул рукой в нужном направлении. В городе Lehnin

на вопрос о повороте на Потсдам мне посоветовали подождать автобус, т.к. до поворота аж 3 км! Собрав в кучу мои познания немецкого, я выдал — Ich fahre aus Aachen (я еду из Ахена), чем поставил собеседника в тупик. Он не нашелся, что ответить, и лишь долго качал головой.

Более ничего экстраординарного не произошло — если не считать, что обгорел на солнце изрядно и приобрел характерный «огородный» загар. Итак, я финишировал во Франкфурте на Одере, преодолев 788 (±10) км к 22 часам 20 июня 2001 года. Традиционная бутылка шампанского, поздравления, снимок на память... Как-то буднично, незаметно, кончилась трасса. Завтра в Берлин, а пока — спать, спать.....

Когда мы готовили этот текст к печати, автор «Роллеровских писем издалека» Георгий Пахомов в составе экспедиции «Сотый Меридиан» выезжал на велосипеде из Куал-Лумпура — столицы Малайзии и направлял свои стопы дальше — в Тибет. Далее его ждали 1000 километров Китая, пустыня Гоби, Таймыр — до самого Северного Ледовитого океана. 10 месяцев пути, 7000 километров от крайней южной до крайней северной точки Евразии. Мы не знаем, но быть может он опять пишет письма — но уже под другим названием и совсем из другой части света.

Одним словом, продолжение следует....

Я - Георгий Пахомов. Приветствую вас!

Светлана КУЛЕШОВА

Наша «Ходжа»

(окончание)

Ночевка у входа в Фестивальную оказалась незабываемой по двум причинам:

1) Жаков ХРАПИТ! Денис полночи сражался за тишину в палатке, то щекоча ему усы (по совету уже опытной в этих делах Ульяны), то просто затыкая ему нос, что тому не нравилось чрезвычайно.

2) Из палатки открывался обалденный вид: под ногами звезды и горы. А утром (часов в 7) ярко светило солнце, согревая всех. Снег таял, минуя промежуточную фазу: сразу превращался в пар.

Про мышь

Рядом со входом в Фестивальную живет классная мышь-скалолазка. Она быстро передвигается по вертикальной стене и совсем никого не боится. Женя пытался убить ее камнем, но это серое толстое создание так очаровало его, что вместо этого он отдал ей целый кусок драгоценной смеси. Всю ночь она шуровала на кухне, пробуя все продукты — но никто не был против, так как она стала уже совсем родной и почти любимой.

(Дальше следует кусок Лешкиного дневника, написанный в Фестивальной. — Прим. ред.)

15 сентября 1998 г. 11.50

Вся хитрость в том, что я сейчас сижу в Лабиринтовом районе Фестивальной. Глубина 300 метров. Пришли мы сюда вчера с Анечкой, принесли спасфонд для поднятия Кнопы. Анечка с Жаковым ушла, я остался в лагере пермяков. Вечером сходили с Ульяной и Димой, снимали кино. Должно получиться. Потом посмотрим.

Ночью спали впятером. Тесновато, но хоть тепло. Короче, с собой в ПБЛ обязательно надо брать шапку, сухие носки, особенно шерстяные, и пуховку. Где-то через полчаса начнется выход Кнопы.

Мы с Улькой — ходячая кухня — в авангарде траурной процессии.

Сейчас Серега Колоколов вешает спасверевки. Меня уже сильно пинают. Сейчас выходим.

16 сентября 1998 г.

Опять в том же лагере, в Лабиринтовом. Вчера днем дотасили Кнопу до середины пещеры. Четыре человека вернулись за базой: я, Гоша, Стас, Кот. Сейчас выходим. Здесь забазировали: две кухни, тарелки, еда

на полный рацион на четыре дня на четверых человек, две пенки, комбез.

Говорят, в Юго-Западном и на Натееке есть палатка и куча еды. Туда идти из грота под колодцем вверх по кабелю. Холодно. Со вчерашнего вечера жрем. В основном конфеты, изюм, халву, шоколад, печенье, чай. Пили кофе. Жарили сало и тушенку. Море жратвы. Ну все, пора идти, сейчас полезем по колодцам. Вчера, кстати, на этих колодцах мне слегка поплохело. Сердечко застучало. Сегодня полезу не торопясь. Мы снимаем навески и последними уходим из пещеры. Сегодня выходили на связь со входом (Жаков) и Сифонной (Женя). Они там у входа готовят лагерь и перебазируются на Седло.

17 сентября 1998 г., 1.00

Все еще идем. Как вот вышли из Лабиринтового. Где-то в 15.30 подошли к уфимскому лагерю. К нашему огромному разочарованию, Кнопка был еще там. Оказалось, они проспали до 13.00. Вот! Мы встали (я встал) в 8.50 варить завтрак, остальные — в 9.30-10.00; и то нам стыдно было, что долго спали.

В общем, в Уфимском лагере попили чай (там Кнопка, Колоколов, Уля, потом с навесок подошли Пластинин с Утей. Еще часа полтора тащились до второго лагеря под семью уступами, под самым первым (мы, кстати, тащили от самого Лабиринтового 7 мешков + восьмой, заполненный снятыми веревками). В лагере наспех пообедали. Подошли Женя с Анечкой и Жаковым — свеженькие, сверху. Пока одевались, услышали грохот снизу — Кнопку тащат.

Тут началась жуткая суматоха. Люди сверху — тащить. Наверх — делать навески, сверху — несут мешки, которые унесли по ошибке, наверх — все мешки.

У нас Стас с Котом пошли колотить навески на колодцах. Мы с Гошей потащили мешки, по ходу дела нас обогнали Пластинин с Леней и еще с кем-то — с мешками. Тут еще Гоша уронил вниз меандра транс, полчаса еще за ним ползали. В результате на колодцах (уже двух последних) мы догнали Пластинина, а нас догнали Аня, Женя, Жаков. И мы дошли до Стаса с Котом. Те — как колотились, так и колотятся дальше. Дальше до входа мы впятером тащили, как оказалось, 14 мешков. Где-то передавали, в самом конце челноком. Ну вот, собственно, и все.

Я сижу в пяти минутах от выхода (или входа?),

Начало в № 12 за 2002 год

Стена Хаджа-Гур-Гур-Ата («Отец всех святых»)

жду, пока уляжется все это за Анечкой, потом за Женей — потому и схватился писать. Снизу вроде бы доносится какой-то грохот. Но для Кнопы с компанией рановато. Наверху, перед входом — Аня, Женя, Гоша и Денис. Две палатки. Сперва мы хотели как выйдем — идти до седла спать. Но теперь передумали. Кнопу до рассвета вряд ли выведут (4 часа), а посветлу всяко легче. Так что сейчас вывалюсь на свет, так сказать, Божий, и засну до рассвета. Или до Кнопы. Мыши пищат летучие на стенах, ушастые, зубастые. Холодно долго сидеть. Все давно улеглось. Пополз я.

18 сентября 1998 г. (Ульяна)

Ну вот, наша экспедиция подходит к концу. Спасработы закончились успешно, со стороны небес жест благосклонный. Выброска из пещеры состоялась удивительно быстро, еще только вчера все ПБЛ были под землей, а сегодня все выпали, вывалились, выскочили из Фестивальной. И Кнопа («монстр российской спелеологии») почти выбежал из дыры. За Кнопой по пятам шел Серега и ласково так спрашивал:

— Что, Кнопа, Васю хочешь увидеть?

— Ага, — грустно отвечал Кнопа

— А укольчик хочешь? — еще нежнее спрашивал Серега, а Кнопа только давал ходу.

Около двух часов ночи перед входом в Фестивальную можно было видеть забавную картинку: что-то

среднее между цыганским табором и передвижным госпиталем. Вываливаясь из пещеры, люди просто-напросто забывали снять каски, выключить свет. Над нами черное манящее небо и столько звезд, что, кажется, под их тяжестью небо рухнет. Некоторые, более привычные и опытные люди, пили чай; другие, к числу которых отношусь и я, стояли, открыв рот, иногда восхищенно охая и неотрывно глядя на небо. Потом мы стали понемногу приходить в себя. Утро вечера мудренее. Кто-то уже ложится спать, Кнопа с группой сопровождения, в составе которой Димка и Серега Колоколов, забираются в палатку, остальные ложатся прямо под открытым небом. Наблюдается восход месяца, и из спальников начинает доноситься здоровый детский смех. Так продолжается около 2-х, 3-х, 4-х часов: видимо, снимается нервное напряжение, у всех оно было во время спасов. В 7 утра из-за горы Чульбаир выползает солнце. «Сначала маленький краешек освещает маленький камешек», через полчаса уже невозможно лежать на солнце, так сильно припекает. Невозможно долго тянутся сборы. Спускаемся. Седло. Самый сложный переход седло — Арча. Ноги дрожат, камни из-под ног сыпятся в горную речку. Все дальше и дальше остается Клюв. Теряем высоту метр за метром. Вот и последний поворот, до заветной Арчи несколько сот метров. Больше всего я сейчас

Священный источник: мы здесь такие маленькие и незаметные...

напоминаю себе ослика. Мысли в этот момент голову покидают.

Про связь (без брака) (Анька)

Связь наша была разнообразной, а связист практически героем. Между собой разговаривали все лагерь, но иногда создавалось впечатление, что Денис пытается из Сифонной без телефона докричаться до Фестивальной. После многократного «Жаакоов!!!» лабиринт откликнулся, и тут начиналась игра в глухие телефоны: ПБЛы отвечали на какие-то совсем другие вопросы, которые им либо слышались, либо рождались в голове в процессе разговора. (Кстати говоря, вопль «Жаакоов!!!» в конце концов стал традиционным. Было принято звать его во всех дырах и шкурниках пещер, а также проходя мимо входа в Фестивальную, и по утрам у выхода из Сифонной. Может, отзовется?).

Денис по утрам выкапывал рацию из под снега, а потом, наглотавшись валерьянки и валидола, под ужасными камнепадами выходил на связь и орал хорошо поставленным голосом Левитана всякие новости и вопросы в кругленькую штучку (ОМ).

В ПБЛ все было проще. Если связь не работала, периодически (когда палатки стояли рядом) связь была голосовая. Мало того, они ходили друг к другу в гости пить спирт и чай.

Кнопка (уже после его волшебного спасения)

SOS!!! SOS!!! Кончился СПИРТ — это конец. Сегодня после бани пили лосьон!!! Завтра будем пить шам-

пунь, послезавтра бензин. А выпить очень хочется! Начинаю приходить в себя после травмы, но реабилитация затруднена отсутствием СПИРТА. Прямо-таки депрессия (может, я — алкоголик?). По-прежнему не проходит чувство вины перед другими участниками экспедиции. И у других (особенно у руководства) мины кислые и постные — думаю, по вышеперечисленным причинам. Хотя, впрочем, все хорошо (особенно с сегодняшнего дня). Ощущать себя — это, я скажу, очень приятно. Осталось еще пару теток с двух сторон в спальник — но жестокая реальность опускает на землю, так что придется обойтись Димой и Денисом. Они, по крайней мере, не храпят, как Жаков. Храп Жакова напоминает скрип старого дивана, на котором медленно-медленно ворочаются пьяные пенсионеры. Слава богу, в ПБЛе он спал в другом конце палатки.

В баню сегодня пошли с последней партией. Нет, не подумайте, что есть претензии — ни в коем случае, все было очень хорошо: и жар, и новый каркас, и сидения! Спасибо банщикам! Одно было плохо — ни хрена не видно (был уже вечер), т.е. темно и холодно. Поэтому мойка, после теплой парилки, напоминала пытку генерала Карбышева. А силуэты голых мужиков — сильно заплесневевшие ходячие трупы, случайно избежавшие кремации. На этом и заканчиваю повествование об очередном дне нашего пребывания на «Высокогорном курорте». Впереди еще один день от-

дыха (без спиртного).

Высокогорный курорт под Арчой — прямой репортаж, как будто что по радио (Света)

Подходят к концу вторые сутки пребывания нашей команды под Арчой. Сегодня 19 сентября, около пяти ночи. Часть людей спит, голоса остальных вы слышите. Справа Леня рассказывает Ульяне про Хамар-Дабан, слева засела группа вистующих. Митя закрыт, Гоша в прикупе, Кома — 12 вистов, что с Пластининым — я прослушала. Кстати, он единственный играет без каски, налобник прямо поверх кепки. Видимо, профессионал: канделябров не боится. Вообще, выглядит это замечательно. Горы грязной посуды, букет местных цветов, часть стола расчищена и закрыта куском розовой пенки, которая придавлена камнями — это карточный столик. Его освещает ациленка, но в свои карты игроки смотрят при помощи второго света. В остальном все как в пенсионерском пансионате. Мы с Анькой с утра лениво дошли до водопада, искупались, пофотографировались, к обеду вернулись, до ужина проспали. Остальные большую часть времени лениво перетекают с места на место. У одной палатки (или уже палаты?) потусуются, у другой; на разведку до кухни сходят, потом водные процедуры и солнечные ванны... Главный инвалид (катастрофический мэн Кнопа) — в роли главного балагура. Трех отдыхающих утомил режим, и они ушли на повторную экскурсию в Учительскую. С целью видеосъемки. Пропустили завтрак и обед. Женя с Лехой сейчас спят, а Леня рядом, рассказывает, как хорошо сходили и что на Чульбаире снег.

А здесь снега нет, температура плюсовая, звезды, легкий ветерок. Ульяна досмотрела фотографии, до конца пули еще не меньше часа, впереди охота на фаланг — традиционное ночное развлечение. Вчерашняя охота прошла неудачно: кроме двух каракуртов, никого поймать не удалось (*на этот раз фаланг и скорпионов тоже не было — прим. ред.*)

Про туалеты... (Света)

Конечно, туалет — это дело сугубо интимное, но в нашем коллективе чем дальше, тем меньше внимания обращается на эту условность. Кроме того, наши туалеты просто невозможно обойти вниманием. Но лучше по порядку.

1) Туалет в поезде просто ужасный. Просто без зеркала, бумаги, чистоты и возможности закрыться изнутри. Кроме того, под дверью всегда была нетерпеливая толпа. Но это все мелочи и лишь подготовка к дальнейшему экстриму. Точнее, 1-ый ее этап.

2) Второй этап объединяет туалет в Байсуне и сортир на базаре в не-помню-каком-городе. В сортире из отверстия в полу выглядывала жирная и не в меру любопытная крыса, а в туалете Зара (в Байсуне) не было света — зато жил баран, достаточно взрослый и активный; кроме того, чтобы проникнуть туда, нужно было перелезть через забор.

3) Потом была Арча, где укромных мест не так, чтоб много, а желания уходить куда-то вдаль ни у кого нет. Однажды я, Анька и Ульяна долго мостились под Арчой в непосредственной близости к умывалке. В конце концов Анька оступилась, и вниз сошли: небольшой камнепад, часть вещей и уже, к счастью, одетая Анька. Мужики даже умываться перестали от неожиданности.

4) Это, видимо, апогей туалетного экстремизма. Сортир с тремя перестежками. От входа Сифонной за угол, по сыпуче уходила веревка, а первое время еще и каска висела — потому что камешки-то сверху летели. Вслед уходящему неслись шуточки, типа: «Жумаром работай, концом пристрахуйся», и т.д. А Анька первое время все возмущалась, что из туалета слишком хороший вид, просто запах установился, склероз убивающий.

5) Чтобы сходить в туалет из ПБЛа Юбилейной, нужно было спуститься 4 метра по-спортивному, а потом еще идти вдаль по полочке. А возвращение без жумара было невозможно. Хорошо, что стояли мы там недолго.

6) Туалет на седле Фестивальной делился на М и Ж. У мужчин это называлось «взметнуться к яру» (говорят, еще с прошлых экспедиций осталось). «Ж» было «за перегибом». Высоту набирать не нужно, но идти достаточно далеко. Даже стихотворение родилось: «Я пойду за перегиб Может встретится талиб...» (заодно и покаю).

Ну вот, и все, пожалуй. Человек ко всему привыкает. Талибов не встретили ни разу, а в туалет у Сифонной последние дни не держась за веревку ходили. Даже удивлялись, зачем она вообще тут повешена.

Р.5. Мы уже в Ташкенте — цивилизация: много русских, девушки в коротких юбках по улицам ходят, горячая вода, живем в доме. Но туалет, в наших лучших традициях, с «особенностью» — достаточно, впрочем, безобидной. При входе в него непременно нужно выключить свет. Иначе (особенно вечером) срабатывает эффект аквариума: дверь-то в сортире стеклянная и выходит прямо во дворик, где меньше пяти человек практически никогда не бывает. Но это все мелочи, по сравнению с тем, что нам пришлось пережить.

Ну, если в начале был пролог, то сейчас, про всей видимости начинается

Эпилог

Ну то, что обычно пишется в конце дневников. Подем туда-сюда, откопаем кучу пещер. Тем же составом. Все воротимся. Ну и так далее. В общем все, что вы тут ждали прочитать. В эпилоге. А нам тут вообще спать хочется. Время потому что три ночи. А завтра еще вставать непонятно во сколько — часов в одиннадцать, раньше не проснуться.

Подготовлено и сдано в печать 22.09.1998 3:15

Первая редакция настоящего текста выполнена специально для участника описываемой экспедиции —

Евдокимова Дениса Сергеевича. С Днем рождения, тебя, Денис! В следующем экземпляре допишем что-нибудь еще, что здесь не влезло. Про Уфу и про ацетиленку, и еще про презервативы.

Интернет-версия подготовлена 14 ноября 1998 г.

Про уфачей... (Света)

Очень долго мы все были твердо уверены, что мужчины из Уфы сильны, серьезные, спокойны и молчаливы. На заброске Митек с Комой казались далекими и недоступными: всегда в авангарде, на перекусах с перекурами где-то в стороне, а рюкзаки огромные-е-е.

Да и потом, в пещере уфимских транспортников невозможно было спутать ни с чем. Фиг поднимешь, хрен утащишь. Еще бы: к работе в дыре они подошли серьезно и основательно: комфортной жизни в ПБЛЕ захотели.

Возможно, там даже зонтики и запчасти для самогонного аппарата были, кто знает...

В результате пермские и свердловские пижоны, потравившись своим гексом, позамерзав в тонюсеньких спальниках и возжелав музыки и веселья, косяками шли в уфимский лагерь. И мы по-прежнему верили, что ребята из Уфы самые серьезные, основательные и спокойные люди во всей экспедиции.

Все открылось под Арчой.

Наверное, свою роль сыграло внезапно появивше-

ся свободное время. Впрочем, в первый вечер Митек с Комой развлекались вполне пристойно и соответствовали своему имиджу. Весь вечер играли в преферанс. Зато уже на другой день они стали целенаправленно искать презерватив. Хотя бы один. И ладно бы на что доброе...

С горящими глазами, перебивая друг друга и размахивая руками, серьезные и очень взрослые мужики из Уфы рассказывали нам, как что взрывать. Сколько и куда засыпать и как далеко нужно при этом отбегать. Тут же продемонстрировали взрывание пластиковых бутылок, заполненных ацетиленом. А потом дошла очередь и до презервативов...

Оказывается, если натянуть его на горелку, наполнить ацетиленом так, чтобы в диаметре презерватив стал сантиметров 20, и поджечь... Будет очень красиво. Особенно, если в темноте взрывать. И отбегать, желательно, подальше. Чтобы каплями резины не обрызгало. В качестве бикфордова шнура рекомендуется использовать туалетную бумагу.

Этому нас учили серьезные, взрослые, сильные мужчины из столицы Башкортостана. Детский сад, да и только...

Этим мы и занимались в последнюю ночь под Арчой. А уфачи искренне удивлялись, что мы не знаем такого варианта использования презервативов.

Прощание со Священным гротом

Фотографии Александра Рольщикова

Николай АВДЕЕВ, действительный член
Русского Географического Общества Академии Наук.

Тайна Ибрагимовского шурале

Несколько лет назад довелось услышать мне историю о необычном событии, произошедшем в далеком теперь от нас 1913 году в Пермской Губернии, на реке Тече, в башкирской деревне Ибрагимово (в настоящее время Челябинская область). Объявилось здесь дикое волосатое существо — шурале, лесной человек. Пугал шурале местных жителей, гонял и драл по ночам скотину и лошадей, оглашая окрестные леса диким криком и воем. В те годы особенно за лошадями наказывали строго, так что недолго терпели мужики выходки шурале, и в одну из ночей, вооружившись вилами, топорами, ломами устроили засаду на лесного волосатого разбойника.

Не знаю, представляли ли местные жители, что есть такое их объект охоты: но после того, как за деревней удалось выследить и убить это существо, никто не сомневался — это шурале, обросший шерстью человекоподобный зверь, о котором знали по легендам и рассказам.

И поскольку акт возмездия был совершен, о случившемся решили доложить «по инстанции». А до приезда начальства прибитого шурале недалеко от деревни, в лесу, прикопали в небольшой яме. Как выяснилось на следующее утро, жизнь в шурале еще теплилась: его обнаружили у ямы. Он лежал наполовину выбравшись из неглубоко устроенной ему могилы. На большее у него сил уже не хватило, и он окончательно испустил дух, оскалив свои огромные белые зубы.

Для расследования обстоятельств дела в деревню прибыли урядник и войсковой старшина из казачьего округа. Они осмотрели убитого шурале, и хотя был он человекоподобным, но видом и образом своим от человека разумного отличался значительно: черен, покрыт сплошным волосяным покровом, огромные нависшие над глазами брови (надбровные дуги), небольшой приплюснутый нос, лба не видно, зато массивный затылок, руки ниже колен, глаза красноватого цвета, крупные ярко-бе-

лые зубы и длинные тупые ногти на руках.

Трудно сейчас оценить мотивировку расследования, но состава преступления найдено не было, и урядник с войсковым старшиной, закрыв дело, наказали местному мулле — предать тело зверя земле, что мулла с помощниками и сделали. За деревней, в лесу у реки, выкопали глубокую могилу, зацепили подводой тело шурале и потащили к месту захоронения. Могилу привалили огромным валуном, учитывая не только то, что это существо выбиралось из своего первого захоронения, но еще одно очень интересное обстоятельство. Дело в том, что после убийства шурале возле деревни по ночам стали объявляться собратья ночного разбойника. Они, воя и крича, бродили недалеко от места захоронения, пытаясь приблизиться к нему. Так что, кроме огромного валуна на могиле, было решено выставлять еще и вооруженную охрану по ночам, исключив, таким образом, возможность похищения из могилы трупа шурале его сородичами. Стоял этот пост до тех пор, пока ночные крики и вой не прекратились. Место захоронения было объявлено запретной для правоверных зоной, куда нельзя было заходить — дабы не осквернить себя нечистой силой.

Говорят, что об этой ибрагимовской истории в свое время писала головная губернская газета «Пермские губернские ведомости».

Мне эту историю поведал челябинец Фаиль Садыков, который, в свою очередь, услышал обо всем от своего деда Галима Гарипова, когда тот в далеком детстве видел убитого шурале и присутствовал при его захоронении. В настоящее время деревни Ибрагимово не существует, как и ряда других ликвидированных деревень, находившихся на реке Тече, отравленной радиоактивными отходами из ПО «Маяк».

Нет уже в живых Галима Гарипова — очевидца тех событий — столько лет прошло; поэтому наши с Фаилем поиски необычного захоронения, начав-

шиеся несколько лет назад, основательно затруднены: дед Галим не показал внуку точного места, где зарыт шурале, указав лишь направление, куда ходить не следует.

Первая наша поездка с Файлом Садыковым в район бывшей деревни Ибрагимово была сориентирована на определение хотя бы размеров территории, где может находиться таинственная могила. Место, куда указывал Галим Гарипов, Файл нашел не без труда. Мы обошли эту местность, но явных признаков захоронения не обнаружили. Нужны были дополнительная информация и информаторы.

Поиски я начал со знакомства с родителями Фаиля, ведь его мать — Насифа Галимовна — дочь Галима Гарипова. Она также прекрасно знала эту историю, и не только от своего отца, но и от его братьев, живших тогда в Ибрагимово, куда они с отцом часто ездили гостить из Челябинска. В одну из таких поездок, когда они шли по лесной дороге от тракта к деревне, девочка Насифа и услышала от отца необычную историю об убитом шурале. И уже при подходе к Ибрагимово Галим Гарипов, остановившись, наклонился к дочери и почти шепотом произнес: «Здесь он лежит, дочка, недалеко, вон в том лесу,» — и указал на близлежащий лесок.

Уговорил я Наскфу Галимовну посетить места ее детства. Ходили мы с ней по той лесной дорожке, на которой услышала она необычную историю. Долго и задумчиво стояла она там, пытаясь более точно и определенно вспомнить место, куда указал ей отец, поведав историю о шурале. Местность здесь со времен 50-х годов прошлого века изменилась, к моей радости, незначительно — ввиду отсутствия там, в первую очередь, человеческой деятельности, т.к. река Теча и близлежащие болота — заражены. Такой вот страшный природный заповедник — и, как это ни странно, но именно это обстоятельство и позволило Насифе Галимовне довольно точно сориентироваться на местности. Как потом выяснилось, и не только ей.

Незаменимым моим помощником в поисках информации по «делу» о шурале стал муж Насифы Галимовны — Абдрахман Шафикович Садыков. Он также прекрасно знал эту историю. Единственное о чем всегда сокрушался: почему в свое время не попросил тестя, когда бывал с ним в Ибрагимово, показать ту загадочную могилу.

— Ведь дед, наверняка, сводил бы меня к ней, — почти горевал Абдрахман Шафикович.

Луч надежды сверкнул у меня, когда узнал я, что жива сестра Галима Гарипова — Мазина. Но

только сверкнул — ибо поведал мне Абдрахман Шафикович:

— Во-первых, бабушка Мазина моложе своего брата Галима; а во-вторых, в те годы башкирским женщинам и на кладбище-то ходить запрещалось, а уж про захоронение шурале и говорить нечего. Хотя историю эту она знает — я сам от нее слышал.

И все-таки мы решили, что бабушку Мазину надо привезти на ее бывшую родину. Уговаривать не пришлось — ностальгия по отчим местам и желание посетить могилу своих родителей преодолели солидный возраст старушки, и мы с Абдрахманом Шафиковичем аккуратно доставили ее к деревне Ибрагимово. Историю о шурале она подтвердила: знала об этой истории и от своих родителей и, конечно, от брата Галима, который неоднократно пытался сводить свою младшую сестру к могиле шурале, а та, с ужасом слушая его смелые речи, зажимала уши и стремглав убежала прочь.

Следующий этап поисков сводился к опросу жителей бывшей деревни Ибрагимово, рассеянных в настоящее время по различным районам и деревням. Выяснив названия этих населенных пунктов, мы с Абдрахманом Шафиковичем начали их объезд и скрупулезный опрос всех, кто что-либо знал и помнил о необычной истории, произошедшей в 1913 году. Плюсом в этих опросах было подтверждение этой истории, а минусом — то, что прямых очевидцев в живых уже не было, а потомки их, те которые знали суть дела, точного места захоронения указать не могли.

И только в деревне Этимганово нам удалось найти бывшего жителя Ибрагимово, ныне пенсионера, Керамата Абдулина, который не только знал эту историю, но и по его словам:

— Когда мне было лет двенадцать, один из моих старших друзей не только рассказал мне о шурале, но и показал его могилу, на которой мы для храбрости даже стояли и прыгали.

Взяв лист бумаги, Керамат тут же набросал план бывшей деревни и место, где должна была находиться могила; но мы уговаривали его выехать с нами непосредственно там.

Наконец Керамат назначил нам день, и мы, забрав старика и с надеждой на успех, выехали в сторону Ибрагимово. Ориентируясь на местности, Керамат немного растерялся. Лес его детства, конечно, изменился: разросся, старые ориентиры исчезли, а новая молодая поросль изменила ландшафт полностью. Успокаивало меня одно: Керамат, внимательно ходивший по лесу в поисках могилы, осматривал как раз тот район, куда, по воспомина-

ниям Наеифы Галимовны указал ей отец, рассказывая страшную историю о шурале. Вдобавок я видел, что место, вокруг которого вот уже долгое время кружит Керамат, значительно меньше первоначально нами определенного. Наконец он остановился и твердо сказал:

— Здесь!

Неужели это победа! Но радоваться было рано. Детская память у Керамата, как оказалось, была не столь крепка, как хотелось бы. На том месте, где прозвучало слово «здесь», захоронения не было — мы это проверили сразу. Еще более часа барражировал Керамат по лесу, вспоминая все подробности того дня из детства, когда он так храбро с товарищами плясал вокруг могилы шурале, но точного места не вырисовывалось. Единственное, как сказал Керамат, что он выяснил четко и определенно: то, от каких и до каких ориентиров в лесу должна находиться могила. Он очертил нам своеобразный квадрат, внутри которого, по его словам, должно быть то, что мы так усиленно ищем. Квадрат, очерченный Кераматом, был размеров вполне соизмеримых с нашими силами перекопать его даже полностью.

Художник Альберт Туманов

По совету своих друзей-единомышленников, решил привлечь к поискам могилы методы парапсихологии — тем более, что была парапсихолог, с которой я знаком уже довольно длительное время. Имя ее хорошо известно в Челябинске — Лопатина Маргарита Александровна. Она любезно согласилась попробовать свои силы в столь необычном даже для нее деле.

Первое, на что она сразу же обратила свое внимание, когда мы подходили к месту, обозначенному Кераматом — это то, что оттуда исходило некое свечение, которого я не видел, а она, по ее словам, не только видела, но и ощущала. Тогда я предложил Маргарите Александровне провести эксперимент на проверку этих ее ощущений: отснять фотоаппаратом то место, где она наблюдает это свечение, ибо «глаз» фотообъектива видит то, что недоступно зрению человеческому. Я встал на то место, откуда исходило свечение, а Лопатина щелкнула аппаратом. Впоследствии, когда я проявил пленку, изумлению моему не было предела: на снимке я стою в лесу, а надо мной и за мной некое черное облако (пленка была черно-белая). Причем свечение это, по словам Маргариты Александровны, не стояло на месте, а перемещалась — то удаляясь, то приближаясь к нам. Что это значит — моя парапсихолог ответить не могла, с подобным она еще не сталкивалась. И что удивительно: свечение не позволило Лопатиной начать локацию с рамками: они крутились у нее в руках, как ненормальные — а вот это я уже видел своими глазами. В конце концов парапсихолог заявила, что это свечение не дает ей работать и как бы изгоняет ее с этого места. Но подчеркнула: только ее, но не меня. Ко мне, как она сказала, свечение это благосклонно и даже дружелюбно! Такие вот парапсихологические явления обнаружались в местах наших поисков. Мы договорились с Маргаритой Александровной, что через некоторое время она снова посетит эту местность в надежде на более благосклонное и к ней отношение этого необычного свечения.

Недавно Фаиль Садыков принес мне еще одно сообщение, которое исходило от сына того самого муллы, которому в 1913 году было поручено захоронить шурале. Имя его Усман Бенжадитов. Знает он и историю эту, и место захоронения, но будучи уже человеком старым, больным и слепым, на попытки Фаиля выяснить, где находится могила шурале, отвечал: «Ищите около родника, на бугре, что возле развилки дороги». Есть ли надежда найти? Считаю, что надежда есть всегда!

Павел СМОЛИН

ПАМИРСКИЙ ДНЕВНИК

(продолжение)

10 августа.

Под утро погода испортилась. Сыпал снег с крупой. Выход перенесли на более позднее время. Валентина с Ириной ушли чуть раньше нас. Мы с Виктором дотащили нарты до подъема, до снега и запрягли собак. Первый, самый крутой участок прошли со страховкой. Я страховал, Виктор работал с собаками. Вскоре догнали девчонок, забрали у них рюкзаки, положили их на нарты. По пути погрузили брошенную кем-то палатку. Вес нарт — килограммов шестьдесят, но собаки тянут хорошо.

Уже на «сковородке» нас накрыла туча, посыпала снежная крупа. Ирина с Валей отстали. Выехав на ровный участок, решили их подождать. Не дай бог, если снег не прекратится — тропу занесет, и девчонки могут сбиться; а это опасно. К счастью, облака поредели, снег кончился, выглянуло солнце. Вот и Ирина с Валей. Ирина попросила прокатиться на нартах. Тропа идет полого, но не проехала Иринка и трех метров, как перевернулась: нарты правым боком провалились в снег. Пока их вытаскивали на тропу, из рюкзака выпала алюминиевая фляжка и покатила к леднику. Я кинулся за ней, но куда там. Через пару секунд она исчезла в одной из многочисленных трещин.

На участках с боковым наклоном я вставал на полоз нарт, удерживая их от переворота, как это делают на паруснике. И все-таки пару раз перевернулся. Наконец, подъехали к скалистому склону, на котором располагались палатки промежуточного лагеря на 5300. На подъем потратили около пяти часов.

Встретил нас Володя Рыкшин. Остальные отдыхали в палатках. Ребята ходили с заброской на 6100. Отнесли туда часть продуктов, палатку, бензин, кое-что из снаряжения; трое не дошли. Заниматься поисковыми работами придется завтра.

Володя рассказал, как они поднимались на 5300.

Ирина Маликова на крутом участке сорвалась и пролетела метров двадцать. К счастью, все обошлось благополучно.

Здесь, на 5300, многолюдно. Во всяком случае, кроме пяти наших палаток стоит еще дюжина — в основном иностранных. Нам с Виктором отвели место на самом краю осыпи.

11 августа.

Около часу проснулся от сильной головной боли. Сделал массаж головы, шеи, но боль не утихла. Одевшись, вылез из палатки. Яркая луна заливала все вокруг фантастическим светом, искрился под ногами снег. Щеки щипало морозом. Прогулялся по тропинке вверх и вниз, но состояние не улучшилось. Решил разбудить нашего доктора, Витю Уренкова, попросить что-нибудь от головной боли. Не успел подойти к палатке, как увидел протянутую руку с таблеткой пентальгина. Оказывается, я не первый полуночникаю. Впрочем, таблетка сделала свое дело: боль успокоилась, и я уснул, пригревшись в спальнике.

Утро не принесло ощущения хорошего самочувствия. Аппетита нет, легкая слабость, голова как ватная. С трудом выпил полкружки кофе. Ирина Маликова попросила запрячь собак: она не успела вчера ничего снять. Часа три снимала, в итоге отказала кинокамера.

Тем временем альпинисты РТИ стали готовиться к спуску. О поисковых работах никто не сказал ни слова. В какой-то степени сказалось отношение к спасательным работам самих спасателей. В течение месяца они убедились в том, что на «сковороде» ничего нет. Правда, намекнули, что если мы желаем, то можем поискать. Поиск входил в наши планы, но вчерашний срыв с заброской на 5300 не позволил нам сохранить силы.

И вот мы тоже побрели вниз — во второй половине дня снег развезет, спускаться будет опасно. Собак отпустили с цепей, они бежали следом. Володя Рыкшин ушел вперед, а мы с Виктором Долгановым сопровождали Ирину Маликову. Спус-

Начало в №№ 11, 12 за 2001 г.

кались нормально, все трещины миновали успешно; но внизу, на самом крутом участке, Таймыр вдруг заскулил и остановился. Остальные собаки спустились без боязни. Когда Таймыр вновь попал в их окружение, Боб устроил драку. Еще пять лаек бросились на Таймыра, рычащий клубок исчез за возвышением. Я снял рюкзак и побежал следом. На мои крики собаки не обращали внимания. Тогда я стал звать Таймыра, и он, вырвавшись из напавшей своры, сообразил, где надо искать спасение; огрызнувшись несколько раз, подбежал ко мне. Собаки отстали, а я держал Таймыра за ошейник и долго не мог отдышаться. Таймыр, вроде, отделался легким испугом и лишь слегка прихрамывал на переднюю лапу.

На поводке довел его до лагеря на 4200. Пока я раздевался, Боб повел собак шариться по окрестностям. Еле их дозвался. Боб пришел последним и, чувствуя за собой вину, долго не давался в руки. Наконец, я посадил его на цепь и отодрал за уши. Боб стал огрызаться и умудрился укусить меня. Пришлось дать ему хорошую взбучку. На Чукотке, если собака укусит хозяина — ее убивают; но у нас все обошлось «гуманно»...

Пока пили чай, подошли Витя Долганов с Ириной Маликовой и доктором. Пытались уговорить

Иринку отдохнуть и заночевать в лагере на 4200, но она настояла, чтобы спускаться со всеми в базовый лагерь. Пошли вниз. Встретили Володю Буракова, Женьку и Кирила. Они на 4200 будут дожидаться нашего возвращения после отдыха.

При переправе через речку прыгнул в узком месте, да не рассчитал и вывихнул правую ступню. Вот это фокус! Быстро снял кроссовку, опустил ногу в ледяную воду. Боль утихла, но не надолго. До лагеря добрел, прихрамывая. Ступня припухла. Вечером ходил в сауну (в МАЛе), прогрел ногу, помылся под прохладным душем.

После ужина не хватило терпения дожидаться чаю — до того хотелось спать. А ночью снились стаканы с газированной водой. Проснулся с пересохшим горлом. Вылез из палатки и под морозящим дождем побежал на кухню.

Погода явно испортилась. Ветер порывами, дождь. Палатка протекает, полиэтилен наполовину сдуло, но заниматься ремонтом ночью... Чуть поправил полиэтилен — и быстро в палатку, в теплый спальник.

12 августа.

Завтракали около десяти часов. Поступили жалобы на Чауна: таскает вещи из палаток. Его

Некоторые члены в экспедиции отдыхают вот так...

наказывают, но помогает мало. Любит бывать в гостях, хотя спит всегда в нашей палатке. Покажешь ему место в ногах у выхода, он свернется клубочком, а ночью перебирается ближе к нам; под утро, обычно, лежит между спальниками.

Любит спать на спине, раскинув лапы. Смотрится очень смешно. Ему всего пять месяцев, однако себя в обиду никому не дает и чужих к лагерю не подпускает. Однажды, когда приехали киргизы на осликах, Чаун умудрился дернуть за хвост осла. Обожает бродить около кухни, так как частенько перепадает что-нибудь вкусенькое, и, если его прогоняют от центрального входа, подлазит под палатку с противоположной стороны.

Сегодня весь день то солнце, то снежная крупа, а к вечеру неожиданно из-за горы стала наползать черная зловещая туча. Ветер стих. Все выбрались из палаток, стали наблюдать, что будет дальше. Один из местных сказал, что ничего особенного, просто движется буря. Успел прошмыгнуть и приземлиться на площадку вертолет, а туча, тем временем, коснулась своим ватным краем другого конца долины. В промежутке между землей и тучей проглядывались освещенные солнцем вершины Алайского хребта.

У нас сегодня праздничный ужин. Выменяли у киргизов барана, и Женя Затирка, руководитель альпинистской секции РТИ, возглавил приготовление плова.

Сели за стол тогда, когда началось светопреобразование — ураганные порывы ветра, снежная крупа, гром и молния. На «улице» бесновалась непогода, а мы сидели в столовой и наслаждались результатами труда наших поваров. Вместе с нами ужинали Даниэль и его двое товарищей. Беседовали с ними, в основном, доктор и Ирина Тарасова, неплохо знающие английский язык. Остальные прислушивались к разговору, а потом долго играли на гитарах и пели песни.

13 августа.

Всю ночь валил снег. Он накапливался на крыше палатки и с шуршанием скатывался вниз. Утром все было покрыто сугробами. Гор не видно, а снег все шел и шел. Как же там наши ребята — на 4200? Хорошо, что вовремя спустились с 5300, иначе все могло быть намного хуже.

Весь день спали.

14 августа

Сырость великая! Снег мокрый, температура плюсовая. С самого утра разгребали палатки. А я сегодня дежурный вместе с Таней Николаенковой. Натаскал воды. После завтрака — овсяной каши

и кофе — перемыли посуду. Отдохнули немного, и снова заступили на дежурство. Теперь мне понятно, почему всех нас в первые дни преследовала болезнь. Посуда и овощи моются в воде из речки. А вода здесь, судя по всему, своеобразна по химическому составу. Неплохо бы перед едой принимать граммов по пятьдесят. Что мы и сделали в обед, так как у Иринки Карпинчик был день рождения. Из всех пожеланий самое, по-моему, удачное — родиться летом, в середине августа, а не зимой, когда на улице то снег, то дождь...

После обеда с 4200 пришли Бурлаков с Женькой. Женька стер ноги, еле добрал до лагеря. Борисихин, Курбатов и Слободчиков остались наверху. Снегу там еще больше; он не тает, а идет и идет. Постоянно гремят лавины.

Пока неясно, на сколько затянется непогода. Володя Бурлаков сказал, что пришло штормовое предупреждение. Может встать вопрос о прекращении экспедиции. Под вечер снова подул ветер, пошел снег с крупой.

Сегодня получили трагическое сообщение из МАЛа. Умер альпинист, у которого перед непогодой обострилась язва желудка и началось кровотечение. Спасти его могла только срочная доставка вниз, в больницу, где есть операционное оборудование, но вертолет был беспомощен. Наши Иринки — Маликова и Тарасова — ходили сдавать кровь, и, кроме них, еще шесть человек из других команд, но было уже поздно...

Пишу дневник. Чаун спит, свернувшись в ногах. Но вот он потянулся, зевнул, встал, высунул голову из палатки, посмотрел по сторонам и снова улегся. Днем застал его за вытаскиванием из нашей палатки полотенца. Наказывать, похоже, бесполезно: он обижается, но продолжает шкودить.

В соседней палатке, у Женьки, играет радиоприемник, а с другой стороны доносятся возгласы и смех не скучающей «толпы». Живем в целом неплохо, но иногда проскальзывают нотки недоброжелательства. Проскакивают-таки. Чаше всего мы их слышим от поварих. Каждый день одно и то же, устают. И еще: фактор разделения, обособления — вот это альпинисты РТИ, а вот это остальные, то есть мы. Естественно, все лучшее — первой группе. Не хочется, но все же обращаешь на это внимание...

Посмотрел на себя в зеркало — дикий ужас! На лице шетина, губы обметало, кожа на носу и щеках облазит. Такое почти у всех. Исключение — Володя Рыкшин. Умеет человек защищать лицо от лишнего ультрафиолета. Как он сам сказал, надо уметь себе не создавать лишних неудобств в го-

рах. С его опытом это возможно. Попробую завтра побраться и привести себя в порядок.

Начинают беспокоить зубы. От сухарей выкрошились две пломбы. Боюсь, как бы зубы не разболелись при восхождении.

Вечером немного распогодилось. Туча ушла вниз, на долину. Снова был необычный закат. Все вышли из палаток, играли в снежки, любовались разноцветьем облаков.

На ужин Женя Затирка приготовил «памирские сладости» — козинаки из овсяных хлопьев, масла, сахара и молока. Вкуснятина!

Наше с Татьяной дежурство закончилось под гитару. Я играл, а Таня мыла посуду. Сие разделение труда было предложено Танюшей. А какой мужчина не уступит просьбе женщины!

15 августа

Утром появился Андрей Мухин с арбузом в руках. Он ездил в Ош, лечить зубы. Вчера доехал до последнего поселка и топал к лагерю двадцать семь километров. Оставалось еще восемь, когда застала ночь. Вышел к кошаре, где гостеприимные киргизы предложили ему заночевать. Арбуз — их гостинец.

Сегодня подморозило. Ясная солнечная погода. После обеда провели собрание. Наметили план действий по штурму пика Ленина. Разделились на две команды: группу обеспечения и спортивную. В первую вошли Рыкшин, Евсюков, Кравченко, Николаенкова, Плотников, Затирка, Слободчиков, Долганов и я. Остальные — во вторую.

Спортивная группа выйдет завтра на 5300, 17-го поднимется на 6100, ночует, 18-го спустится в базовый лагерь и два дня будет отдыхать, 21-го — снова на 5300, 22-го — на 6100 или на 6400, ночует и 23-го попробует штурмовать пик Ленина (7134 метра), после чего вернется на 5300, а 24-го придет в базовый лагерь. Наша группа пойдет по такому же графику, только с задержкой на сутки.

Обе Иринки идут только до 4200: они сдавали кровь, им нужно время для восстановления. Кинокамеру берет с собой Сергей Кравченко. Тарасова дала мне плеер для записи впечатлений.

Рвется в бой Андрей Мухин, но у него после поездки в Ош недостаточная акклиматизация. Максимум, что ему разрешил Рыкшин — быть комендантом в лагере на 4200. Неясно, до каких пор дойдет с нами Витя Долганов. Предыдущие походы показали его работоспособность, но Рыкшин против подъема Виктора на большую высоту: в горах он все же новичок. Завтра со спортивной группой на 5300 выходит Саша Курбатов, будет

там дожидаться нас.

И вдруг к вечеру поступило сообщение: пик Ленина из-за лавинной опасности закрыт для восхождений на два дня. Только что попал в лавину и погиб швейцарский альпинист. Значит, все смещается, а на тридцатое уже заказан самолет на Свердловск. Как все неудачно!

Часа три бродил с Чауном по долине, после ужина сразу лег спать.

Накануне познакомился с западным немцем. Ему лет сорок пять, возвращался сверху и с удовольствием согласился выпить с нами чашечку горячего кофе...

16 августа

День незапланированного отдыха. Решили с Долгановым прогуляться до дальнего озера, краешек которого виден чуть в стороне от реки Ачик-Таш, текущего у противоположного края долины. Река несется в глубоком каньоне. Сверху кажется вполне преодолимой, но когда мы спустились к бушующему потоку, переправляться не решились. Пошли вниз по течению. Добрались до слияния Ачик-Таша с притоком, на котором стоит наш лагерь, полюбовались обрывистыми берегами соединяющихся каньонов и направились к озерку, где уже как-то загорали и купались.

К обеду, набродившись, пришли в лагерь. Чаун, сопровождавший нас, взялся за незаконченный завтрак, а потом растянулся в тени у палатки.

Вечером пришли гости — Даниэль с Жераром и немец Курт. Французы завтра уезжают. Курт сказал, что завтра их команда проводит вертолетную экскурсию вокруг трех памирских семитысячников. Разговоры затянулись до поздней ночи.

Вперед!

(Окончание следует)

Сергей КОНДРАШИН

Скала «Писаница». Первое погружение

СПРАВКА. Скала «Писаница» находится на левом берегу реки Серга (правый приток р. Уфа) и известна благодаря наскальным рисункам, сделанным в доисторическое время.

Желание сделать fist penetration (первопрохождение) подводной части скалы Писаница возникло сразу же, как только подробно рассказал мне об этом удивительном месте директор природного парка «Оленьи ручьи» Александр Добров.

Быть первопроходцем — всегда сильнейший стимул подготовить и сделать погружение. Одновременно в душе теплится надежда найти под скалой орудия труда нашего древнего земляка-предка, а также попутно развеять (или подтвердить) легенды о наличии в подводной части скалы входа в пещеру. Карстовый состав скалы не дает покоя и вселяет надежду.

Почти год ушел на подготовку поездки — и вот наконец я уже несусь на «Буране» по плотному снегу к заветной скале, позади прицеп с многочис-

ленным подводным оборудованием. «Буран» лихо скачет по пригоркам, ветки кустарника нещадно бьют по лицу, но наш проводник — Павел Воздвиженский — газ не сбрасывает. Эти ощущения дают хороший прилив адреналина и добавляют уверенности в том, что удача нам сопутствует. Стоит яркий солнечный день, но свежий ветер дает о себе знать.

Наконец мы подъезжаем к скале, снаряжение оставляем на берегу. На льду видны промоины, и ходить по нему опасно. Осторожно пропиливаем бензопилой майну прямо на форватере реки и готовим снаряжение. Из необъятных размеров сумки достаю компенсатор плавучести, регулятор и все это прикручиваю к баллону. Затем извлекаю маску, ласты и гидрокостюм, подводный фонарь и ком-

пьютер и аккуратно все это раскладываю. Не спеша одеваю на себя гидрокостюм, ласты и грузовой пояс и затем уже компенсатор плавучести. В это время обеспечивающий меня Евгений Тамплон разматывает толстый страховочный конец, к которому я всегда сам привязываю себя. Делаю все тщательно и медленнее чем обычно. Здесь каждый раз надо убедиться в надежности снаряжения и безотказной страховке. Нырять буду один, напарника нет, рассчитываю только на себя. Неторопливо одеваю гидрокостюм, сверху «шкуродер», привязываю к поясу страховочную веревку, натягиваю ласты и компенсатор плавучести. Не спеша, сдерживая охватившее всех волнение, провожу инструктаж. Все готовы. Меня страшит Евгений, видеосъемкой занимается Юрий Дубровин.

Старт! Прыгаю в майну и сразу же начинаю погружение. В этом случае чем меньше времени проводишь на поверхности воды, тем меньше шансов, что что-нибудь из снаряжения замерзнет. Меня сразу же подхватывает течение и начинает тащить. Продолжаю опускаться вниз, включаю подводный фонарь, вода мутная, видимость — 1.5 метра. Неожиданно появляется дно — крупная темная галька хорошо отполированная водой. Взгляд ни за что не цепляется — однородное дно, все остальное уноси с собой постоянное течение. Приходит понимание того, что найти здесь какие-либо следы прежней материальной культуры за прошедшие 2-3 тысячи лет работы течения конечно же невозможно. Замечаю стайку мелких рыбешек, меня они не боятся, любопытные, подплывают вплотную. Повидимому впервые встречают такую крупную особь, выпускающую огромные пузыри воздуха из рта. Сразу становится не так одиноко под этим ледным панцирем.

Решаю обследовать подножие скалы, подплываю к месту где лед смыкается с берегом. Ситуация та же — ни одной ямы, углубления, шероховатости — где хоть что-нибудь зацепилось. Я уже ушел на всю длину страховочной веревки. Евгений подает сигнал «веревка кончилась», возвращаюсь назад. Остается неудовлетворенность. Ситуация напоминает мне «собаку на поводке». Выхожу на лед, всем хочется услышать подробности погружения. Пока похвастаться нечем. Прошу быстро подготовить еще одну майну, с другой стороны скалы, и вновь погружаюсь. Глубина под скалой — около 4-х метров, дно чистое. Здесь подводная часть скалы куда интереснее. Высвечиваю 100 ватным фонарем большой карниз и спокойно заплываю под него. В глубине подводного грота наконец-то обнаруживаю отверстие — небольшой сифон, вход в подводную часть пещеры. Он круглый,

и в него с трудом может протиснуться голова, поэтому он однозначно не дает никаких шансов из-под воды проникнуть в желанное подводно-подземное царство. Продолжаю обследовать оставшуюся часть скалы — периодически встречаются только неширокие трещины. Обидно, но здесь единственными счастливыми посетителями подводной пещеры остаются только небольшие рыбешки. Но понимают ли они свалившееся на них счастье?

Воздух в баллоне уверенно подходит к критической отметке 50 атм, прошло уже 40 минут, пора возвращаться на сушу. Последний взгляд на безжизненное дно, любопытных рыбок и выхожу на поверхность. Все. Цель погружения достигнута, хотя и результат отрицательный. Первые глотки свежего воздуха кажутся особенно вкусными и запоминающимися. Сейчас можно с удовольствием снять снаряжение, налить кружку горячего чая и не спеша рассказать друзьям об увиденном.

Сергей Кондрашин

По данным
Управления Федеральной Почтовой Службы,
журнал «Уральский следопыт»
по подписке в I-м полугодии 2002 года
будут получать в городах **Урала:**

Екатеринбург
Карпинск
Верхняя Пышма
Асбест
Верхняя Салда
Березовский
Богданович
Первоуральск
Краснотурьинск
Качканар
Кировград
Нижний Тагил
Новоуральск
Кушва
Ревда
Каменск-Уральский
Невьянск
Ивдель
Реж
Серов
Алапаевск
Североуральск
Арамил
Камышлов
Краснофимск
Новая Ляля
Нижняя Тура
Полевской
Лесной
Сысерть
Талица
Туринск
Пермь
Березники
Чайковский
Александровск
Верещагино
Лысьва
Кунгур
Соликамск
Челябинск
Златоуст

Кыштым
Аша
Миасс
Троицк
Садка
Касли
Южноуральск
Магнитогорск
Озерск
Куса
Копейск
Коркино
Уфа
Ишимбай
Бирск
Нефтекамск
Белорецк
Курган
Куртамыш
Макушино
Шадринск
Оренбург
Бузулук
Новотроицк
Соли-Илецк
Орск
Бугуруслан
Абдулино
Медногорск

А также в городах западной Сибири:

Тюмень
Нефтьганск
Тарко-Сале
Ноябрьск
Когалым
Верхнеуральск
Нягань
Ханты-Мансийск
Сургут
Надым

УРАЛЬСКИЙ следопыт

2,2002

Директор редакции Сеницын Александр

Зав. отделом истории и краеведения
Зав. отделом прозы и поэзии
Зав. отделом фантастики «Аэлита»
Зав. отделом «Встречный ветер»
Художественный редактор, верстка
Корректор

Юний Горбунов
Петр Родимов
Евгений Пермяков
Владимир Чудинов
Татьяна Суворова
Елена Тришкина

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет:

Председатель — **Фирсов Максим Юрьевич**
Спектор Семён Исаакович
Савенко Евгений Викторович

Главный бухгалтер

Елена Балабанова

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г.
Министерством печати и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Цена по подписке 30 рублей. В розницу журнал не распространяется.
По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. 22-36-62

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com

Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 2-2002

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Тираж 3500. Заказ № 178
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести», г. Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ

Северный Урал простирается от Косьювского Камня и соседнего с ним Конжаковского на юге до северных склонов массива Тэл-Поз-Из, а точнее до берега реки Щугор, огибающего его с севера. Уральский хребет идет здесь строго с юга на север несколькими параллельными хребтами и увалами шириной в среднем до 50 - 60 км. Рельеф среднегорный, с плоскими вершинами — результатом поднятия древних выровненных гор и воздействия последующих оледенений и современного морозного выветривания.

Главные его вершины, часто стоящие в стороне от главного водораздельного хребта, это: Конжаковский Камень (1569м.), Денежкин Камень (1492м.), Чистоп (1292м.), Отортен (1182м.), Кожим-Из (1195м.), Тэл-Поз-Из (1617м.). Большой интерес представляют остатки более твердых пород — великолепные скалы и останцы; наиболее известные из них - на горах Мань-Пупыг-Нёр, Торре-Порре-Из, Мушинг-Тумп.

Северный Урал — один из самых глухих и труднодоступных районов Урала. Севернее Ивделя, Вижья и Ушмы почти нет населенных пунктов и, соответственно, дорог. К горам с востока и запада подступают непроходимые леса и болота. Климат здесь уже достаточно суров. В горах много снежников, которые не успевают растаять за лето. Встречаются и пятна вечной мерзлоты, причем до широты Конжаковского Камня. И хотя ледников в этих районах нет, в карах Тэл-Поз-Иза — самого высокого массива Северного Урала — найдены два маленьких ледничка.

Несмотря на суровость Северного Урала, он очень популярен у туристов. Недавно даже экстремалы на вездеходах по руслам рек добрались до печально знаменитого перевала Дятлова, где в 1959 году по неизвестным причинам погибли 9 туристов из Уральского Политехнического института.

Почти 500 километров от Конжака до Тэл-Поз-Иза. Даже опытные туристы преодолевают этот сложный маршрут более чем за месяц, с учетом сложного выхода с маршрута.

КОНЖАК — ВЫСОЧАЙШАЯ ВЕРШИНА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Конжаковский камень или, как его называют туристы — Конжак — один из любимейших горных массивов у туристов из всех соседних областей. Серьезный и в то же время доступный, он посещается ими круглый год.

Как писал еще Э.К. Гофман, название свое гора получила по имени вогула Конжакова, живущего в юрте у подножия горы. Конжак — это огромный двадцатикилометровый горный массив, который еще называют Конжаковско-Серебрянским, т.к. он соединяется с Серебрянским камнем. К примеру, с горы Буртым он кажется одной большой горой. Межгорья вокруг Камня заняты тайгой, верхняя граница которой доходит до высоты 650-900м. Выше, как и везде, редколесье, подгольцовый и гольцовый пояса. Криволесья и кустарники сочетаются с горными лугами и горными тундрами.

Здесь красиво во все сезоны. Есть плавно опускающиеся долины и горные склоны, удобные для горнолыжников, а есть крутые и опасные обрывы типа Йовского провала. Весной снег лежит на склонах до мая месяца, когда уже зацветают горные подснежники, вербы и распускается золотой корень. Великолепные панорамы открываются с вершины Конжака в хорошую ясную погоду. На юге видна конусообразная Осянка, за ней — Басеги, а на Севере в 90 километрах — не менее знаменитый Денежкин Камень.

Евгений Савенко.

Фото автора.

*Конжаковский и Серебрянский (слева) Камни.
Вид с горы Буртым»*

